This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A-38

D
15
G67L4

STANFORD
LIBRARY
1891

ПЕЧ. ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ ВЪ С.П.Б.

Л-38
1936 г.

Д. М. Лёвшинъ

Печ. Екатерининской Женской Гимназіи въ С.П.Б.
Levshin, D. M.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ.

1959 г.

(Опытъ историческаго синтеза).

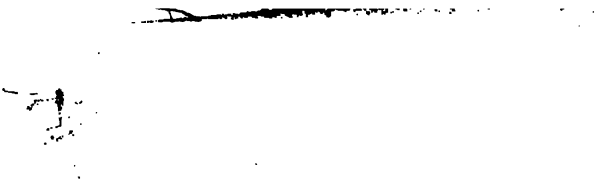
СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

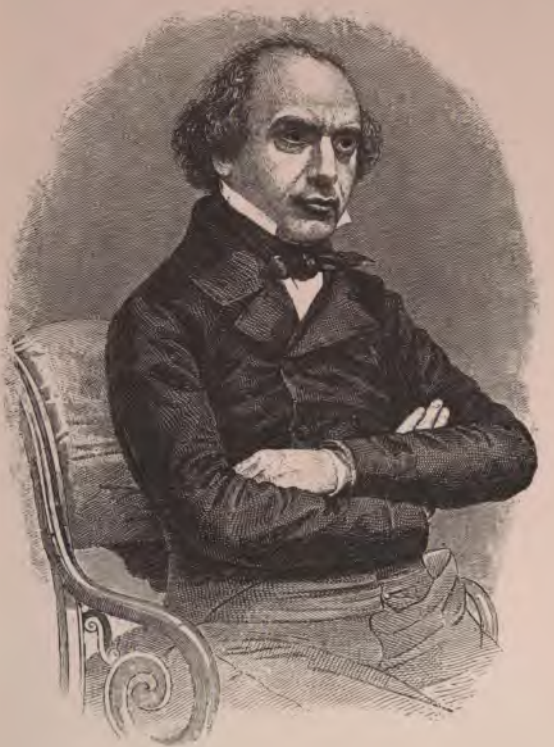
Ленинградский Институт
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 32426
1.9026.
Усов. Действования Учителей
1947

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати". Англійскій пр., 28.
1901.

D 15
G67 L4

Т. Н. Грановскій.





Т. Н. Грановскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе. стр.

1 Глава: Среда въ обширномъ смыслѣ этого слова . . . . . 1—107

2 „ Ближайшая среда . . . . . 108—158

3 „ Человѣкъ . . . . . 159—213

4 „ Подвигъ жизни . . . . . 214—238

Прибавленія:

1 Сочиненія Т. Н. Грановскаго 239

2 Главнѣйшія данныя о Т. Н. Грановскомъ . 239—241

Предисловіе.

Два тома сочиненій и томъ переписки,—вотъ наслѣдство профессора Грановскаго. Надо признаться, оно не велико. И не смотря на это, и на то, что прошло 45 лѣтъ со дня его смерти, имя Тимофея Николаевича, и теперь, окруженное какимъ то трогательнымъ уваженіемъ, продолжаетъ будить въ насъ благородныя стремленія къ чему-то возвышенному и напоминаетъ намъ о необходимости безкорыстно служить наукѣ, трудиться, совершенствоваться, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что онъ дѣлалъ всю свою жизнь.

Года два тому назадъ, въ царскій день, намъ пришлось присутствовать на утреннемъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ. Театръ былъ переполненъ учащеюся молодежью всѣхъ возрастовъ. Шелъ „Старый закалъ". Въ этой пьесѣ, между прочимъ, встрѣчается такая сцена: въ прекрасную лунную ночь,—въ заброшенной гдѣ-то въ горахъ, на Кавказѣ, крѣпости, предназначавшей-

ся служить отправнымъ пунктомъ для безконечныхъ экспедицій, предпринимавшихся съ цѣлью усмиренія строптивыхъ горцевъ,—бесѣдуютъ два офицера. Одинъ изъ нихъ былъ старый, честный, прямой, немного грубоватый и простоватый служака, вышедшій изъ нижнихъ чиновъ, закаленный въ бояхъ, но совершенно чуждый какой бы то ни было наукѣ; другой—принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые въ суровое николаевское время за вольнодумство и безпорядки попадали, совершенно неожиданно для себя, изъ аудиторіи въ солдаты на Кавказъ. Боевыя заслуги помогли ему не только получить офицерское званіе, но и украсить грудь свою георгіевскимъ крестомъ.

Лунная теплая ночь, величественный видъ дикой кавказской природы, возбудили въ бывшемъ студентѣ желаніе, что называется излить душу. Невольно поддаваясь ему, онъ начинаетъ вспоминать Москву, университетъ, профессоровъ. Ты не можешь себѣ представить, говоритъ онъ бравому маіору—дѣйствительно не могущему себѣ представить прелестей студенческой жизни,—что испытываю я здѣсь. Вотъ уже прошло 6 лѣтъ и даже болѣе того, а я, привыкнувъ къ опасностямъ боевой жизни, готовый каждую минуту умереть, не могу забыть дорогой университетъ и въ особенности чтеній профессора Грановскаго. Когда онъ говорилъ, мы всѣ слушали его съ напряжен-

нымъ вниманіемъ, боясь проронить хотя одно слово. И по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ своемъ разсказѣ, тамъ, гдѣ-то внутри, поднималось у насъ какое-то смутное желаніе сдѣлать что-то очень хорошее, сослужить службу родинѣ, но не такъ, какъ дѣлаю я это теперь. Нѣтъ, Тимофей Николаевичъ призывалъ насъ не къ разрушительной работѣ, а къ созидательной! Какъ хороша, окружающая насъ природа, восклицаетъ онъ. И зачѣмъ это люди созданы такъ, что они должны враждовать между собой и убивать другъ друга. О, моя несчастная молодость, безполезная жизнь! восклицаетъ воинъ по неволѣ. Дружные и долго несмолкаемые аплодисменты, отъ которыхъ дрожалъ театръ, послужили отвѣтомъ на этотъ монологъ, далеко не мастерски переданный актеромъ, не считавшимъ, вѣроятно, нужнымъ стараться для зеленой молодежи.

И зеленая молодежь аплодировала не ему, а выражала свое сочувствіе идеямъ знаменитаго профессора. Ясно было, что нравственное вліяніе профессора пережило его самого, и что онъ завѣщалъ русскому обществу нѣчто большее, чѣмъ 2 тома сочиненій.

Въ чемъ состояло это едва уловимое наслѣдство, часть какого и куда потраченнаго капитала составляло оно, и почему его такъ бережно передаютъ отъ одного поколѣнія къ другому, вотъ что постараемся мы выяснить на по-

Глава I.

Среда въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Грановскій родился 9 Марта 1813 г. [1]). Въ тотъ самый годъ, когда императоръ Александръ, можетъ быть, побуждаемый желаніемъ унизить Наполеона, можетъ быть — своимъ идеализмомъ [2]), а всего вѣроятнѣе—тѣмъ и другимъ, и въ особенности послѣднимъ, затѣялъ, только-что окончивъ жестокую войну, новую войну. Цѣль ея было освобожденіе Европы отъ ига, вотъ уже нѣсколько лѣтъ тяготѣвшаго надъ нею. Эта освободительная война [3]) являлась какъ-бы большимъ путешествіемъ, предпринятымъ русскимъ народомъ, съ опасностью жизни, для пополненія своего образованія за границею. Казалось, онъ былъ отправленъ туда для того, чтобы основательнѣе познакомиться съ тѣми идеями, которыми

---

[1]) А. Станкевичъ. Біографическій очеркъ. Изд. 2. Т. Н. Грановскій и его переписка. Т. I. Москва. 1897 г. стр. 5.

[2]) Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. С.-Петербургъ. Т. III, стр. 134.

[3]) Н. Шильдеръ, ib. стр. 138.

государствахъ [9]), безъ всякаго знанія исторіи своей страны [10]), они были убѣждены, что сами по себѣ хорошія учрежденія могутъ способствовать благоденствію народовъ [11]). Кромѣ того, будучи свидѣтелями возрожденія Германіи и закипѣвшей въ ней лихорадочной дѣятельности, играя прекрасную роль освободителей, внушившую имъ преувеличенное мнѣніе объ ихъ собственныхъ силахъ [12]), они искренно вѣрили, что если могли спасти Европу, то сумѣютъ перевоспитать Россію.

Четыре года непрерывной и отчаянной борьбы съ Наполеономъ въ значительной мѣрѣ сломили силы императора Александра [13]). Онъ усталъ, ему необходимо было отдохнуть, но надо признаться, совсѣмъ некстати, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда для поддержанія своей системы онъ нуждался въ большомъ запасѣ энергіи и душевныхъ силъ [14]). Парижъ, очаровавшій молодыхъ Русскихъ, произвелъ на него совсѣмъ другое впечатлѣніе. Въ одномъ изъ манифестовъ онъ его назвалъ „гнѣздомъ соблазна,

---

[9]) Записки Николая Васильевича Басаргина, Девятнадцатый вѣкъ. Изд. Пет. Бартеневымъ. Москва. 1872 г., стр. 68—70. А. Н. Пыпинъ, ib. стр. 352—354.

[10]) Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка Русск. стар. 1899 г. № 3 стр. 260—264. Изъ дневниковъ русскаго офицера (Свѣчина) о заграничномъ походѣ 1813 г. Русск. Арх. 1900 г. № 7 стр. 285.

[11]) Зап. П. В. Бас. ib. стр. 69. А. Пыпинъ ib. стр. 353.

[12]) Зап. Н. В. Бас. ib. стр. 70. А. Пыпинъ ib. стр. 354.

[13]) Н. Шильдеръ ib. т. IV стр. 4.

[14]) Н. Шильдеръ ib. стр. 4.

Благословенный императоръ восхищался въ первой половинѣ своего царствованія [4]) и отъ которыхъ во второй—отказался [5]). Можно было подумать, что Александръ I считалъ непремѣнно нужнымъ познакомить свой народъ съ практическимъ примѣненіемъ идей, знакомыхъ ему лишь въ теоріи. Русскіе воспользовались этимъ обстоятельствомъ и возвратились на родину съ искреннимъ желаніемъ пересадить къ себѣ то, что они видѣли въ Европѣ [6]); мы, конечно, говоримъ о высшихъ классахъ, объ офицерахъ, а не о солдатахъ, эти, большею частью, были твердо убѣждены въ томъ, что они призваны уничтожить антихриста [7]).

Полные силъ, юные гвардейцы получившіе вполнѣ антинаціональное воспитаніе [8]), недостаточно созрѣвшіе для того, чтобы не подражать, отуманенные тѣми-же словами и тѣми же фразами, которыми ранѣе ихъ упивалось не мало лицъ во Франціи и другихъ

---

[4]) Н. Шильдеръ, ib. Т. I, стр. 161—165.

[5]) Н. Шильдеръ, ib. Т. IV, стр. 1—7.

[6]) Бар. Розенъ. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ. Русск. Стар. 1884 г. Янв. стр. 66. А. Н. Пыпинъ. Общественныя движенія въ Россіи при Александрѣ I. С.-Петербургъ. 1885 г. стр. 346—356.

[7]) П. М. Дараганъ. Воспоминанія перваго камеръ-пажа Великой Княгини Александры Ѳеодоровны 1817—1819 г. Оттискъ Русск. Стар. С.-Петербургъ. 1875 г. стр. 30. Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Русск. Стар. 1898 г. № 12, стр. 493.

[8]) Пестель. Московск. отд. арх. Гл. Шт. Дѣла Паж. Корп. Связка № 123, д. № 13. Якушкинъ, Матвѣй Ивановичъ. Муравьевъ — Апостолъ. Русск. Стар. 1886 г. № 7, стр. 152—154. Наши сектанты-мистики. Русск. Стар. 1894 г. № 9, стр. 169—203.

государствахъ [9]), безъ всякаго знанія исторіи своей страны [10]), они были убѣждены, что сами по себѣ хорошія учрежденія могутъ способствовать благоденствію народовъ [11]). Кромѣ того, будучи свидѣтелями возрожденія Германіи и закипѣвшей въ ней лихорадочной дѣятельности, играя прекрасную роль освободителей, внушившую имъ преувеличенное мнѣніе объ ихъ собственныхъ силахъ [12]), они искренно вѣрили, что если могли спасти Европу, то сумѣютъ перевоспитать Россію.

Четыре года непрерывной и отчаянной борьбы съ Наполеономъ въ значительной мѣрѣ сломили силы императора Александра [13]). Онъ усталъ, ему необходимо было отдохнуть, но надо признаться, совсѣмъ некстати, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда для поддержанія своей системы онъ нуждался въ большомъ запасѣ энергіи и душевныхъ силъ [14]). Парижъ, очаровавшій молодыхъ Русскихъ, произвелъ на него совсѣмъ другое впечатлѣніе. Въ одномъ изъ манифестовъ онъ его назвалъ „гнѣздомъ соблазна,

---

[9]) Записки Николая Васильевича Басаргина, Девятнадцатый вѣкъ. Изд. Пет. Бартеневымъ. Москва. 1872 г., стр. 68—70. А. Н. Пыпинъ, ib. стр. 352—354.

[10]) Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка Русск. стар. 1899 г. № 3 стр. 260—264. Изъ дневниковъ русскаго офицера (Свѣчина) о заграничномъ походѣ 1813 г. Русск. Арх. 1900 г. № 7 стр. 285.

[11]) Зап. Н. В. Бас. ib. стр. 69. А. Пыпинъ ib. стр. 353.

[12]) Зап. Н. В. Бас. ib. стр. 70. А. Пыпинъ ib. стр. 354.

[13]) Н. Шильдеръ ib. т. IV стр. 4.

[14]) Н. Шильдеръ ib. стр. 4.

разврата и погибели народной“ [15]). Не реформъ желалъ теперь Благословенный, не реформаторами желалъ онъ себя окружить, нѣтъ, ему нужны были ревностные и строгіе охранители внѣшняго порядка.

Что-же удивительнаго, что всю власть онъ передалъ въ руки Аракчеева, человѣка ограниченнаго [16]), однако не лишеннаго ума [17]), дѣятельнаго [18]), злого по природѣ [19]), съ виду преданнаго императору Александру такъ-же, какъ онъ былъ преданъ его отцу, [20]) но, въ сущности, думавшаго лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ [21]); того самаго Аракчеева, который

---

[15]) Н. Шильдеръ ib. стр. 1.

[16]) Воспоминанія Европеуса о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву. Русск. стар. 1872 г. № 9 стр. 228—229. Мой вѣкъ или исторія генерала Маевскаго. Русск. стар. 1873 г. № 10 стр. 430—434, 435—437, 438—441, 447—449 и 464.

[17]) Н. Шильдеръ ib. т. I стр. 178; ib. т. III стр. 259; ib. т. IV стр. 24. Записки Пв. Степ. Жиркевича. Русск. стар. 1874 г. № 2 стр. 225.

[18]) Ib Русск. стар. 1872 г. № 9 стр. 228; ib. Русск. стар. 1873 г. № 10 стр. 447 и здѣсь же прим. редакціи; ib. Русск. стар. 1874 № 2 стр. 226.

[19]) Ib. Русск. стар. 1873 г. № 10 стр. 447. Измайловъ. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, разсказы къ его характеристикѣ. Русск. стар. 1881 г. № 9 стр. 201—207. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. Исторія Вѣсти. 1898 г. № 5 стр. 447—449.

[20]) Саваитовъ. Русск. стар. 1872 г. № 3 стр. 471—472. Н. Шильдеръ ib. т. I стр. 221—222, ib. т. II стр. 238; ib. т. I. стр. 242—243; ib. т. II стр. 261—264; ib. т. III стр. 241; ib. т. III стр. 258—259; ib. т. III стр. 359, т. IV стр. 236—238; ib. т. IV стр. 255; ib. т. IV стр. 276—278; ib. т. IV, 314; ib. т. I—IV стр. 324—325.

[21]) Н Шильдеръ, ib. т. II, стр. 113—114, 214; ib. т. III стр. 87, 90; ib. т. IV стр. 35, 39—40, 147, 196, 272, 286, 312, 328, 358—359, 395—396.

умѣлъ, какъ никто, маленькими услугами и внѣшними знаками уваженія и преданности заставить вѣрить въ искренность и глубину своихъ чувствъ. Эта завидная способность доставила ему дружбу Благословеннаго. Да, идеалистъ [22]), гуманный [23]), отзывчивый [24]), добрый [25]), однимъ словомъ очаровательный [26]) Александръ и грубый Аракчеевъ были друзьями [27]).

Но еще болѣе непостижимая дружба двухъ столь различныхъ существъ объясняется обстоятельствами царствованія императора Павла. Въ то время дисциплина была весьма строга [28]), вахтъ-парады считались почти-что государственнымъ дѣломъ [29]), а тонкости всевозможныхъ военныхъ построеній

[22]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 112—114, 116—119, 162—165, 166. Ib. т. II стр. 7, 22, 23, 24, 25, 27, 46, 79, 87—88, 118, 128, 204, 215, 249—251; ib. т. III 7—8, 32, 94—96, 192, 230, 244, 322; ib. т. IV стр. 23, 26, 29, 30, 59—60, 74—95, 114—115, 204.

[23]) Н. Шильдеръ ib. т. I стр. 97, 162—165; ib. т. III 104, 136, 234, 237—238, 266; ib. т. IV стр. 204.

[24]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 54, 58, 78, 82, 92, 109, 110, 120, 148, 162—165; ib. т. II 32—36, 246; ib. т. III, 116—117, 322—326; ib. т. IV 107, 134, 140.

[25]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 47, 54, 58, 78, 82, 107, 109, 110, 174; ib. т. II стр. 6; т. III, 94, 136, 338—339; т. IV стр. 72—73.

[26]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 54, 55, 56, 57, 78, 79, 82, 117; ib. т. II стр. 90, 126—127, 131, 146; ib. т. III, стр. 76—78, 105; ib. т. IV 59, ib. Русск. стар. 1873 № 11 стр. 765.

[27]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 131, 136—137, 177—184; ib. т. II стр. 28, 112, 131: ib. т. III 240—241, 245—246, 250, 264; ib. т. IV стр. 48, 98, 122, 172—174, 178, 330, 360—362.

[28]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 146, 155, 210.

[29]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 140.

усваивались съ большимъ трудомъ [30]). А между тѣмъ, все это составляло стихію Аракчеева, въ которой онъ чувствовалъ себя какъ нельзя болѣе лучше [31]), тогда какъ Александръ, боясь своего отца какъ огня, постоянно опасаясь какой-нибудь оплошностью вызвать его гнѣвъ, обратно, чувствовалъ себя въ этой стихіи не по себѣ и далеко не въ своей сферѣ [32]); вслѣдствіе этого онъ искалъ покровительства Аракчеева, мага и волшебника вахтъ-парадовъ [33]) и, благодарный за оказанное покровительство, взамѣнъ, осчастливилъ его своею нѣжною и постоянною дружбою [34]), а утомленный спокойно довѣрилъ другу управленіе всѣми государственными дѣлами [35]).

Превращаясь, по возвращеніи въ Петербургъ, все болѣе и болѣе въ мизантропа [36]), императоръ кончилъ тѣмъ, что пересталъ принимать кого-бы то ни было изъ министровъ, всѣхъ ихъ замѣнилъ Аракчеевъ [37]). „Съ четырехъ часовъ ночи начинали съѣзжаться къ графу Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графа о прибытіи кого-либо изъ нихъ, не получалъ ника-

[30]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 56.
[31]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 178.
[32]) Н. Шильдеръ, ib. стр. 178—179; А. Пыпинъ. Общ. движ. въ Росс. при Имп. Ал. I стр. 54. Записки Саблукова. Русск. Арх. 1869, стр. 1896, 1936.
[33]) Саблуковъ. ib. стр. 1896—1897. Н. Шильдеръ ib. т. I стр. 178—180
[34]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 180.
[35]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 4—5, 68.
[36]) Н. Шильдеръ, т. IV стр. 5.
[37]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 5.

кого отвѣта, что значило подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому погруженнаго въ занятія за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ, въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему ему адъютанту, надменно произносилъ, позвать такого-то...". Сама аудіенція была достойна всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, испытанныхъ докладчиками, и чѣмъ, кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостями государя, тотъ тѣмъ болѣе подвергался грубости высокомѣрнаго временщика [38]), котораго князь Волконскій называлъ „проклятымъ змѣемъ" [39]).

Передача власти Аракчееву послужила сигнальною ракетою для реакціи. Она начала свою грустную работу. Въ 1817 г. было объявлено соединеніе министерства народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій. Учрежденіе, явившееся его результатомъ, получило названіе Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія [40]). Оно было поручено заботливости князя Голицына, по выраженію одного изъ современниковъ „по уши влѣзшаго въ мистицизмъ" [41]). Такое соединеніе было объяснено желаніемъ

---

[38]) Н. Шильдеръ, стр. ib. т. IV стр. 6.

[39]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 6. О графѣ Аракчеевѣ смотр. литературу, указанную въ Русск. стар. 1884 г. № 3 стр. 479—481. Настасья Ѳеодоровна Минкина.

[40]) Н. Шильдеръ, т. IV стр. 10—11.

[41]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 10. О кн. А. Н. Голицынѣ смотр. Н. Шильдеръ. Ib. т. III стр. 116, т. IV 10—12, 82 142—

добиться того, „чтобы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“. Годъ спустя, въ вѣдѣніе мистическаго министерства поступили дѣла Святѣйшаго Синода. Князь Голицынъ оставался во главѣ этого сборнаго учрежденія до 1824 г. Подъ его наблюденіемъ народное просвѣщеніе шло въ томъ-же направленіи, въ которомъ работало и Библейское Общество, основанное въ 1812 году, расширенное въ 1814 г., когда оно получило названіе Россійскаго Библейскаго бщества, а въ 1824 г., ужъ имѣвшее 89 отдѣленій въ Россіи и успѣвшее къ этому времени пустить въ обращеніе 448,000 книгъ Святого Писанія [42]).

Реакція продолжалась до смерти императора Александра, изрѣдка только освѣщали ее лучи, пролагавшіе себѣ путь среди темныхъ тучъ, собранныхъ ею надъ Россіею. Лучи эти были ничто иное какъ отблески юношескихъ мечтаній императора [43]), мечтаній, внушенныхъ его прекрасной душѣ, знаменитымъ Лагарпомъ [44]), человѣкомъ, проникнутымъ гу-

---

143 Въ указателѣ личныхъ именъ прил. къ соч. Н. Шильдера, т. IV стр. 608. P. V. Götze. Fürst Golizine und seine Zeit. Leipzig 1882. Музей Пажеск. Е. И. В. корпуса. Кн. А. Н. Голицынъ. Собрана литература о немъ А. Ѳ. Шидловскимъ. Записка Струдзы о судьбѣ православн. церкви русской, въ царствованіе императора Александра I. Русск. стар. 1876 г. № 2 стр. 267—288.

[42]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 10—12. О библейскомъ обществѣ. А. Пыпинъ. Вѣстн. Ев. 1868 г. кн. № 8—9, 11—12. Записка Струдзы ib. 270—271, 272—273, 285—286.

[43]) Н. Шильдеръ, ib. т. I стр. 116, 118—120. 162—165, 166—167.

[44]) О Лагарпѣ, смотр. статью М. И. Сухомлинова. (Изслѣ-

манными идеями философовъ 18-го столѣтія [45]), неподкупной честности [46]) и независимаго характера [47]). „Я вамъ обязанъ тѣмъ немногимъ, что знаю", писалъ Александръ Лагарпу 16 января 1808 г. „Всѣмъ, что я знаю и, что я, можетъ быть, стою, я обязанъ Лагарпу" говорилъ въ 1814 г., Александръ, представляя Лагарпа, прусскому королю и его сыновьямъ. „Никто болѣе Лагарпа не имѣлъ вліянія на мой образъ мыслей—не было бы Лагарпа, не было бы Александра" [48]), записалъ въ своемъ дневникѣ Михайловскій-Данилевскій слова государя.

Такъ, при открытіи перваго сейма въ Польшѣ, 15 марта 1818 г., императоръ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, на французскомъ языкѣ, въ этой рѣчи мы встрѣчаемъ слѣдующія знаменательныя слова. „Образованіе (organization), существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій (en mettanten pratique les principes de ces institutions liberales) бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя".

дованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. II С.-Петербургъ 1887 г. Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, воспитатель императора Александра I) стр. 37—204.

[45]) М. И. Сухомлиновъ, т. II стр. 43—60.

[46]) М. И. Сухомлиновъ, ib. т. II стр. 95—99.

[47]) М. И. Сухомлиновъ, ib. т. II стр. 58—60.

[48]) Н. Шильдеръ, ib. т. I, 38—39 и 227.

„Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство, явить моему отечеству то, что я съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

„Докажите вашимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія (les institutions libérales), коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ нашему устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ“ [49]).

На первый взглядъ можетъ показаться, что мысли, высказанныя въ только что приведенной рѣчи, ничего общаго не имѣютъ съ тѣми, благодаря которымъ появилось на свѣтъ Божій мистическое министерство, но если присмотрѣться къ нимъ поближе, то легко замѣтить, что онѣ находятся въ близкомъ родствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, одно и то же желаніе способствовать счастью своихъ подданныхъ, внушило тѣ и другія, въ обоихъ случаяхъ чувствуется Лагарпъ; но если въ первомъ устами его

[49]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 86—87.

ученика говорило его мыслящее „я“, во второмъ—говорило его сердце. Александръ I былъ сыномъ своего народа, его сердце, гораздо болѣе чѣмъ его умъ, прониклось принципами его наставника и, когда уставшая голова потребовала отдыха, сердце стремилось удвоить свою дѣятельность, а для этой цѣли оно обратилось къ Вѣчному и Неизсякаемому Источнику. Вообще говоря, сближеніе идей либеральныхъ съ идеями религіозными совершается, у нѣкоторыхъ натуръ, необыкновенно легко, стоитъ только, чтобъ жизнь сердца взяла у нихъ верхъ надъ жизнью ума, чтобы всемогущество послѣдняго было подвергнуто сомнѣнію, чтобы философія головы была замѣнена философіею сердца, и сближеніе сдѣлано. А такъ какъ философія сердца выражается въ системѣ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ чувствъ, а живымъ воплощеніемъ ея былъ Христосъ, проповѣдовавшій ее и проводившій въ жизнь, то для начинающаго жить сердцемъ человѣка, ничего не можетъ быть естественнѣе, какъ стремиться подражать Создателю философіи сердца. Вотъ почему во второй половинѣ царствованія импер. Александра, когда у него сердце взяло верхъ надъ умомъ, Лагарпъ уступилъ и въ первомъ мѣсто Христу, и вотъ почему въ эту эпоху его жизни замѣтно въ немъ стремленіе все свести къ религіи [50]).

---

[50]) Н. Шильдеръ ib. т. III стр. 116—117, 220—223; т. IV стр. 111—115, 136—140, 142 и 143.

Почти что у каждаго изъ молодыхъ людей, совершившихъ походъ въ 1813—14 годовъ, прошедшихъ черезъ возрождавшуюся Германію, пожившихъ въ Парижѣ и видѣвшихъ тамъ своими собственными глазами все то, что они слышали у себя въ отечествѣ, о Франціи, о ея политическихъ идеяхъ, объ ея общественной жизни, былъ тоже свой Лагарпъ, но у нихъ онъ продолжалъ владѣть головою и въ сердцѣ не уступалъ мѣсто Христу. Они не только не чувствовали себя утомленными, не устали жить, но, напротивъ, они жаждали жизни, они нетерпѣливо рвались къ дѣятельности и мечтали преобразовать общество по тому идеалу, передъ которымъ преклонялся импер. Александръ въ первую половину своего царствованія, и которому думали они, онъ оставался вѣренъ и по возвращеніи изъ за границы [51]). Короче говоря они были убѣждены, что Александръ, написавшій письмо къ Лагарпу, гдѣ онъ высказалъ знаменитому Швейцарцу свое желаніе даровать Россіи, для обезпеченія ея счастія, конституцію [52]), существовалъ еще, и что время, когда можно было сожалѣть, какъ это сдѣлалъ въ день коронаціи молодой преображенскій офицеръ, о томъ, что императоръ во

---

[51]) А. П. Бѣляевъ. Пережитое и передуманное. Русск. стар. 1881 г. № 8 стр. 487—493. Н. В. Басаргинъ, ib. стр. 68—70 Н. А. Боровковъ. Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобіографическія записки. Русск. стар. 1898 г. № 11 стр. 343—344 и 353—362. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Русск. стар. т. XXI стр. 222—225.

[52]) Н. Шильдеръ, ib т. I 162—165.

время церемоніи не обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ, желаютъ ли они имѣть его царемъ [53]), не прошло еще. Но молодые люди ошибались, и они это очень скоро поняли, но вмѣсто того, чтобъ отступить, они, напротивъ, рѣшили идти впередъ [54]).

Когда въ 1821 г., послѣ долгаго отсутствія, импер. Александръ возвратился въ Царское Село, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ поспѣшилъ явиться къ нему. Онъ засталъ императора сидящимъ за письменнымъ столомъ. Васильчиковъ сѣлъ противъ. Кончивъ свой докладъ, онъ сказалъ, что долженъ сообщить государю о политическомъ заговорѣ, что во время отсутствія императора, незадолго до семеновской исторіи, онъ получилъ доносъ, и, говоря это, передалъ списокъ, приложенный къ доносу. Императоръ выслушалъ это разоблаченіе, повидимому, нисколько его не удивившее, а затѣмъ погрузился въ глубокое, тихое размышленіе. Придя въ себя, онъ сказалъ по французски: „Мой милый Васильчиковъ, Вы, который находитесь при мнѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ эти иллюзіи и самъ ошибался“. И, послѣ долгаго молчанія, онъ прибавилъ: „не мнѣ ихъ карать“ [55]).

Немного спустя, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Бенкен-

[53]) Н. Шильдеръ, ib. т. II стр. 68.
[54]) П. В. Басаргинъ, ib. стр. 70.
[55]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 203—204.

дорфъ представилъ государю записку о тайныхъ обществахъ, записку, содержавшую такія точныя подробности, что они почти всѣ были подтверждены донесеніемъ, сдѣланнымъ предсѣдателемъ слѣдственной комисіи графомъ Блудовымъ. Записку эту нашли послѣ смерти императора Александра въ Царскомъ Селѣ [56]). Благословенный не покаралъ.

Мы не будемъ входить въ подробности этого политическаго заговора, для насъ достаточно знать, что различныя общества, устроенныя молодежью, по ея возвращеніи изъ Парижа, просуществовали очень недолго. Многія изъ нихъ совсѣмъ исчезли, а тѣ, которыя остались, слились въ одно большое общество, извѣстное подъ названіемъ „Союза Благоденствія“ [57]). Это общество раздѣлялось на четыре отдѣленія. Члены перваго изъ нихъ должны были имѣть предметомъ филантропію и обязаны были слѣдить за развитіемъ общественной и частной благотворительности. Они должны были слѣдить за всѣми благотворительными учрежденіями и обращать вниманіе лицъ, стоящихъ во главѣ этихъ заведеній, такъ же какъ и самаго правительства, на злоупотребленія и на средства ввести въ нихъ улучшенія. Предметъ второго отдѣленія составляло

---

[56]) Н. Шильдеръ, ib. т. IV стр. 204.

[57]) Смотр. Н. Шильдеръ, т. IV гл. XII Богдановичъ. Исторія царствованія Импер. Александра I и Россія въ его время. Петербургъ. 1871 г. т. VI гл. LXXX и LXXXI. П. А. Боровковъ ib. стр. 343—346. Т. П. Пассекъ, стр. 222—226. Бѣляевъ, ib. стр. 487—488.

воспитаніе, умственное и моральное, распространеніе просвѣщенія, устройство школъ и, въ особенности, Ланкастерскихъ; и вообще это отдѣленіе должно было содѣйствовать образованію молодежи, какъ примѣромъ, такъ и бесѣдами, а также и распространеніемъ сочиненій, отвѣчающихъ ея потребностямъ и видамъ общества. Членамъ этого отдѣленія было поручено наблюденіе за школами. Они должны были внушить молодежи любовь ко всему родному и, по возможности, возставать противъ желанія воспитывать её внѣ родины и по мѣрѣ силъ ограждать ее отъ иностраннаго вліянія. Третьему отдѣленію поручались судебныя учрежденія. Его члены давали обѣщаніе: не отказываться отъ исполненія судебныхъ обязанностей, въ случаѣ избранія дворянствомъ или назначенія правительствомъ, относиться къ нимъ вполнѣ добросовѣстно, слѣдить тщательно за ходомъ подобнаго рода дѣлъ, поддерживать честныхъ чиновниковъ, и не только нравственно, но и матеріально, оказывать помощь лицамъ, готовымъ по слабости человѣческой отказаться отъ руководства высшими принципами, просвѣщать мало свѣдующихъ, разыскивать взяточниковъ и указывать на нихъ правительству. Наконецъ, члены четвертаго отдѣленія обязаны были посвятить себя изученію политической экономіи, они должны были стремиться искать, открыть и опредѣлить неизмѣнные законы богатства націй, способствовать развитію всѣхъ отраслей промышлен-

ности, утвердить общественный кредитъ и противодѣйствовать монополизаціи. Членамъ Союза Благоденствія не было запрещено обращать вниманіе мѣстныхъ властей на злоупотребленія, хотя, въ общемъ, совѣтъ Союза оставлялъ за собою право сообщать объ этомъ правительству. Всѣ эти отдѣленія, вмѣстѣ взятыя, какъ заявлялъ уставъ, имѣли цѣлью благо родины. Эта цѣль, по мнѣнію учредителей, нисколько не противорѣчила видамъ правительства, которое не смотря на свое могущественное вліяніе нуждалось тѣмъ не менѣе въ содѣйствіи и частныхъ лицъ. Общество должно было служить ему помощникомъ въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ, достойныхъ ихъ знать, оно для того только желало вести свои занятія въ тайнѣ, чтобы не подвергать ихъ невѣрнымъ толкованіямъ недоброжелателей и ненавистниковъ. Это была такъ сказать оффиціальная цѣль, извѣстная всѣмъ членамъ, тайная-же цѣль, извѣстная только главнымъ членамъ, заключалась въ измѣненіи государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ дѣятельность общества намѣревались направить на подготовленія умовъ къ предстоящей перемѣнѣ [58]). Просуществовавъ нѣкоторое время, оно распалось. Изъ его обломковъ образовались два новыхъ: Сѣверное и Южное. Стремленія перваго мо-

---

[58]) Rapport de la commission d'enquête S-t. Pétersbourg 1826, 16—22.

гутъ быть названы конституціонно-монархическими, второго—республиканскими. Наконецъ ко второму, присоединилось третье, носившее названіе „Славянскаго Союза“ [59]) и первоначально увлекавшееся въ прямомъ смыслѣ славянофильскими идеями, но не задолго до 14 декабря оно присоединилось къ Южному.

Это движеніе умовъ вышло изъ гвардіи, привыкшей въ теченіи всего XVIII вѣка играть первую роль [60]), на которую, впрочемъ, она имѣла право, такъ какъ въ ея ряды, въ то время, поступали, какъ по воспитанію, такъ и по образованію, лучшіе представители дворянства. И на этотъ разъ она стала во главѣ движенія [61]). Но если въ прошломъ столѣтіи ея намѣренія ограничивались желаніемъ производить перемѣны въ личномъ составѣ правительства, то, теперь, она намѣревалась расширить свое поле дѣятельности: она мечтала, вдохновленная, какъ мы видѣли, свыше, перемѣнить государственный строй. 14 декабря 1825 года она потерпѣла полное фіаско въ своей попыткѣ и на всегда сошла со сцены внутренней политики, кото-

[59]) О Славянскомъ Союзѣ и о Южномъ Обществѣ, смотр. интересныя подробности въ Русск. Ар. 1882 г. № 2 стр. 434—537. Записки неизвѣстнаго. Изъ общества соединенныхъ славянъ.

[60]) Пр. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи т. XIX гл. III стр 266. Пр. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Берлинъ т. II гл. I—VII стр. 1—123. С. А. Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ Петербургъ. 1899 г. т. I гл. II и III. М. И. Сухомлиновъ ib. т. II стр. 121.

[61]) А. Пыпинъ, ib. стр. 348 и 349. Подтверждается и списокомъ привлеченныхъ къ суду любезно даннымъ намъ для просмотр. Н. А. Боровковымъ, да и всѣми имѣющимися въ печати записками декабристовъ.

Ленинградский Институт
БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 22426.
1.9021.

рую занимала вотъ уже сто лѣтъ, сошла и уступила мѣсто другимъ соціальнымъ группамъ.

Эта лебединая пѣснь гвардіи, въ сущности, была безумною попыткою, не имѣвшею никакой гарантіи успѣха [62]), это была химера, плодъ мечтаній горячихъ головъ, мало знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ вещей, совсѣмъ не знающихъ своей родины, которую они хотѣли изучать въ тотъ моментъ, когда нужно было уже дѣйствовать. А между тѣмъ эта химера оказала рѣшительное воздѣйствіе на все послѣдующее царствованіе. Отчего-же? Отъ того, что она была внѣшнимъ проявленіемъ внутренней работы общества. Ясно было, что общество намѣревалось воздѣйствовать на правительство, а между тѣмъ послѣднее уже давно привыкло направлять его и совсѣмъ не предполагало отказаться отъ этой привычки. Кромѣ того, обстоятельства, при которыхъ приводилась въ исполненіе эта химера, произвели глубокое и неизгладимое впечатлѣніе на императора Николая. Взглядъ, брошенный на прошедшее нашей исторіи, надѣемся, подтвердитъ справедливость нашего перваго положенія, что-же касается второго, то оно почти что не требуетъ никакихъ новыхъ доказательствъ, настолько уже всѣмъ извѣстныя обстоятельства царствованія императора Николая подтвердили его [63]).

---

[62]) А. Д. Боровковъ, ib. стр. 346. Записки неизвѣстнаго, ib. стр. 525. Бѣляевъ, ib. стр. 492—493.

[63]) Для примѣра смотр. Русск. стар. 1884 г. № 6 стр. 637—

„Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь," говоритъ П. Милюковъ, „у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія,—въ сѣверо-восточной Руси, представитель государственной власти князь былъ чуть-ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства. Вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ-владѣльцемъ земли ничѣмъ, кромѣ чисто личнаго и срочнаго уговора. Среди этого „жидкаго элемента" нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало-помалу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его „вольныхъ слугъ," все еще могущихъ при случаѣ и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей, московскій, поглощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу; кругъ этихъ „слугъ" княжескихъ расширяется, и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдлость. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжаетъ колебаться; вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной зем-

---

638. Импер. Николай Павловичъ. Недоразумѣніе. Смотр. также Русск. стар. 1900 г. № 9 стр. 449—456. Акад. К. С. Веселовскій. Воспоминаніе о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ. Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій. 14 Декабря, въ теченіи всего царствованія, императ. Николай I служилъ благодарственный молебенъ въ память укрощенія мятежа и въ концѣ молебна провозглашалась вѣчная память павшимъ во время мятежа 1825 г. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредерихсъ Истор. Вѣсти. 1898 г. № 1 стр. 76.

ли на другую, продолжая оставаться „жидкимъ элементомъ“ русской исторіи. Только благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести и этотъ элементъ въ твердое, въ „крѣпостное“ состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ,—землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ. Этотъ-то способъ постройки надолго сохранилъ за верхомъ русскаго общества, за правительственной властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства. Русскому государству не только не приходилось бороться съ правами и привилегіями частныхъ лицъ и общественныхъ группъ, но оно само старалось вызвать эти общественныя группы къ существованію и дѣятельности, съ тѣмъ чтобы воспользоваться этой дѣятельностью для своихъ собственныхъ цѣлей. Только въ самое послѣднее время русскія общественныя группы стали проявлять признаки внутренней жизни и обнаруживать склонность къ самодѣятельности, и въ то же время стало слабѣть довѣріе къ нимъ центральной власти“ [64]).

Посмотримъ теперь, изъ какихъ слоевъ состояло русское общество, каково было его воспитаніе и интересы, и какіе оно имѣло недостатки, возбуждавшіе желаніе перевоспитать его.

---

[64]) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. С.-Петербургъ 1898 г. Изд. 3 испр. и дополн. т. I стр. 116—117.

„Въ описываемое нами время дворянство дѣлилось на три части, разграничивавшіяся между собою довольно рѣзкими чертами. Во-первыхъ, оно состояло изъ большого числа помѣщиковъ, жившихъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ; во вторыхъ—изъ людей полувоспитанныхъ, не имѣвшихъ никакого понятія о Россіи и едва знавшихъ имена губернскихъ городовъ. Люди этой категоріи не видѣли и не понимали въ жизни ничего, кромѣ личныхъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые ставили выше нравственныхъ. Наконецъ, третья часть дворянства состояла изъ людей отлично воспитанныхъ, получившихъ здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина, о правахъ человѣчества и о благахъ изъ того истекающихъ. Но эти люди держали себя въ тиши и дали, не выражая, не сообщая своихъ идей и не обмѣниваясь ими съ большинствомъ. Тѣсно сплотившись между собою, образованные кружки эти рѣзко выдѣлялись впередъ надъ остальной массой населенія, не имѣли съ нею ничего общаго и жили своею особою жизнью, соприкасаясь съ остальными слоями общества только внѣшнимъ образомъ. Среди русскаго народа кружки эти являлись оазисами, „въ которыхъ сосредоточивались лучшія умственныя и культурныя силы—искусственные центры, съ своей особой атмосферой, въ которой вырабатывались изящныя глубоко-просвѣщенныя и нравственныя личности. Они въ любомъ европейскомъ обществѣ заняли-бы почетное мѣсто и играли бы

видную роль. Но эти во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные люди вращались только между собою и оставались безъ всякаго непосредственнаго дѣйствія и вліянія на все то, что находилось внѣ ихъ тѣснаго, немногочисленнаго кружка“ [65]).

Странное дѣло, дворянство, въ общей массѣ мало занятое (нельзя же принимать въ серьезъ обязанности по выборамъ, которыя въ то время, какъ и нынѣ, оно призвано было исполнять въ провинціи [66]), тѣмъ не менѣе весьма цѣнило службу, оно имѣло къ ней, такъ сказать, традиціонное уваженіе и, въ особенности, къ военной [67]). Почти каждая дворянская семья старалась посылать своего представителя или въ гражданскую службу, или въ армію. Однако не желаніе работать привлекало его на службу, но убѣжденіе, что дворянинъ долженъ имѣть оффиціальное положеніе, выраженное какимъ-нибудь чиномъ, а для этого-служить [68]), или-же дѣлать видъ, что онъ служитъ. Эта истина признавалась всѣми, но гордость для однихъ,

---

[65]) Акад. Н. Дубровинъ, „Русская жизнь“ въ началѣ XIX в. Русск. стар. 1899 г. № 3 стр. 547—548.

[66]) Смотр. ib. стр. 565—568, а также и предъидущія, начиная съ 550.

[67]) Домашній памятникъ, Н. Г. Левшина. Русск. стар. 1873 г. № 11 стр. 842. „Военная служба—душа всему, тамъ всему выучатъ“, сказали родители Н. Г., рѣшивъ отдать его въ военную службу и смотр. также стр. 851. С. Сухомлиновъ ib. т. стр. 63—65.

[68]) А. Д. Боровковъ ib. Русск. ст. 1898 № 9 стр. 41—42. Записки Дмитрія Николаевича Свербеева. Москва, 1899 г., т. I, стр. 172—173 Н. Г. Левшинъ ib. стр. 851.

лѣнь для другихъ, недостатокъ денегъ для третьихъ, въ особенности для тѣхъ, которые посвящали себя военной службѣ, являлись достаточно могущественными рычагами для того, чтобъ побуждать ихъ предпочитать прелести деревенской жизни необходимости сгибать шею, искать протекціи, усидчиво работать и разоряться. Нѣсколько лѣтъ службы были вполнѣ достаточны для того, чтобы отвратить отъ нея очень и очень многихъ; только меньшинство, занявшее высокое положеніе, благодаря деньгамъ и связямъ, благоволенію царя или-же благодаря своимъ исключительнымъ достоинствамъ, двигалось быстро и безпрепятственно по іерархической лѣстницѣ. Забравшись высоко, члены родовъ, которымъ судьба улыбнулась, всѣми силами старались удержаться тамъ, куда они попали, что конечно удавалось имъ не всегда: какъ только счастье переставало улыбаться, благорасположеніе кончалось или-же личныя качества не оказывались на лицо, они быстро спускались внизъ и смѣшивались съ остальнымъ дворянствомъ. Это было постоянное движеніе вверхъ и внизъ.

Но откуда же происходило убѣжденіе, что для молодаго человѣка, вступающаго въ жизнь, необходимо въ то-же время вступать и на службу. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо обратиться къ нашему прошлому. Уже до реформъ Петра Великаго служба для дворянъ изъ необязательной превратилась въ обязательную; оба ея рода гражданскій и военный —

были смѣшаны. Петръ Великій подтвердилъ ея обязательность, но постарался отдѣлить одну отъ другой. Это ему удалось. Съ тѣхъ поръ онѣ стали все болѣе и болѣе отдѣляться другъ отъ друга. Когда Петръ умеръ, дворянство, недовольное обязательнымъ характеромъ службы, всѣми силами стремилось избавиться отъ непріятнаго для него ига, чего оно и добилось въ концѣ 18-го столѣтія [69]). Но когда добилось, то по традиціи, если угодно по инерціи, продолжало смотрѣть на службу, какъ на свою обязанность, совершенно забывая, что сдѣлало такъ много усилій, чтобъ отъ нея освободиться.

Посмотримъ теперь каково было воспитаніе получаемое дворянствомъ и для этого обратимся къ Н. Дубровину. „Матерьяльно обезпеченное дворянство", пишетъ онъ „предпочитало домашнее воспитаніе при содѣйствіи иностранныхъ гувернеровъ. Къ сожалѣнію, революція выгнала изъ Франціи подонки общества, тысячи невѣждъ, которые разнесли по всей Европѣ гордость, пустое тщеславіе и обветшалыя понятія о значеніи породы и родовитости. Le beau, le pur sang de la noblesse—было лозунгомъ всѣхъ истощенныхъ развратомъ и бѣжавшихъ въ Россію маркизовъ, виконтовъ, графовъ, дюковъ и принцевъ. Какъ пчелы налетаютъ на дерево и об-

---

[69]) Смотр. Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Петербургъ, 1898 г. Пр. Романовичъ-Словатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣк. до отмѣны крѣпостного права С.-Пет. 1870 г. стр. 1—208 П. Милюковъ, ib. т. I. стр. 166—180.

лѣпляютъ всѣ его вѣтви, такъ эмигранты набѣжали, нанесли и водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ нами предразсудковъ, разврата, бездѣльничества—словомъ, всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи". Бѣглецовъ, вмѣсто презрѣнія, приняли съ распростертыми руками и они скоро завладѣли умами русскими, служили для насъ примѣромъ внѣшняго лоска, образованія и казались учеными, сами ничего не зная. Отъ нихъ мы приняли всѣ пороки, заблужденія, чванились сходствомъ съ ними и отвергли вѣру въ Бога.

Въ тысячахъ французовъ, наводнившихъ Россію, конечно, были люди со свѣдѣніями, честные и съ чистымъ нравомъ, но ихъ было немного; а между тѣмъ всѣ остальные подонки заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ и явились образователями ума и сердца не только дѣтей, но и самихъ ихъ пріютившихъ. Люди низкаго состоянія, не имѣвшіе достатка и имущества въ своемъ отечествѣ, не привыкшіе трудомъ и знаніемъ снискивать себѣ пропитаніе, потянулись въ Россію pour se faire outchitel des enfants. Корабли, нагруженные гувернерами и гувернантками, мусьюми и мадамами, безпошлинно выгружались въ Кронштадтѣ, и вся эта толпа развозилась по государству. Они принимались въ дворянскіе дома безъ всякой оцѣнки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для тѣхъ обязанностей, которыя принимали на себя." [70]). Ясно,

[70]) Н. Дубровинъ ib. стр. 540—541.

что этотъ иностранный элементъ долженъ былъ оказывать самое вредное вліяніе на жизнь дворянства вообще и его воспитанія въ частности. Понятно также, что образованіе молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть названо національнымъ и, конечно, глубиною не отличалось. Оно было настолько недостаточно, что лица, получившія его, не могли даже считаться просто людьми образованными, и вполнѣ достаточно для того, чтобъ сдѣлать ихъ глухими къ интересамъ народа, на счетъ котораго они жили. И какъ же могло быть иначе! Юношамъ внушали, „если не презрѣніе, то полное равнодушіе ко всему русскому и сочувствіе ко всему иностранному. Восхваляя Тюреня, Кондэ, Наполеона и другихъ, унижали Румянцева и Суворова; твердили, „что во Франціи все превосходно, забавы безъ числа, всѣ блаженствуютъ; въ Россіи же все мрачно, скучно, что люди не живутъ, а только дышатъ. О вѣрѣ же, если не положительными, то мимоходными выраженіями, вселяли сомнѣніе. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ юноши узнавали отъ своихъ воспитателей, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, но о Россіи не слыхали ни слова“ [71]).

Но что-же дѣлали въ это время папеньки и маменьки? Слѣдовали совѣтамъ гувернеровъ и гувернантокъ и веселились. Они разсуждали вполнѣ ло-

---

[71]) Н. Дубровинъ ib. стр. 542.

гично: имъ, какъ мы видѣли, съ дѣтства твердили, что во Франціи умѣютъ весело жить, а въ Россіи скучаютъ, а потому заключали они, надо при первой возможности постараться попасть во Францію, а пока попробовать и у себя устроиться на французскій ладъ. Такая логика была весьма на руку воспитателямъ ихъ дѣтей, не имѣвшихъ ни малѣйшаго желанія погружаться въ педагогію, съ которой, какъ мы могли убѣдиться, они жили весьма не дружно, но взамѣнъ этого, имѣвшихъ большое желаніе слѣдовать примѣру своихъ господъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, забота о дѣтяхъ переходила къ нянькамъ и лакеямъ, остававшимся съ ними дома.

Чтобъ покончить съ этимъ частнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, столь любезнымъ нашему дворянству, приведемъ отрывокъ изъ письма графа Семена Воронцова, посланника нашего въ Лондонѣ, написаннаго имъ за два дня до рожденія Грановскаго, и другой, взятый изъ письма знаменитаго Жозефа де-Мейстера, Сардинскаго посланника въ Петербургѣ. Вотъ что пишетъ Воронцовъ: „время Пожарскаго слыветъ вѣкомъ невѣжества и пустоты; но наше время, торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣщенія и философіи, едва-ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; потому что наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ,

развиваемое нашимъ правительствомъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы заглушить въ насъ всякую искру патріотизма, если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою“ [72]). „Изъ этой научной маніи возникаетъ и другое страшное неудобство,“ писалъ Жозефъ де-Мейстеръ, „заключается оно въ томъ, что правительство, ощущая недостатокъ въ лицахъ учебнаго персонала, принуждено постоянно бываетъ обращаться къ помощи иностранцевъ. А такъ какъ истинно образованные и нравственные люди не стремятся покидать свое отечество, гдѣ ихъ вознаграждаютъ и окружаютъ почетомъ, то и выходитъ, что съ предложеніями, за деньги насадить на сѣверѣ свою квази-науку, являются люди не только посредственные, но часто, такъ сказать, зараженные и нравственно и умственно поблекшіе. Въ особенности нынѣ Россія изо-дня въ день все болѣе и болѣе покрывается пѣною, изгоняемою политическою бурею изъ другихъ странъ. Эти перебѣжчики приносятъ сюда съ собой нахальство и пороки. Безъ любви и уваженія къ странѣ, безъ какого либо гражданскаго и религіознаго сродства съ Россіею, они смѣются надъ недальновидными Русскими, довѣряющими имъ то, что имъ наиболѣе дорого; они только стремятся набрать какъ можно больше золота съ тѣмъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ доставить себѣ не-

---

[72]) Н. Дубровинъ ib. стр. 544—545.

зависимое существованіе и затѣмъ, попробовавъ выступить публично, — и тѣмъ повліять на общественное мнѣніе, — съ литературными опытами, являющимися, для настоящихъ знатоковъ, доказательствомъ ихъ невѣжества, они уѣзжаютъ и продолжаютъ смѣяться надъ Россіею въ дурныхъ книгахъ, которыя она у нихъ покупаетъ, если даже не переводитъ [73]).

Лица же, не имѣвшія возможность запастись „этой пѣной“ изгнанною „политическою бурею“, пѣною, стоющею довольно дорого, или же недовольныя результатами занятій всѣхъ этихъ мусье и мадамъ, старались помочь горю другимъ путемъ: они отдавали своихъ дѣтей въ пансіоны, совершенно не заботясь о томъ, что ими распоряжались тѣ-же мусье и мадамы, хлопотавшіе лишь объ одномъ, какъ бы собрать побольше денегъ со своихъ учениковъ и воспитывавшіе ихъ въ томъ-же анти-патріотическомъ духѣ [74]).

Были и такіе, которые помѣщали своихъ дѣтей въ благородные пансіоны, не носившіе иностраннаго отпечатка, но и не обременявшіе ихъ особенно усиленными занятіями. Пансіоны эти принадлежали къ числу привилегированныхъ учебныхъ заведеній, спеціально учрежденныхъ для дворянскихъ дѣтей они пользовались правомъ снабжать своихъ питом-

---

[73]) Comte Joseph de Maistre. Letters et opuscules inédits. Paris 1851, t. II, p. 306—307.

[74]) Дубровинъ, ib., стр. 543.

цевъ тѣми же преимуществами, что и университетъ [75]).

Весьма немногіе проводили своихъ дѣтей черезъ гимназіи, которыя тоже не могли похвастаться тѣмъ, что соотвѣтствовали своему назначенію [76]), но гдѣ, все же давалось болѣе основательное образованіе [77]). Дворянство избѣгало ихъ потому, что не желало видѣть своихъ сыновей въ обществѣ разночинцевъ [78]).

Наконецъ, еще меньшее число родителей мечтало о томъ, чтобы ихъ дѣти кончали университетъ [79]).

Вотъ каковы были интересы дворянства, его воспитаніе и образованіе. Конечно, во всѣхъ его слояхъ существовали исключенія; конечно, иностранное вліяніе не давало себя знать только съ дурной своей стороны [80]); конечно, молодежь [81]), а также и нѣкото-

---

[75]) П. Панаевъ. Литературныя воспоминанія. Петербургъ 1871 г., стр. 2—34.

[76]) Кн. Енгалычевъ. Висаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Новыя данныя для его біографіи. Русск. стар. 1871 г., № 1, стр. 49—50.

[77]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Петербургъ 1888 г., т. I стр. 23—28.

[78]) И. Панаевъ, ib., стр. 2.

[79]) Д. Н. Свербеевъ, ib. т. I, стр. 109—112. О дѣтствѣ и отрочествѣ такихъ студентовъ можно прочесть интересную статью. у П. Мизинова. Исторія и поэзія. Историко-литературные этюды. Москва 1900 г., стр. 335—388. Московскій студентъ первыхъ годовъ XIX вѣка.

[80]) Н. Дубровинъ, ib., стр. 343, пр. 3. Ф. Я. Мирковичъ. Его жизнеописаніе. С.-Петербургъ 1889, т. I, стр. 14.

[81]) Взять напр. И. Тургенева. Русск. арх. 1871 г., стр. 1962—1983 и др.

рыя лица среднихъ лѣтъ [82]), и пожилыя лица,[83]) были воодушевлены благородными и добрыми стремленіями, но соціальная атмосфера, въ которой жило дворянство, была пропитана міазмами. Она въ значительной мѣрѣ способствовала созданію этихъ космополитически настроенныхъ людей, не имѣвшихъ ни родины, ни настоящей вѣры, безъ уваженія относившихся къ труду, плохо знавшихъ Россію и ея народъ.

Тѣмъ не менѣе представленная нами картина рисуетъ намъ одинъ изъ фазисовъ прогресса русскаго общества, фазисъ переживаемый съ большимъ трудомъ, но черезъ который всякій народъ проходитъ.

Дѣло въ томъ, что подражая иностранцамъ, общество не подозрѣвало, что оно является орудіемъ совершавшаго свое развитіе историческаго процесса, зародившагося еще до Петра и теперь не закончившагося, суть котораго, какъ нельзя лучше, объясняется теоріею подражанія Тарда [84]).

Подражаніе, свойственное дѣтямъ и юношамъ, что отлично знаютъ родители и воспитатели, свойственно и отдѣльнымъ націямъ.

---

[82]) Графъ Ѳ. П. Толстой. Русск. стар. 1873 г., № 1, стр. 24—51; ib. № 2, стр. 123—145.

[83]) В. Иконниковъ. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Русск. стар. 1872 г., № 1, стр. 36—43. Краткая біографія. Подробная того же автора гр. Н. С. Мордвиновъ. Гр. П. П. Румянцевъ. Русск. стар. 1881 г., № 9, стр. 47—74. Ib. № 10, стр. 225—250.

[84]) Tarde. Les lois de l'imitations. Etudes sociologiques. Paris 1895. Seconde édition.

Для дѣтей и юношей такое стремленіе зарождается вслѣдствіе того, что они находятся въ соприкосновеніи съ взрослыми, превосходства которыхъ они признаютъ надъ собой. Для націи оно зарождается тогда, когда нація менѣе культурная входитъ въ соприкосновеніе съ болѣе культурной. Дѣти и юноши, признавъ превосходство своихъ родителей, или тѣхъ или другихъ взрослыхъ лицъ, начинаютъ съ того, что перенимаютъ ихъ манеры, способы выражаться, походку, однимъ словомъ, они подражаютъ внѣшности, и только со временемъ, послѣ цѣлаго ряда неуклюжихъ попытокъ въ этомъ родѣ, ихъ озаряетъ мысль, что не во внѣшности дѣло, а во внутреннемъ содержаніи. Тогда они, или бросаютъ свои прежніе образцы и ищутъ другихъ идеаловъ для себя, или же остаются имъ вѣрны, если сознаютъ, что внѣшность образцовъ отвѣчаетъ ихъ внутреннему содержанію.

Нація, признавъ превосходство другой, тоже перéнимаетъ сначала одежду, игры, иностранныя слова, или такъ называемыя блестки цивилизаціи, и только, черезъ очень продолжительный срокъ, она начинаетъ догадываться, что не въ этомъ заключается почувствованное ею превосходство образца, а въ чемъ то другомъ, въ чемъ именно, она уясняетъ себѣ такъ же внезапно и случайно, какъ внезапно озаряетъ юношу мысль, что не во внѣшности заключается превосходство взрослыхъ, а въ ихъ внутреннемъ содержаніи.

Но въ одинъ прекрасный день мало-мальски талантливый юноша, окрѣпнувъ, набравшись мыслей и понятій у своихъ идеаловъ, обогатившись черезъ нихъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній, претворивъ ихъ и переработавъ по своему, становится на ноги и на свой рискъ и страхъ, пускается въ невѣдомую даль. Такъ птенчикъ, выучившись летать, покидаетъ родное гнѣздо, и самъ своими собственными силами добываетъ дневное пропитаніе.

Настаетъ и для націй время, когда, усвоивъ духъ чуждой ей цивилизаціи, претворивъ ее сообразно психическимъ своимъ особенностямъ она перестаетъ нуждаться въ иностранномъ образцѣ, тогда она на свой рискъ и страхъ тоже пускается въ невѣдомую даль, сама еще хорошенько не зная, какихъ цѣлей достигать, куда стремиться и къ какимъ идеаламъ, одно ей ясно: отнынѣ она должна ихъ искать безъ помощи другихъ, своими собственными силами и средствами. Не хватитъ у нея храбрости сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, она будетъ на вѣки обречена играть второстепенную роль и тащиться на буксирѣ за другими. А храбрости у нея не хватитъ лишь въ томъ случаѣ, если въ ней не будетъ жизнеспособности и зародышей самобытности. Разъ только она жизнеспособна и самобытна, она непремѣнно перейдетъ Рубиконъ, отдѣляющій періодъ подражанія отъ періода самостоятельной творческой работы. Это законъ.

цевъ тѣми же преимуществами, что и университетъ [75]).

Весьма немногіе проводили своихъ дѣтей черезъ гимназіи, которыя тоже не могли похвастаться тѣмъ, что соотвѣтствовали своему назначенію [76]), но гдѣ, все же давалось болѣе основательное образованіе [77]). Дворянство избѣгало ихъ потому, что не желало видѣть своихъ сыновей въ обществѣ разночинцевъ [78]).

Наконецъ, еще меньшее число родителей мечтало о томъ, чтобы ихъ дѣти кончали университетъ [79]).

Вотъ каковы были интересы дворянства, его воспитаніе и образованіе. Конечно, во всѣхъ его слояхъ существовали исключенія; конечно, иностранное вліяніе не давало себя знать только съ дурной своей стороны [80]); конечно, молодежь [81]), а также и нѣкото-

---

[75]) И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія. Петербургъ 1871 г., стр. 2—34.

[76]) Кн. Енгалычевъ. Висаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Новыя данныя для его біографіи. Русск. стар. 1871 г., № 1, стр. 49—50.

[77]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. И. Погодина. С.-Петербургъ 1888 г., т. I стр. 23—28.

[78]) И. Панаевъ, ib., стр. 2.

[79]) Д. Н. Свербеевъ, ib. т. I, стр. 109—112. О дѣтствѣ и отрочествѣ такихъ студентовъ можно прочесть интересную статью. у П. Мизинова. Исторія и поэзія. Историко-литературные этюды. Москва 1900 г., стр. 335—388. Московскій студентъ первыхъ годовъ XIX вѣка.

[80]) Н. Дубровинъ, ib., стр. 343, пр. 3. Ф. Я. Мирковичъ. Его жизнеописаніе. С.-Петербургъ 1889, т. I, стр. 14.

[81]) Взять напр. Н. Тургенева. Русск. арх. 1871 г., стр. 1962—1983 и др.

рыя лица среднихъ лѣтъ [82]), и пожилыя лица,[83]) были воодушевлены благородными и добрыми стремленіями, но соціальная атмосфера, въ которой жило дворянство, была пропитана міазмами. Она въ значительной мѣрѣ способствовала созданію этихъ космополитически настроенныхъ людей, не имѣвшихъ ни родины, ни настоящей вѣры, безъ уваженія относившихся къ труду, плохо знавшихъ Россію и ея народъ.

Тѣмъ не менѣе представленная нами картина рисуетъ намъ одинъ изъ фазисовъ прогресса русскаго общества, фазисъ переживаемый съ большимъ трудомъ, но черезъ который всякій народъ проходитъ.

Дѣло въ томъ, что подражая иностранцамъ, общество не подозрѣвало, что оно является орудіемъ совершавшаго свое развитіе историческаго процесса, зародившагося еще до Петра и теперь не закончившагося, суть котораго, какъ нельзя лучше, объясняется теоріею подражанія Тарда [84]).

Подражаніе, свойственное дѣтямъ и юношамъ, что отлично знаютъ родители и воспитатели, свойственно и отдѣльнымъ націямъ.

---

[82]) Графъ Ѳ. П. Толстой. Русск. стар. 1873 г., № 1, стр. 24—51; ib. № 2, стр. 123—145.

[83]) В. Иконниковъ. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Русск. стар. 1872 г., № 1, стр. 36—43. Краткая біографія. Подробная того же автора гр. Н. С. Мордвиновъ. Гр. П. Н. Румянцевъ. Русск. стар. 1881 г., № 9, стр. 47—74. Ib. № 10, стр. 225—250.

[84]) Tarde. Les lois de l'imitations. Etudes sociologiques. Paris 1895. Seconde édition.

Для дѣтей и юношей такое стремленіе зарождается вслѣдствіе того, что они находятся въ соприкосновеніи съ взрослыми, превосходства которыхъ они признаютъ надъ собой. Для націи оно зарождается тогда, когда нація менѣе культурная входитъ въ соприкосновеніе съ болѣе культурной. Дѣти и юноши, признавъ превосходство своихъ родителей, или тѣхъ или другихъ взрослыхъ лицъ, начинаютъ съ того, что перенимаютъ ихъ манеры, способы выражаться, походку, однимъ словомъ, они подражаютъ внѣшности, и только со временемъ, послѣ цѣлаго ряда неуклюжихъ попытокъ въ этомъ родѣ, ихъ озаряетъ мысль, что не во внѣшности дѣло, а во внутреннемъ содержаніи. Тогда они, или бросаютъ свои прежніе образцы и ищутъ другихъ идеаловъ для себя, или же остаются имъ вѣрны, если сознаютъ, что внѣшность образцовъ отвѣчаетъ ихъ внутреннему содержанію.

Нація, признавъ превосходство другой, тоже перéнимаетъ сначала одежду, игры, иностранныя слова, или такъ называемыя блестки цивилизаціи, и только, черезъ очень продолжительный срокъ, она начинаетъ догадываться, что не въ этомъ заключается почувствованное ею превосходство образца, а въ чемъ то другомъ, въ чемъ именно, она уясняетъ себѣ такъ же внезапно и случайно, какъ внезапно озаряетъ юношу мысль, что не во внѣшности заключается превосходство взрослыхъ, а въ ихъ внутреннемъ содержаніи.

Но въ одинъ прекрасный день мало-мальски талантливый юноша, окрѣпнувъ, набравшись мыслей и понятій у своихъ идеаловъ, обогатившись черезъ нихъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній, претворивъ ихъ и переработавъ по своему, становится на ноги и на свой рискъ и страхъ, пускается въ невѣдомую даль. Такъ птенчикъ, выучившись летать, покидаетъ родное гнѣздо, и самъ своими собственными силами добываетъ дневное пропитаніе.

Настаетъ и для націй время, когда, усвоивъ духъ чуждой ей цивилизаціи, претворивъ ее сообразно психическимъ своимъ особенностямъ она перестаетъ нуждаться въ иностранномъ образцѣ, тогда она на свой рискъ и страхъ тоже пускается въ невѣдомую даль, сама еще хорошенько не зная, какихъ цѣлей достигать, куда стремиться и къ какимъ идеаламъ, одно ей ясно: отнынѣ она должна ихъ искать безъ помощи другихъ, своими собственными силами и средствами. Не хватитъ у нея храбрости сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, она будетъ на вѣки обречена играть второстепенную роль и тащиться на буксирѣ за другими. А храбрости у нея не хватитъ лишь въ томъ случаѣ, если въ ней не будетъ жизнеспособности и зародышей самобытности. Разъ только она жизнеспособна и самобытна, она непремѣнно перейдетъ Рубиконъ, отдѣляющій періодъ подражанія отъ періода самостоятельной творческой работы. Это законъ.

смутное чувство выразилось въ неопредѣленности идеала молодыхъ людей, недовольныхъ существовавшимъ тогда порядкомъ и жаждавшихъ реформъ. Пробудившійся послѣ войны сильный патріотизмъ заставлялъ ихъ, воспитанныхъ на иностранный ладъ, желать быть русскими, а также желать избавить и грядущія поколѣнія отъ вліянія иностраннаго воспитанія. Онъ же заставлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мечтать о соединеніи всѣхъ Славянъ. Горькая же дѣйствительность побуждала искать идеаловъ за предѣлами отечества и вселяла стремленіе попробовать, не справляясь съ прошлымъ родины, осуществить ихъ и тѣмъ осчастливить её [97]).

Возвратимся однако къ горькой дѣйствительности и перейдемъ теперь къ купцамъ, составлявшимъ второй слой русскаго общества, оставшійся почти внѣ вліянія подражательнаго процесса, охватившаго правительство и дворянство. Эта среда весьма мѣтко была названа нашимъ критикомъ Добролюбовымъ „темнымъ царствомъ“. И дѣйствительно она была имъ. Стоитъ только прочесть внимательно сочиненія Островскаго, чтобъ вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Вотъ какъ характеризуетъ нашъ критикъ эту среду, гдѣ традиціи Домостроя, казалось, пустили такіе прочные корни, что можно было потерять всякую надежду видѣть ихъ когда нибудь выта-

---

[97]) Смотр. ib. бар. Розенъ; ib. Бѣляевъ; ib. Записки неизвѣстнаго; ib. Басаргинъ; ib. Свистуновъ; ib. Якушкинъ; ib. Пассекъ; ib. Богдановичъ; ib. Пыпинъ, стр. 387—388.

стали сдаваться. И вотъ послѣ смерти преобразователя высшіе слои русскаго общества оказались втянутыми въ процессъ подражанія, который чѣмъ дальше развивался, тѣмъ увлекалъ все болѣе и болѣе лицъ. Почти не надо говорить, что первые шаги подражателей были также неуклюжи, какъ и шаги подражающихъ дѣтей. Танцы, игры, манеры, иностранныя слова и за ними и языки вотъ что составляло предметъ заимствованія [87]). Революція, выгнавъ изъ предѣловъ Франціи большое количество маркизовъ, дюковъ, виконтовъ, нашедшихъ пріютъ въ Россіи, доставила дворянству не мало живыхъ иностранныхъ образцовъ. Но уже около этого времени начали раскусывать, что тайна превосходства иностранцевъ не во внѣшности, а въ ихъ образованности, въ ихъ знаніяхъ. Ихъ то и стали искать [88]). Въ этомъ отношеніи правительство опередило общество: оно еще гораздо раньше поняло значеніе иностраннаго элемента и утилизировало его. XIX столѣтіе застало подражательный процессъ въ полномъ разгарѣ и въ той его фазѣ, когда лучшіе умы подражали сознательно, а шедшая за ними толпа дѣлала это по инерціи, что она, вѣроятно, продолжала бы и долго дѣлать, еслибы Наполеонъ, влюбленный въ идею всемірной имперіи, какъ въ нее былъ влюбленъ Карлъ Великій и Карлъ V, не вздумалъ испытать

[87]) М. Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва, 1867 г., стр. 17 – 33.
[88]) М. Лонгиновъ, ib., стр. 17.

свое счастье и обратить Россію въ одну изъ подвластныхъ ему провинцій. Такая попытка вызвала дружный отпоръ всего населенія, вызвала взрывъ патріотизма и доказала Русскимъ, какъ имъ дорого потерять все то, что съ такимъ трудомъ они пріобрѣли. Война 1812 года заставила ихъ увѣровать въ свои силы [89]). Съ горделивымъ чувствомъ вышли они изъ нея, чувствомъ увеличившимся послѣ того, какъ они побѣдоносно прошлись по Европѣ, играя роль освободителей. Горделивое чувство вызвало на размышленіе относительно того, не пора ли стать на ноги и прекратить окончательно подражаніе [90]). Отдѣльные голоса, въ теченіе всего XVIII [91]) столѣтія предостерегавшіе противъ подражательныхъ увлеченій, слились теперь въ дружный хоръ, правда еще не очень громкій, но все-таки достаточно громкій для того, чтобы на него обратили вниманіе, но не настолько, чтобы заглушить голоса тѣхъ, которые, возвратившись изъ заграничнаго похода, гдѣ они имѣли возможность убѣдиться въ превосходствѣ западной культуры, звали идти по стопамъ Запада [92]). Такимъ образомъ послѣ заграничныхъ походовъ

---

[89]) Смотр. о значеніи двѣнадцатаго года. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ. Русск. стар. ib. стр. 155—160. Отповѣдь П. Н. Свистунова. Русск. арх. 1871 г. стр. 335—338. А. Пыпинъ. ib. стр. 275, 346—354.

[90]) С. Аксаковъ. Разныя сочиненія. Москва. 1858 г. стр. 7—9.

[91]) А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. 1890 г. т. I стр. 56. М. Лонгиновъ. ib. стр. 26, 31—32.

[92]) А. Пыпинъ. Общественныя движенія и т. д., стр. 346—354.

общество раздѣлилось какъ бы на три части. Правительство, и съ нимъ нѣкоторые мыслящіе люди, сознавая необходимость многое еще заимствовать у иностранцевъ, держалось ихъ и подражало вполнѣ сознательно [93]). Часть, примыкавшаго къ нему высшаго слоя шла по ставшей для него традиціонной дорогѣ слѣпого заимствованія [94]), а другая его часть приглашала прекратить подражаніе [95]), боясь утратить свою русскую самобытность, цѣну которой она поняла, послѣ Бородинскаго сраженія и послѣдующихъ событій. Но опасенія ея были напрасны: въ 1820 году появилась поэма Пушкина Русланъ и Людмила, надѣлавшая много шуму, и ясно показавшая, что литература вступила на самостоятельный, народный путь [96]). Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Рубиконъ перейденъ. Самобытность и жизнеспособность русскаго народа доказана. Литература—зеркало общества—отразила зарожденіе творческаго процесса, вступившаго въ неравную борьбу съ подражательнымъ, достигшимъ апогея своего развитія. Въ этомъ переходѣ одного процесса въ другой современники, какъ мы сказали, не отдавали себѣ отчета. Они чувствовали, что что-то происходитъ особенное, но что именно, сказать не могли. Это

---

[93]) Н. Дубровинъ, ib. 1898 г. № 12 стр. 499.
[94]) Н. Дубровинъ, ib. 1899 № 3 540—545.
[95]) С. Аксаковъ, ib. 7—9.
[96]) С. Весинъ. Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. С.-Петерб. 1881 г., стр. 73—80.

смутное чувство выразилось въ неопредѣленности идеала молодыхъ людей, недовольныхъ существовавшимъ тогда порядкомъ и жаждавшихъ реформъ. Пробудившійся послѣ войны сильный патріотизмъ заставлялъ ихъ, воспитанныхъ на иностранный ладъ, желать быть русскими, а также желать избавить и грядущія поколѣнія отъ вліянія иностраннаго воспитанія. Онъ же заставлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мечтать о соединеніи всѣхъ Славянъ. Горькая же дѣйствительность побуждала искать идеаловъ за предѣлами отечества и вселяла стремленіе попробовать, не справляясь съ прошлымъ родины, осуществить ихъ и тѣмъ осчастливить её [97]).

Возвратимся однако къ горькой дѣйствительности и перейдемъ теперь къ купцамъ, составлявшимъ второй слой русскаго общества, оставшійся почти внѣ вліянія подражательнаго процесса, охватившаго правительство и дворянство. Эта среда весьма мѣтко была названа нашимъ критикомъ Добролюбовымъ „темнымъ царствомъ“. И дѣйствительно она была имъ. Стоитъ только прочесть внимательно сочиненія Островскаго, чтобъ вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Вотъ какъ характеризуетъ нашъ критикъ эту среду, гдѣ традиціи Домостроя, казалось, пустили такіе прочные корни, что можно было потерять всякую надежду видѣть ихъ когда нибудь выта-

[97]) Смотр. ib. бар. Розенъ; ib. Бѣляевъ; ib. Записки неизвѣстнаго; ib. Басаргинъ; ib. Свистуновъ; ib. Якушкинъ; ib. Пассекъ; ib. Богдановичъ; ib. Пыпинъ, стр. 387—388.

щенными. „Наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ, изображаемомъ Островскимъ, съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; компаньонъ въ выгодной спекуляціи легко можетъ забрать въ руки деньги и документы и засадить своего товарища въ яму за долги; тесть надуетъ зятя приданымъ; женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святаго, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство, дикое, безумное, неправое, прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержено въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье, и святыня честнаго труда“ [98]). Но уже и въ это темное царство проникалъ, хотя и очень слабый, но все-жъ лучъ свѣта, предвѣщавшій, что рано или поздно и оно озарится свѣтомъ просвѣщенія. Тамъ и сямъ

[98]) Н. Добролюбовъ, собр. соч. 2 изд. т. III. „Темное царство“ стр. 30—31.

уже появлялись болѣе или менѣе образованные купцы [99]).

Спустимся еще на одну ступень соціальной лѣстницы. Мы среди массы русскаго народа, среди закрѣпощенныхъ мужиковъ. Какова-же была ихъ роль въ жизни государства? „Тогдашнее общество походило на громадный дилижансъ, въ который впряжены были массы людей, и который они тащили по гористой и песчаной дорогѣ. Возницею былъ голодъ; онъ не допускалъ остановокъ, хотя экипажъ и подвигался очень медленнымъ шагомъ. Не смотря на трудность тащить его по такой ужасной дорогѣ, внутри громоздилось множество пассажировъ, которые никогда не слѣзали даже на самыхъ крутыхъ подъемахъ. Мѣста въ дилижансѣ были очень пріятны и удобны, обладатели ихъ, защищенные отъ пыли, могли наслаждаться окрестными видами на досугѣ или критиковать заслугу упряжныхъ“ [100]). Дилижансъ, называемый Россія, имѣлъ два отдѣленія: одно изъ нихъ предназначалось для правительства, для части администраціи и для высшаго духовенства, другое—для купцовъ, для низшаго духовенства, для чиновниковъ низ-

---

[99]) И. П. Кулибинъ, „Русская стар.“ 1873 г. № 11 стр. 734—737. В. В. Варгинъ, „Русск. арх.“ 1882 г. № 3 стр. 46—122. Прохоровъ, „Историческ. Вѣсти.“ 1900 г. № 5 стр. 649—652. Фабричные театры. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи Н. А. Бѣлоголоваго. Москва 1898, стр. X.

[100]) Сравненіе взято изъ сочиненія Беллами „Looking-backward“ русск. перев. 2 изд. С.-Петерб. 1891 г. стр. 4.

шаго разбора, однимъ словомъ, для разночинцевъ. Переходъ изъ одного отдѣленія въ другой не былъ запрещенъ.

Не трудно себѣ представить, какъ запряженные въ эту повозку крестьяне чувствовали себя хорошо, но, чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ прибавить, что если имъ и было тяжело, они все-таки не сознавали всего ужаса своего положенія [101]). Изрѣдка только, когда рука помѣщика слишкомъ крѣпко сжимала въ своихъ тискахъ крестьянина, онъ возмущался [102]), убивалъ [103]) притѣснителя, сжигалъ его домъ, и вновь наступала тишь и гладь и Божья благодать; мужикъ опять подчинялся своей печальной судьбѣ и терпѣливо сносилъ предоставленную ему горькую долю, не проявляя никакихъ признаковъ недовольства. Впрочемъ степень его матерьяльнаго благосостоянія и нравственнаго развитія вполнѣ зависѣла отъ произвола его господина: былъ онъ добрымъ, образованнымъ, и крестьянинъ жилъ спокойно, и тогда унизительное отношеніе господина и раба облекались въ патріархальную форму, причемъ помѣщикъ игралъ роль отца семейства, а крестьяне какъ-бы являлись его дочерьми и сыновьями [104]),

[101]) Напр. смотр. „Записки Свербеева“ ib. т. I стр. 135—157.
[102]) Пр. Романовичъ-Словатинскій ib. стр. 355, 364.
[103]) Пр. Роман.-Словат. ib. стр. 367.
[104]) В. Ласковскій. Бр. Кирѣевскіе. „Жизнь и труды ихъ“ С.-Петербургъ 1899 г. стр. 2 Андр. Тимофеевичъ Болотовъ. „Русск. стар.“ 1873, № 11 стр. 743.

лось небольшое количество талантливыхъ лицъ, вышедшихъ изъ низшихъ классовъ и низшихъ слоевъ дворянства [113]), а также совсѣмъ не талантливыхъ, но за то, умѣніемъ гнуть спины, добившихся степеней извѣстныхъ [114]), и, обратно, къ третьему разряду примыкали лица, начинавшія свою карьеру подъ покровительствомъ сановитыхъ родственниковъ [115]), или же высокопоставленныхъ благодѣтелей и вполнѣ имѣвшіе право надѣяться, при такихъ обстоятельствахъ, достичь высокаго положенія. Другими словами, для того, чтобъ выйти въ люди, не было непремѣнно необходимо принадлежать къ родовитому дворянству, но такая принадлежность служила болѣе или менѣе вѣрнымъ залогомъ служебныхъ успѣховъ. Такимъ образомъ выходило, что рожденіе предпочиталось труду; но такъ какъ дѣла безъ работниковъ не могли идти, то отъ времени до времени работниковъ выдвигали, но, вообще говоря, предоставляли имъ низшія мѣста. Мы этимъ не хотимъ сказать, что Россія не обязана дворянству своею европейскою цивилизаціею, что оно не было способно ни къ какому труду, совсѣмъ нѣтъ, мы хотимъ только установить тотъ фактъ, что работа

---

113) Напр. М. М. Сперанскій, смотр. бар. М. Корфъ, „Жизнь Сперанскаго“. Д. Пр. Трощинскій, смот. „Русск. стар.“ 1882 г. № 6, стр. 641—682 также и гр. Завадовскій, М. Сухомлиновъ ib. т. I, стр. 7—10.

114) Н. Дубровинъ, ib. 1899 № 4, стр. 58.

115) Дн. Свербеевъ. ib. стр. 188—193, 215—225. А. Д. Боровковъ, ib. „Русск. стар.“ 1898 г. № 10 стр. 41—42.

исполнительная, требующая и много терпѣнія и много настойчивости, что называется черновая работа, была ему не по вкусу, ей оно предпочитало творческую работу, распространеніе новыхъ идей, новыхъ привычекъ, новыхъ системъ и т. д. Потому-то правительство, признававшее за нимъ способность направлять и управлять, пополняло имъ ряды высшихъ государственныхъ сановниковъ и, когда рѣчь заходила о повышеніи, отдавало предпочтеніе рожденію передъ умѣніемъ упорно трудиться.

Что-же касается раздѣленія труда, то оно почти что не существовало, такъ же какъ и убѣжденіе, что занятію какой бы то ни было спеціальности должна предшествовать особая подготовка. Всѣ были убѣждены, что достаточно было знать что нибудь, чтобы исполнять всевозможныя порученія, какія только заблагоразсудится правительству дать тому или другому лицу.

Подтвердить это можно множествомъ примѣровъ, но мы ограничимся только немногими. Такъ извѣстный адмиралъ Чичаговъ послѣдовательно исполнялъ обязанности моряка, дипломата и командующаго сухопутной арміей[116]). Не менѣе извѣстный Н. Новосильцевъ, прозванный въ обществѣ „génie á toute sauce“ занимался и вопросами воспитанія, и дипломати-

[116]) Русск. стар. 1883 г. № 6 стр. 487—506. Въ теченіи 1886 г. помѣщались въ Русск. стар. записки П. В. Чичагова. Н. Шильдеръ. ib. т. II стр. 114, 115; т. III стр. 28, 80, 82, 91, 92.

баронессою Крюденеръ [122])—съ другой. Этимъ „пустымъ и звучнымъ документомъ“ [123]). — какъ князь Меттернихъ [124]) охарактеризовалъ Священный Союзъ, которымъ, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ воспользовался, какъ нельзя лучше, и тѣмъ самымъ доказалъ, что онъ вовсе не такъ пустъ,—воспользовалось не мало лицъ и въ Россіи. Читая манифестъ 25 декабря 1815 года [125]), эти господа потирали себѣ руки и заранѣе поздравляли себя съ неожиданнымъ счастіемъ, посылаемымъ имъ Провидѣніемъ. Аракчеевъ, Руничъ, Магницкій и др. отлично поняли, что мракъ, постепенно окутывавшій Россію, а также и Европу, для нихъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ желаннымъ и ниспосланнымъ самою судьбою союзникомъ. Они чувствовали, что, пользуясь этимъ мракомъ, можно недурно устроить свои личныя дѣлишки. Руничъ и Магницкій [126]) съ азартомъ набросились на только что недавно возникшіе университеты. Совсѣмъ еще неоперившіеся, едва умѣя ходить, съ неокрѣпшею организаціею, не успѣвшею приспособиться къ окружающей средѣ, они надолго были задержаны въ своемъ естественномъ ростѣ, неумѣстнымъ усердіемъ ревностныхъ попечителей.

---

[122]) Н. Шильдеръ, ib. т. III, стр. 116—117, 322, 324—326, 344. О. Крюднеръ, см. „Вѣстн. Евр.“ 1869, № 8, 9, 11 и 12.
[123]) Н. Шильдеръ, ib. т. III, стр. 346.
[124]) О ки. Меттернихѣ, кратк. свѣд. къ „Русск. Стар.“ 1873 г. № 11, стр. 783, и талантливая статья Д. П. Писарева: Кн. Меттернихъ, т. I, изд. 2, стр. 562—635.
[125]) Н. Шильдеръ, т. III, стр. 360.
[126]) Е. Феоктистовъ. Магницкій, С.-Петерб. 1865 г.

рѣшившагося, тѣмъ не менѣе, выступить кандидатомъ на должность губернатора. Онъ надѣялся на успѣхъ своего искательства потому, что состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ всемогущимъ временщикомъ Аракчеевымъ. Эта смѣлость даже удивила мало чему удивлявшагося „безъ лести преданнаго“ Алексѣя Андреевича, знавшаго отлично неспособность претендента [120]).

Въ чемъ же состояла въ интересующій насъ періодъ, т. е. во вторую половину царствованія императора Александра, программа правительства? Она выражается въ немногихъ словахъ: въ стремленіи осуществить на практикѣ принципы Священнаго Союза [121]). Если Священный Союзъ преслѣдовалъ, самъ по себѣ, очень туманный идеалъ, примѣненіе на практикѣ котораго, не смотря на возвышенность провозглашенныхъ принциповъ, неминуемо должно было привести къ реакціи, то идеалъ, который преслѣдовали въ Россіи, былъ еще болѣе туманенъ и попытки обратить его въ дѣйствительность вызвали еще болѣе сильную реакцію, весьма печально отразившуюся, въ особенности, на народномъ просвѣщеніи.

Священный Союзъ явился продуктомъ перемѣны, совершившейся въ душѣ императора, гдѣ Христосъ замѣнилъ Лагарпа, съ одной стороны, и дружбы съ

[120]) Русск. стар. 1882 г. № 3 стр. 472. Сообщ. П. И. Савваитова.
[121]) Н. Шильдеръ, ib. т. III, стр. 359—360.

баронессою Крюденеръ [122])—съ другой. Этимъ „пустымъ и звучнымъ документомъ“ [123]), — какъ князь Меттернихъ [124]) охарактеризовалъ Священный Союзъ, которымъ, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ воспользовался, какъ нельзя лучше, и тѣмъ самымъ доказалъ, что онъ вовсе не такъ пустъ,—воспользовалось не мало лицъ и въ Россіи. Читая манифестъ 25 декабря 1815 года [125]), эти господа потирали себѣ руки и заранѣе поздравляли себя съ неожиданнымъ счастіемъ, посылаемымъ имъ Провидѣніемъ. Аракчеевъ, Руничъ, Магницкій и др. отлично поняли, что мракъ, постепенно окутывавшій Россію, а также и Европу, для нихъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ желаннымъ и ниспосланнымъ самою судьбою союзникомъ. Они чувствовали, что, пользуясь этимъ мракомъ, можно недурно устроить свои личныя дѣлишки. Руничъ и Магницкій [126]) съ азартомъ набросились на только что недавно возникшіе университеты. Совсѣмъ еще неоперившіеся, едва умѣя ходить, съ неокрѣпшею организаціею, не успѣвшею приспособиться къ окружающей средѣ, они надолго были задержаны въ своемъ естественномъ ростѣ, неумѣстнымъ усердіемъ ревностныхъ попечителей.

---

[122]) Н. Шильдеръ, ib. т. III, стр. 116—117, 322, 324—326, 344. О. Крюднеръ, см. „Вѣстн. Евр.“ 1869, № 8, 9, 11 и 12.

[123]) Н. Шильдеръ, ib. т. III, стр. 346.

[124]) О кн. Меттернихѣ, кратк. свѣд. къ „Русск. Стар.“ 1873 г. № 11, стр. 783, и талантливая статья Д. И. Писарева: Кн. Меттернихъ, т. I, изд. 2, стр. 562—635.

[125]) Н. Шильдеръ, т. III, стр. 360.

[126]) Е. Феоктистовъ. Магницкій, С.-Петерб. 1865 г.

Если обратить вниманіе только на внѣшнюю сторону, то можетъ показаться, что либеральная система народнаго просвѣщенія начала царствованія императора Александра осталась неприкосновенною и во вторую половину его царствованія, но если вникнуть поглубже, то станетъ ясно, что если, что-нибудь и сохранилось отъ нея, то, развѣ, только одни обрывки.

Вотъ сущность этой системы. Народное просвѣщеніе было объявлено составляющимъ въ Россійской имперіи „особую государственную часть", ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую Главнымъ училищнымъ Правленіемъ. Дальнѣйшіе параграфы тѣхъ же правилъ установляли и всѣ послѣдующія ступени учебной іерархіи. Шестеро изъ членовъ „Главнаго правленія училищъ" назначались вмѣстѣ съ тѣмъ и „попечителями" шести „полосъ" Россіи,—„округовъ", на которые дѣлилась вся имперія по отношенію къ учебному управленію. Попечитель былъ представителемъ интересовъ своего округа въ Петербургѣ, на мѣстѣ же, во главѣ округа, стоялъ университетъ. Въ трехъ округахъ университеты уже существовали (Московскомъ, Виленскомъ и Дерптскомъ); въ трехъ другихъ ихъ слѣдовало еще учредить,—и уже указомъ 8 сентября 1802 г. („О должности коммиссіи училищъ") было признано, что „главною цѣлью, которую должны имѣть члены (они же и попечители) тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть

основаніи устава, университетъ имѣетъ типографію и собственную цензуру для всѣхъ сочиненій, издаваемыхъ его членами и печатаемыхъ въ его округѣ, а также для книгъ, выписываемыхъ имъ изъ чужихъ краевъ. Университетъ имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи типографію и книжную лавку; въ типографіи печатается все, что по мнѣнію совѣта можетъ служить къ распространенію знаній въ его округѣ. Все, что печатается по опредѣленію университетскаго совѣта или правленія, не подлежитъ цензурѣ. Въ университетской библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, которыя нужно имѣть по мнѣнію факультетовъ, и неограниченное позволеніе пользоваться ею оставляется только профессорамъ и адъюнктамъ: никому, кромѣ ихъ, не дозволено выдавать изъ библіотеки книгъ, признанныхъ цензурою соблазнительными и вредными. Каждый профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго и представляетъ избранное сочиненіе на утвержденіе совѣта, которому одному предоставлено право распоряжаться ученою частью университета.

Совѣтъ избиралъ профессоровъ, адъюнктовъ и почетныхъ членовъ университета, опредѣлялъ преподавателей въ гимназіи и уѣздныя училища, распредѣлялъ курсы, разсматривалъ переносимыя изъ правленія тяжебныя дѣла и т. д. Замѣчательно, что не только факультетскимъ, но и общимъ собраніямъ

но предполагалось преобразовывать педагогическій институтъ въ университетъ [128]). Окончательно онъ возникъ тамъ въ 1815 г. [129]). Что-же касается Харьковскаго, то онъ началъ дѣйствовать съ того момента, какъ получилъ уставъ [130]).

По уставу 1804 г. каждый университетъ долженъ былъ имѣть 4 отдѣленія: 1) отдѣленіе наукъ нравственныхъ и политическихъ, 2) отдѣленіе наукъ физико-математическихъ, 3) отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и 4) отдѣленіе словесныхъ наукъ [131]).

„Права университета заключались въ признаніи его высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ, въ дозволеніи имѣть собственную цензуру, въ неограниченномъ правѣ профессоровъ пользоваться всѣми рукописями и печатными книгами, не стѣсняясь цензурными запрещеніями, и въ свободѣ преподаванія. Совѣтъ университета — сказано въ уставѣ — есть высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ. Предварительными правилами народнаго просвѣщенія университетамъ исключительно предоставлена внутренняя расправа надъ подчиненными имъ лицами и мѣстами: апелляція по приговорамъ университетскаго совѣта идетъ только въ правительствующій сенатъ. На

---

[128]) П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 315—317.
[129]) П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 318.
[130]) П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 317.
[131]) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 59.

основаніи устава, университетъ имѣетъ типографію и собственную цензуру для всѣхъ сочиненій, издаваемыхъ его членами и печатаемыхъ въ его округѣ, а также для книгъ, выписываемыхъ имъ изъ чужихъ краевъ. Университетъ имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи типографію и книжную лавку; въ типографіи печатается все, что по мнѣнію совѣта можетъ служить къ распространенію знаній въ его округѣ. Все, что печатается по опредѣленію университетскаго совѣта или правленія, не подлежитъ цензурѣ. Въ университетской библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, которыя нужно имѣть по мнѣнію факультетовъ, и неограниченное позволеніе пользоваться ею оставляется только профессорамъ и адъюнктамъ: никому, кромѣ ихъ, не дозволено выдавать изъ библіотеки книгъ, признанныхъ цензурою соблазнительными и вредными. Каждый профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго и представляетъ избранное сочиненіе на утвержденіе совѣта, которому одному предоставлено право распоряжаться ученою частью университета.

Совѣтъ избиралъ профессоровъ, адъюнктовъ и почетныхъ членовъ университета, опредѣлялъ преподавателей въ гимназіи и уѣздныя училища, распредѣлялъ курсы, разсматривалъ переносимыя изъ правленія тяжебныя дѣла и т. д. Замѣчательно, что не только факультетскимъ, но и общимъ собраніямъ

приданъ былъ ученый характеръ. Сверхъ обычныхъ засѣданій совѣта, всякій мѣсяцъ—сказано въ уставѣ—должно быть особенное собраніе, въ которомъ профессора и почетные члены разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и ислѣдованіяхъ, предлагаемыхъ, ректоромъ или кѣмъ-либо изъ членовъ. Главная обязанность профессоровъ состояла въ томъ, чтобы читать лекціи лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ, соединяя теорію съ практикою во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ это нужно; преподаваемые курсы пополнять новыми открытіями, сдѣланными въ другихъ странахъ Европы; присутствовать въ засѣданіяхъ и при испытаніяхъ, и руководствовать адъюнктовъ.

Связь между профессорами и студентами поддерживалась учрежденіемъ бесѣдъ: желательно—сказано въ уставѣ — чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, учредили бесѣды со студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія, пріучая ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли. Библіотекарь избирался изъ профессоровъ, помощникъ его—изъ адъюнктовъ или магистровъ, а письмоводитель библіотеки—изъ студентовъ. Посредниками между профессорами и студентами были кандидаты и магистры, поставленные въ ближайшія отношенія къ студентамъ и готовившіеся къ профессорскому званію. Студенты,

сверху внизъ, вплоть до самаго послѣдняго чиновника, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что и они платонически любили либеральныя реформы, но когда дѣло доходило до примѣненія, оно ихъ чрезвычайно коробило. Такъ, въ харьковскомъ университетѣ, совѣтъ, опираясь на предоставленное ему право, попробовалъ настоять на выполненіи одного изъ своихъ постановленій, не смотря на то, что попечитель не считалъ возможнымъ его утвердить. Въ результатѣ, профессоровъ, осмѣлившихся настаивать, приказали призвать въ Харьковское губернское управленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что если впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду [137]).

Труденъ лишь первый скачекъ, второй—дѣлается какъ-то самъ собой. Разъ путь былъ указанъ, и первое препятствіе, встрѣтившееся на немъ, взято, ничего не стоило идти дальше: за выговоромъ профессорамъ послѣдовали отмѣны совѣтовъ университетскихъ и раздачи ученыхъ степеней, по усмотрѣнію попечителей [138]). Иностранные профессора въ большомъ количествѣ, приглашенные въ Россію для занятія различныхъ каѳедръ и увѣренные, что они и здѣсь найдутъ тѣ-же формы и тотъ же духъ, къ какимъ привыкли у себя на родинѣ, очень скоро убѣдились, что если существовали знакомыя имъ

---

[137]) П. Милюковъ т. II стр. 317.
[138]) П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 317.

формы, то только онѣ. Наиболѣе просвѣщенные, разочарованные покинули свои мѣста и возвратились на родину, сожалѣя о томъ, что имъ не удалось въ Россіи насадить столь имъ милую академическую атмосферу [139]). Можно ли ихъ винить за ихъ бѣгство? Конечно, нѣтъ. Что имъ была Россія! Изъ-за чего было имъ ломать копья въ борьбѣ, возникшей отъ того, что либеральныя идеи были любы въ принципѣ и непріятны на практикѣ. Иное дѣло русскіе, они обязаны были остаться и какъ никакъ работать. Такъ именно они и поступили, стараясь, сколько могли, примѣняться къ требованіямъ правительства и, его представителя, попечителя.

Не трудно понять, что должность попечителя весьма устраивала правительство. Она позволяла ему, въ случаѣ надобности, въ значительной мѣрѣ стѣснить свободу университетовъ. Стоило только немного расширить права попечителя, или даже просто одобрить его стѣснительныя мѣры для того, чтобы уничтожить всякую автономію. Это какъ разъ и случилось тогда, когда князь Голицынъ сталъ во главѣ новаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и когда принципы Священнаго Союза были примѣнены къ народному образованію. Но тѣмъ не менѣе, уже къ этому времени новорожденные университеты настолько окрѣпли,—и это благодаря дѣятельности профессоровъ, хотя ссорившихся и

---

[139]) П. **Милюковъ**, ib. т. II, стр. 317.

интриговавшихъ другъ противъ друга [140]), но и работавшихъ,—что они въ состояніи были перенести разразившуюся надъ ними бурю.

24-го Октября 1817 г. появился манифестъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія знаменательныя слова: „желая, чтобы вѣра была основаніемъ всякаго истиннаго образованія, мы нашли нужнымъ соединить въ одно министерство народнаго просвѣщенія съ дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, подъ названіемъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія". Манифестъ произвелъ впечатлѣніе приказанія какого-нибудь, присутствующаго на пожарѣ, брантъ-маіора. Пожарные схватили трубы и съ усердіемъ пустились тушить огонь свободомыслія, охватившій по ихъ мнѣнію мыслящіе классы русскаго общества. Конечно прежде всего они направили воды своихъ трубъ на университеты, опасные очаги свободолюбія и атеизма. Двое изъ нихъ трудились съ неподражаемымъ усердіемъ, одинъ Руничъ, въ качествѣ попечителя петербургскаго университета [141]), другой — Магницкій — казанскаго [142]).

Петербургскій университетъ, собственно говоря, обратился въ настоящій университетъ въ 1819 г. До тѣхъ поръ, онъ, главнымъ образомъ, былъ педагогическимъ институтомъ. Такое преобразованіе, по-

[140]) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 142—144.
[141]) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 254—397.
[142]) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 216—239.

слѣдовавшее послѣ объявленія манифеста, можетъ казаться невѣроятнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ и, дѣйствительно, оно произошло только благодаря настояніямъ молодаго и энергичнаго попечителя петербургскаго округа Уварова [143]). Но взамѣнъ сдѣланной ему уступки, реакціонеры настояли на томъ, чтобы создано было мѣсто директора университета. Назначеніе директора должно было зависѣть отъ правительства, а обязанность его, въ сущности должна была сводиться къ тому, чтобъ служить противовѣсомъ, избираемому профессорскою корпораціею, ректору. Кромѣ того, они же потребовали, чтобы профессорская конференція занималась только учебными дѣлами. Два года прошли сравнительно спокойно, но затѣмъ Руничъ, назначенный вмѣсто Уварова, принялся въ прямомъ смыслѣ этого слова приводить университетъ въ христіанскую вѣру. Какъ мы видѣли, онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ роли попечителя, а потому, нѣтъ ничего и удивительнаго, что онъ принялъ на себя столь странную обязанность. Началъ онъ съ профессора Куницына, напечатавшаго книгу, носившую названіе „естественное право“. Когда она была разсмотрѣна училищнымъ правленіемъ и когда мнѣнія на ея счетъ раздѣлились, Руничъ всѣми силами старался доказать, что Куницынъ, никто иной, какъ ученикъ Руссо, что онъ смущаетъ умы молодежи,

---

[143]) П. **Милюковъ**, т. II, стр. 318.

внушая ей мысли о правѣ человѣка и гражданина. Маратъ, сказалъ онъ, былъ искреннимъ и практическимъ приверженцемъ этой науки. Мнѣніе Рунича взяло верхъ, книга проф. Куницына, напечатанная въ количествѣ 1000 экземпляровъ, была отобрана у автора, а также и въ школахъ. Естественное право съ этой минуты стало предметомъ преслѣдованія, а Куницынъ смѣщенъ съ каѳедры, но взамѣнъ ея получилъ мѣсто въ коммиссіи составленія законовъ. Ободренный этою первою побѣдою, Руничъ принялся совершать новые подвиги. Союзникомъ его въ этомъ дѣлѣ оказался директоръ университета; и вотъ, вмѣстѣ съ нимъ, онъ набросился на политическія и философскія науки. Руничъ представилъ главному училищному правленію лекціи, записанныя студентами, и, основываясь на нихъ, сталъ доказывать, что политическія и философскія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ противномъ христіанству и что слѣдовательно умы студентовъ наполняются мыслями, вредными для существующаго порядка вещей. Профессора статистики Германъ и Арсеньевъ, исторіи философіи Галичъ и всеобщей исторіи Раупахъ, вѣроятно, совершенно неожиданно для самихъ себя, превратились въ обвиняемыхъ. Лекціи заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности университетскихъ преподавателей были разсмотрѣны въ особенной конференціи, имѣвшей предсѣдателемъ самого Рунича. Угрозы съ одной стороны, обѣщанія съ другой, подѣйствовали на нѣкоторыхъ. Семеро

изъ 20-ти членовъ, составлявшихъ конференцію, „забывши долгъ, поправши честь, презрѣвши стыдъ и усыпя совѣсть", говоритъ проф. Плисовъ, признали подсудимыхъ виновными. Но и этимъ не удовлетворились, а позволили себѣ подлогъ въ дѣлахъ конференціи. Одинъ изъ обвиняемыхъ къ торжеству Рунича, принесъ публичное покаяніе и просилъ не поминать грѣховъ юности (Галичъ). На другого члена конференціи (Соловьева) эти сцены до того подѣйствовали разрушительно, что онъ впалъ въ совершенное разслабленіе. Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ были немедленно удалены изъ университета. Они требовали суда компетентныхъ лицъ, но главное правленіе постановило предать ихъ уголовному суду. Комитетъ министровъ положилъ передать это дѣло на разсмотрѣніе особой коммиссіи, которая, какъ видно изъ дѣла, вовсе не собиралась до 1827 г., когда повелѣно было считать самое дѣло оконченнымъ. Но, при самомъ возникновеніи его, гр. Уваровъ, въ длинномъ патетическомъ письмѣ (18 ноября 1821 г.), проникнутомъ благороднымъ негодованіемъ противъ гонителей, просилъ подвергнуть и его отвѣтственности, какъ виновника первыхъ дѣйствій университета, если подсудимые окажутся виновными; но это письмо вызвало неудовольствіе. Результатомъ только что описанной катастрофы явилось удаленіе нѣсколькихъ профессоровъ [144]).

[144]) В. С. Иконниковъ, Русскіе университеты въ связи съ

Такимъ образомъ, петербургскій университетъ, едва начавъ свою дѣятельность, успѣлъ подвергнуться опустошенію, отъ котораго онъ не скоро оправился. Въ заключеніе этой печальной исторіи приведемъ, въ видѣ иллюстраціи, нѣсколько выдержекъ изъ лекцій выше названныхъ профессоровъ, признанныхъ Руничемъ вредными.

Лекціи проф. Германа. Тетр. III, стр. 65.

Монархія имѣетъ ту безцѣнную выгоду, что вся верховная власть соединена въ одномъ физическомъ лицѣ—монарха, который, какъ Богъ, единъ и всемогущъ на землѣ. Онъ неограниченъ во власти, неограниченъ и въ благодѣяніяхъ къ своему народу; но жалко, что сіе мѣсто занято не ангеломъ, а человѣкомъ; жалко, что наслѣдуютъ его люди разныхъ характеровъ; что одинъ созидаетъ, то другой по смерти его разрушаетъ [145]).

Тетр. XXIX, стр. 641. Аристократія имѣетъ безцѣнную выгоду [146]).

Лекціи проф. Раупаха, тетр. XXVII, стр. 395. Никто изъ древнихъ не имѣлъ понятія о Богѣ невещественномъ [147]).

ходомъ общественнаго образованія „Вѣсти. Евр.“ 1876 г. № 11, стр. 80—81. Интересно, что удаленные профессора были приняты въ вѣдомство Императрицы Маріи и Николай Павловичемъ въ инженерное училище. Смотр. объ этомъ „Русск. Стар.“ 1880 г. № 11, стр. 757. „Историческій Вѣстн.“ 1898 г. № 5. Воспоминанія К. Жерве, стр. 448.

145) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 271.

146) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 284.

147) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 298.

Тетр. IV, стр. 95. Индія между Индомъ и Гангомъ была уже въ древнія времена весьма просвѣщенною страною. Сословіе жрецовъ и строгое раздѣленіе кастъ было уже въ то время, какъ священныя книги Веды были составляемы, что безспорно долженствовало быть за многія тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленія [148]).

Этихъ выписокъ, думается, намъ вполнѣ достаточно, для того, чтобъ показать, какія въ сущности невинныя мысли возбуждали подозрѣніе ретиваго попечителя.

Мы остановились дольше на этой плачевной исторіи, чтобы показать, какъ отразилась реакція на петербургскомъ университетѣ, въ который нѣсколько лѣтъ спустя поступилъ Грановскій. Нѣчто подобное произошло и въ Казани, съ тою только разницею, что герой, гонитель науки, носилъ другую фамилію, и что онъ послужилъ образцомъ для Дмитр. Павл. Рунича.

Если университетское преподаваніе было подвергнуто столь строгой цензурѣ, то легко себѣ представить, какова была цензура литературная [149]). Она также изъ либеральной, какой была въ 1804 г., въ эпоху реакціи, превратилась въ Цербера, сдѣлалась

---

[148]) М. Сухомлиновъ, ib. т. I, стр. 287.

[149]) О цензурѣ въ царств. Имп. Алекс. смотрѣть М. Сухомлиновъ, т. I (стр. 398—489, гл. VII—IX). А. Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры. С.-Петерб. 1892 г., стр. 86—212 (отъ гл. VI до части X).

въ высшей степени нетерпимой и несносной для тѣхъ, кому приходилось имѣть съ нею дѣло. Она доходила до того, что вмѣшивалась въ орфографію и старалась добраться до произведеній Жуковскаго и Карамзина, изъятыхъ изъ подъ ея наблюденій [150]). Чтобы по достоинству оцѣнить цензурный уставъ 1823 года, достаточно сказать, что творцомъ его явились Руничъ и Магницкій [151]). И все-таки, не смотря на всѣ строгости и преслѣдованія, литература шла своимъ путемъ, конечно, немного задерживаясь, благодаря дѣятельности реакціонеровъ, но все-жъ не настолько, чтобъ остановиться и перестать стремиться къ прогрессу.

Державинъ, послѣдній представитель, такъ сказать, оффиціальной литературы, порожденный подражательными усиліями, которыя дѣлалъ молодой народъ, желая сравняться со своими старшими братьями, болѣе его ушедшими впередъ въ области мысли, умеръ какъ разъ во время. Онъ не былъ свидѣтелемъ того тяжелаго времени, когда, во имя источника всяческаго свѣта, гасился свѣтъ на Руси. Державинъ не оставилъ литературной школы, но онъ, какъ будто желая установить связь между собою и послѣдующимъ поколѣніемъ писателей, далъ свое благословеніе тому, кому суждено было вывести литературу на народный путь, однимъ словомъ, Пушкину.

---

[150]) В. Иконниковъ, ib. стр. 79.
[151]) В. Иконниковъ, ib. стр. 88.

Вскорѣ послѣ экзамена въ Лицеѣ, на которомъ Пушкинъ такъ поразилъ Державина, послѣдній, разговаривая о немъ съ С. Аксаковымъ выразился слѣдующимъ образомъ: „мое время прошло, скоро явится свѣту другой Державинъ, — это Пушкинъ, который уже въ Лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей". Конечно, старый поэтъ немного преувеличилъ: Пушкинъ въ Лицеѣ оставался ниже Карамзина и Жуковскаго, какъ бы подготовлявшихъ пути для его побѣдоноснаго шествія, или, выражаясь точнѣе, подготовлявшихъ общество для пониманія великаго поэта. Карамзинъ—своими письмами „Русскаго путешественника", „Бѣдною Лизою" и „Исторіею Государства Россійскаго", Жуковскій — своими поэтическими переводами, до того мастерски исполненными, что они почти что переставали казаться настоящими переводами и скорѣе напоминали самостоятельное произведеніе русскаго генія.

Съ точки зрѣнія литературной, первая и вторая половина царствованія Александра могутъ быть разсматриваемы, какъ реакція противъ псевдоклассицизма. Стремленіе ея выражается въ немногихъ словахъ: проложить дорогу къ сердцу человѣка, до тѣхъ поръ скрытаго отъ читателя подъ всевозможными условными формами псевдоклассицизма. Романтизмъ какъ разъ и напалъ на послѣднія, онъ смелъ всѣ эти искусственныя украшенія и вообразилъ, что такимъ образомъ достигъ естественности, но, какъ всякая реакція, впалъ въ крайность и, едва

зародившись, обратился въ сентиментализмъ, пришедшійся по вкусу нашимъ предкамъ, не на шутку горевавшимъ надъ судьбою „Бѣдной Лизы“ и предпринимавшимъ путешествіе къ пруду, гдѣ погибла бѣдная дѣвушка. Однако, онъ быстро оправился, всталъ на ноги и проникъ даже въ чисто научную область, въ исторію. Исторія Государства Россійскаго Карамзина имѣла громадный успѣхъ, изданіе въ 30 тысячъ было раскуплено въ 25 дней [152]). Это доказываетъ, что въ это время уже жаждали науки, но только требовали, чтобы она являлась хорошо одѣтой, а, главное, это доказываетъ, что Россія и ея прошлое интересовали общество, не смотря на его иностранное воспитаніе. Другой представитель этого же направленія — Жуковскій всю жизнь оставался въ предѣлахъ чистаго романтизма и дань сентиментализму не отдалъ, вѣроятно, по свойствамъ своей природы, въ высшей степени гармоничной и не способной впадать въ крайности. Если что и немного сближало его съ сентиментализмомъ, то это любовь къ элегіи. Въ общемъ онъ какъ-бы былъ созданъ для того, чтобы проповѣдывать романтизмъ среди своего народа въ его поэтической формѣ; для него поэзія была все, она была Богъ въ святыхъ мечтахъ земли. „Съ Жуков-

[152]) Кн. С. Волконскій. Очерки русской исторіи и литературы. С.-Петерб. 1896 г., стр. 208. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина, т. I, стр. 80—81. П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Петерб. 1898 г., изд. 2, стр. 217.

скимъ поэзія въ Россіи получаетъ свое истинное мѣсто: она стоитъ независимо, выше практической жизни; границы ея расширены, элементы ея умножены. Это все еще не настоящая своя, русская поэзія—часъ еще не насталъ; земля уже родила своего поэта, но онъ еще молчалъ; за то тѣмъ временемъ все, что могло быть затронуто поэзіей привнесенной извнѣ, было введено въ ея область. Языкъ сложился и уже пѣлъ въ самыхъ нѣжныхъ стихахъ, люди услышали и уразумѣли смыслъ поэзіи, сердца уже бились вослѣдъ самыхъ высокихъ вожделѣній, идеалы манили и требовали воплощенія, пути были открыты, горизонты раздвинуты, казалось, небеса стояли отверсты; земля ждала... Теперь онъ могъ явиться, родной поэтъ; и онъ явился, тотъ, о комъ Бѣлинскій сказалъ, что его поэзія—земля, проникнутая небомъ“ [153]). Въ 1820 г. появилась поэма Пушкина „Русланъ и Людмила“, произведшая, какъ мы уже замѣтили выше [154]), настоящій скандалъ. Всѣ встрепенулись, всѣ зашевелились; рутина начала кричать караулъ, прогрессъ—неистово аплодировать.

Вотъ при какой обстановкѣ литература—зеркало общества, ярко отразила творческій процессъ, дотолѣ медленно и почти незамѣтно совершавшій свою трудную работу и ведшій непрестанную борьбу съ такъ еще недавно торжествовавшимъ свою побѣду

---

[153]) **Кн. С. Волконскій,** ib. стр, 213—214.
[154]) **Весинъ,** ib, стр. 74—79.

подражательнымъ процессомъ. Пушкина часто сравнивали съ Петромъ Великимъ, но, какъ намъ кажется не съ той точки зрѣнія, съ какой ихъ можно сравнивать. По нашему, сходство между этими двумя великими людьми русской земли заключается въ томъ, что оба они, каждый въ свое время, угадали историческій моментъ, переживаемый ихъ народомъ, и отвѣтили насущнымъ потребностямъ, жившей историческою жизнью, части русскаго общества. Петръ дѣйствовалъ не только въ духѣ подражательнаго процесса, но даже и ускорилъ его ходъ. Пушкинъ почуялъ зарожденіе творческаго процесса и вывелъ литературу на народный путь и неопровержимо доказалъ самобытность русскаго человѣка. Такимъ образомъ, если Петръ подчинилъ насъ, когда это нужно было, игу иностранцевъ, то Пушкинъ, опять-таки, когда это нужно было, избавилъ отъ него нашу литературу.

Теперь, познакомившись, хотя въ общихъ чертахъ съ жизнью общества и русскаго государства во вторую половину царствованія Александра I, постараемся въ немногихъ словахъ подвести итоги. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, замѣтимъ, что фономъ набросанной нами картины служило взяточничество и безсовѣстное казнокрадство [155]).

Утомленный Александръ, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, старался примѣнять прин-

[155]) Хотя бы для примѣра прочесть Н. Дубровинъ, ib. „Русск. стар.“ 1899 г. № 4 стр. 58—75.

ципы Священнаго Союза. Утомленіе отдало Россію во власть Аракчеева, стремленіе оставаться вѣрнымъ началамъ Священнаго Союза — народное просвѣщеніе въ руки мистическаго князя Голицына, можетъ быть, и преисполненнаго самыхъ чистыхъ намѣреній, но благодаря не въ мѣру ревностнымъ сотрудникамъ—Магницкому и Руничу,— остановившаго надолго развитіе двухъ юныхъ университетовъ, а также и просвѣщенія вообще. То-же желаніе держаться постановленій Священнаго Союза обратило и цензуру изъ снисходительной въ болѣе, чѣмъ строгую. Въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, среди дворянства, доведшаго подражательность до высшей степени, тѣмъ не менѣе, послѣ 12 года уже начало ясно обозначаться стремленіе къ самобытности. Это показываетъ, что въ это время творческій процессъ обозначился вполнѣ ясно. Молодежь, вышедшая, большею частью, изъ рядовъ гвардіи, возвратившаяся изъ за-границы въ восторгѣ отъ тамошнихъ порядковъ, пришла за то въ отчаяніе при видѣ отечественныхъ безпорядковъ. Думая, что ея восторги раздѣляетъ и государь, не разъ высказывавшій сочувствіе имъ, она скоро убѣдилась, что ошиблась и тогда, вмѣсто того, чтобы отступить, она рѣшила идти впередъ. Подвиги реакціонеровъ и недостатки общества убѣждали ее въ необходимости добиться преобразованій. Твердо убѣжденная, что хорошія учрежденія сами по себѣ могутъ замѣнить личности, она полагала, что поможетъ бѣдѣ, если ввe-

детъ новыя учрежденія въ своемъ отечествѣ. Члены обществъ, образованныхъ ею съ этой цѣлью, съ одной стороны, воодушевленные желаніемъ подражать, съ другой—быть самобытными, русскими, воплотили въ себѣ моментъ, когда процессъ подражательный стремился перейти въ творческій, что въ литературѣ обнаружилось болѣе ярко появленіемъ поэмы Пушкина „Русланъ и Людмила". Да, члены тайныхъ обществъ воплотили въ себѣ тотъ моментъ, когда подражательный процессъ не былъ еще на столько слабъ, чтобъ уступить мѣсто творческому, а творческій—недостаточно силенъ, чтобы взять верхъ надъ подражательнымъ, что и выразилось въ неопредѣленности идеала, который хотѣли осуществить заговорщики.

Смерть императора Александра и послѣдующія событія [156]) показались членамъ тайныхъ обществъ временемъ весьма удобнымъ для дѣйствій. Хотя всѣ эти событія застали ихъ въ достаточной мѣрѣ не подготовленными, но они рѣшились дѣйствовать, боясь упустить благопріятный моментъ [157]). 14-го декабря 1825 г. на Сенатской площади, произошли сцены, глубоко врѣзавшіяся въ память императора Николая. Долго не рѣшался онъ начать свое царствованіе пролитіемъ крови, но необходимость вы-

[156]) Объ этомъ см. кн. бар. Корфъ. „Восшествіе на престолъ Императора Николая I". С.-Петербургъ, 1857 г. стр. 1—118.

[157]) Бѣляевъ, ib. 1881 г. № 3 стр. 495 и др., а также А. Пыпинъ, ib. стр. 469—470.

нудила его, скрѣпя сердце, это сдѣлать [158]). Въ седьмомъ часу вечера бунтъ прекратился. Государь сѣлъ за письменный столъ и написалъ письмо своему брату Константину. „Дорогой Константинъ, ваша воля исполнена, я—Императоръ, но, о, Боже, какою цѣною, цѣною крови моихъ подданныхъ“! [159]).

Этотъ незабвенный день, какъ уже мы замѣтили выше, имѣлъ громадное вліяніе на все 30-ти лѣтнее царствованіе императора Николая и объясняетъ его, какъ нельзя, лучше. Съ этого момента онъ сдѣлался укротителемъ революцій (dompteur des révolutions) [160]), убѣжденный, что не надо терять изъ виду „друзей 14-го дек.“ [161]), и что, во чтобы то ни стало, слѣдуетъ предохранить Россію отъ возможности еще разъ видѣть ихъ на аренѣ дѣйствій. Рапортъ, или докладъ, поднесенный ему слѣдственною комиссіею по дѣлу декабристовъ, его собственные разговоры [162]) съ ними доказали ему до очевидности ясно, что мечты, внушенныя его покойнымъ братомъ, принесли плохіе плоды и

---

[158]) Бар. Корфъ, ib. стр. 118—186.

[159]) Н. Шильдеръ ib. т. IV стр. 426.

[160]) Lavisse et Rambaud. Histoire générale. Paris. 1898, v. X. p. 158—159.

[161]) Любимое выраженіе Николая Павловича, служившее обозначеніемъ всякихъ неблагонадежныхъ элементовъ. Встрѣчается въ готовящемся къ печати сочиненіи Н. К. Шильдера въ т. I гл. V и др. Любезно сообщено намъ авторомъ.

[162]) Интересенъ отвѣтъ П. Бестужева, хранящійся въ бумагахъ Н. А. Боровкова. Къ сожалѣнію, мы не можемъ, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, привести его здѣсь.

что необходимо дѣйствовать въ совершенно другомъ духѣ. Его энергичный характеръ [163]) подсказалъ ему этотъ другой способъ дѣйствія, который заключался въ томъ, что онъ ясно и опредѣленно ставилъ свои цѣли и требовалъ неукоснительнаго исполненія Высочайшей воли. Если предъидущее царствованіе управлялось чувствительностью, сердцемъ и мечтами, то наступившее за нимъ можетъ быть вполнѣ названо царствомъ воли. Въ высшей степени одаренный ею, императоръ Николай, самъ можетъ быть того не замѣчая, уничтожалъ ее въ своихъ подданныхъ, отчего заставлялъ страдать тѣхъ кто, тоже будучи человѣкомъ воли, принужденъ былъ суживать свою иниціативу. Военный порядокъ, дисциплина, правительственная опека, къ которой, правда, Россія была пріучена всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, но которую онъ довелъ до крайности, все это легло тяжкимъ бременемъ на тѣхъ, кто занимался литературой, наукой, кто любилъ вращаться въ области мысли, а также и на тѣхъ, кто, жаждуя дѣятельности, былъ принужденъ сдерживать, а иногда и заглушать, свои порывы [164]).

[163]) Стоитъ прочесть кн. бар. Корфа, чтобы убѣдиться въ этомъ. А. И. Левшинъ. Достопамятныя минуты въ моей жизни „Русск. стар.“ 1885 г., кн. 2 стр. 493. Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I и Польша „Русск. стар.“ 1900 г. № 8; стр. 263.

[164]) А. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. С.-Петерб. 1890, стр. 92—140. Вѣтринскій (Чешихинъ). Сороковые годы. Москва. 1899 г. 1—23, сюж. Т. И. Грановскій и его время. Москва, 1897 г. стр. 46—61: 256—270.

Основою своей внутренней политики императоръ Николай объявилъ самодержавіе, православіе и народность [165]), а внѣшней—Священный Союзъ [166]). началамъ котораго онъ остался вѣренъ всю свою жизнь. Въ сущности, заявленіе о томъ, что самодержавіе, православіе и народность есть опора, на которой держится все величіе Россіи, мало что измѣнило въ ходѣ государственной машины. Она продолжала работать такъ-же, какъ работала во вторую половину предшествовавшаго царствованія; ни ея механизмъ, ни общество значительно не измѣнились. Въ Россіи временъ Николая встрѣчались тѣ-же намъ знакомые, плохо приготовленные къ своей дѣятельности, чиновники [167]); одни уже, по рожденію предназначенные къ темной трудовой жизни, другіе, какъ-бы созданные для того, чтобы командовать и монополизировать высшія мѣста [168]), что, однако, не мѣшало тому или иному лицу, какого-бы происхожденія онъ ни былъ, достигать болѣе или менѣе высшихъ ступеней іерархической лѣстницы [169]); тѣ-же неожиданныя карьеры: молодость, проведенная въ гусар-

---

[165]) Н. Барсуковъ. ib. т. VI стр. 14—15.

[166]) С. Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая Павловича. С.-Петерб. 1887 г. стр. 14.

[167]) Знаніе дѣла должно было имъ замѣнить знаніе правилъ преподанныхъ въ письмѣ опытнаго чиновника сороковыхъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу. Русск. стар. 1899 г. № 12 стр. 543—546. А. Малышевъ. Изъ воспоминаній Ист. Вѣст. 1885 г. т. XX. стр. 660—662. Александръ Ивановичъ Красовскій. Русск. стар. 1874 г. № 1 стр. 107—140.

[168]) Сочин. Θ. М. Толстого 1871 г. т. I стр. 83—93.

[169]) А. Малышевъ. ib. стр. 660—661. Красовскій. ib. стр. 107.

скомъ полку, а зрѣлый возрастъ и старость оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода [170]); то-же общество, состоявшее изъ лицъ, которыя могли бы служить украшеніемъ какого угодно общества [171]). а также изъ слегка видоизмѣненныхъ лицъ безсмертной грибоѣдовской комедіи „Горе отъ ума," и изъ Онѣгиныхъ, Печориныхъ и ихъ разновидностей; въ провинціи изъ типовъ въ родѣ тѣхъ, какіе Гоголь вывелъ въ „Ревизорѣ," въ деревняхъ—изъ помѣщиковъ, посѣщенныхъ Чичиковымъ. Купцы комедій Островскаго продолжали составлять темное царство, совершенно особенную среду, какъ-бы стоявшую внѣ историческаго движенія. Крестьяне продолжали жить, смотря по обстоятельствамъ: то хорошо, если имѣли своими господами Бахтиныхъ [172]), а управителями Журавскихъ [173]), то наоборотъ—отвратительно, если они попадали въ руки какого-нибудь Измайлова [174]) или помѣщицы Свирской [175]). Въ общемъ говоря, въ нихъ едва допускали существованіе особой психологической физіономіи [176]). А правительство въ отно-

---

[170]) А. Пыпинъ. Хар. лит. лт. ib. стр. 103.

[171]) К. Д. Кавелинъ. Собр. соч. т. III. С.-Петерб. 1899 г. стр. 1115—1131.

[172]) Воспоминанія К. К. Жерве. Историч. Вѣстн. 1898 г. № 7 стр. 40—48 и въ особен. стр. 44.

[173]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Москва, 1877 г. т. I. стр. 207—223 и въ особен. 210—211; 223.

[174]) Русск. стар. 1872 г. № 12 стр. 649—664.

[175]) Русск. Архив. 1882 г. кн. 4, стр. 231—240. Эпизодъ изъ крѣпостного права.

[176]) Г. Джаншіевъ. Эпохи великихъ реформъ. Москва, 1878 г. изд. 7 стр. 201—202, примѣч. 2 на стр. 201.

шеніи крѣпостного права продолжало занимать тоже нерѣшительное положеніе: съ одной стороны—не прочь было ихъ освободить, съ другой—боялось это сдѣлать [177]). Нечего и говорить, что крестьяне, такъ же какъ и купцы, почти-что стояли внѣ историческаго движенія. Для обоихъ этихъ слоевъ русскаго общества, да и для большинства дворянства, перемѣна царствованія прошла болѣе или менѣе незамѣтно. 14 Декабря вызвало среди большей части дворянъ взрывъ негодованія противъ заговорщиковъ [178]); поговоривъ, посудивъ и порядивъ оно однако успокоилось и продолжало жить такъ, какъ [179]) жило раньше. Крестьяне тоже всполошились было, вознегодовали на дворянъ, но принуждены были затаить въ себѣ злобу [180]). Незамѣтно, прошло оно и для взяточниковъ всякаго рода [181]). Почувствовали его бюрократія и лучшіе, мыслящіе, русскіе люди. Но бюрократія стала на сторону правительства и дѣйствовала въ его духѣ, что-же касается лучшихъ русскихъ людей, то эти искренно и тяжко страдали отъ

---

[177]) Романовичъ-Словатинскій ib. стр. 384—394.

[178]) Записки гр. Д. Н. Толстого Русск. арх. 1885 г. кн. 2 стр. 23—24.

[179]) В. Инсарскій, 1874 г. № 2 стр. 301—322. Изъ быта нашихъ помѣщиковъ. (40—50 г.). Записки сельскаго священника. Русск. стар. 1880 г. № 1 стр. 46—78 ib. № 2. 456—494.

[180]) Гр. Д. Н. Толстой ib. стр. 23—24.

[181]) Напр., Историч. Вѣстн. 1885 г. т. XX стр. 117. (Н. Лѣсковъ. Кадетскій малолѣтокъ). ib. 128, 130. Истор. Вѣстн. 1885 г. т. XX стр. 663—664. (Изъ воспоминаній Малышева). Русск. стар. 1880 г. № 6 стр. 290—294. (Записки дворянина-помѣщика).

слишкомъ большого давленія желѣзной руки, державшей кормило правленія.

Изъ кого-же состояли лучшіе русскіе люди? Всѣ классы русскаго общества имѣли среди нихъ своихъ представителей. Крестьяне въ лицѣ Кольцова [182]), купцы—Полевого [183]) и Боткина [184]), разночинцы—Бѣлинскаго [185]), дворяне—Тургенева [186]), Аксаковыхъ [187]), Кирѣевскихъ [188]), Кавелина [189]) и др. Это разнообразіе состава доказываетъ, что прогрессъ разъ пробивъ себѣ дорогу, не могъ остановиться въ своемъ движеніи, что онъ превозмогъ всѣ препятствія, что эволюція, разъ начавшись, не могла остановиться на полъ-пути и что status quo, провозглашенный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „прошлое Россіи было достойно удивленія, ея настоящее болѣе, нежели великолѣпно, что-же касается будущаго ея, то оно выше всего, что можетъ вообразить себѣ са-

---

[182]) Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Москва, 1899 г. стр. 196—220.

[183]) М. Сухомлиновъ. ib. т. II стр. 365 – 431. Н. А. Полевой и его журналъ, „Московскій телеграфъ.“ Скабичевскій ib. стр. 231—244.

[184]) Ч. Вѣтринскій ib. стр. 129—196.

[185]) А. Пыпинъ, Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. С.-Петерб. 1876 г. 2 т. Вѣтринскій ib. стр. 24—62.

[186]) И. С. Тургеневъ. Полное собр. сочиненій 1898 г. изд. А. Маркса т. I стр. IX—XIII.

[187]) Объ Аксаковыхъ, смотр. критико-біографическій словарь С. А. Венгерова т. I стр. 149 – 344.

[188]) В. Ляскоскій, братья Кирѣевскіе ib.

[189]) Собр. сочиненій К. Д. Кавелина т. I 1897 г. стр. IX—XXX. Д. Корсаковъ.

мое смѣлое воображеніе“ [190]), не могъ ничего подѣлать въ этомъ отношеніи.

Что положительно составляло отчаяніе лучшихъ русскихъ людей, это—цензура, придирчивая, но все-же сносная до 48-го года, она послѣ него сдѣлалась невыносимой. Въ 1826 г. князь Ширинскій-Шихматовъ, вмѣстѣ съ адмираломъ Шишковымъ, сочинилъ новый цензурный уставъ, извѣстный подъ названіемъ „чугуннаго“. Основываясь на немъ, говорилъ цензоръ Глинка, можно было найти якобинскій смыслъ въ „Отче нашъ“. Къ счастью просуществовалъ онъ недолго, всего 2 года [191]). Написанные послѣ него уставы были менѣе строги, но все-таки достаточны для того, чтобъ позволять только хвалить существующій порядокъ вещей и не позволять и тѣни критическаго къ нему отношенія. Бѣдные цензоры, по нечаянности пропускавшіе какую нибудь фразу или какое-нибудь слово, впослѣдствіи признанное предосудительнымъ, въ наказаніе должны были сидѣть на гауптвахтѣ [192]), гдѣ, конечно, имѣли много свободнаго времени подумать о томъ, какъ впредь избѣжать подобной бѣды. Очень часто промахи цензоровъ происходили просто-на-просто отъ ихъ некомпетентности, въ свою очередь, зависѣвшей отъ того, что на эту должность нѣкоторые попадали не только случайно, но

---

[190]) Ч. Вѣтринскій, Т. Н. Грановскій и его время. Москва, 1897 г. стр. 48.
[191]) Скабичевскій ib. стр. 214—215.
[192]) Скабичевскій ib. стр. 248.

даже оригинально. Такъ, одинъ помѣщикъ взялъ мѣсто это для того, чтобы заставить будущаго своего начальника возвратить ему долгъ [193]). Кромѣ этой общей цензуры, послѣ 1848 г., была учреждена еще высшая цензура, извѣстная подъ названіемъ „Бутурлинскаго комитета.“ Достаточно сказать, что предсѣдателемъ ея состоялъ тотъ самый Бутурлинъ, который, однажды, потребовалъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста „Покрова Божей Матери,“ напр. такой: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ!“—Когда Бутурлину объяснили, что этимъ онъ осуждаетъ автора акаѳиста, своего патрона св. Дмитрія Ростовскаго, котораго никогда не считали революціонеромъ, Бутурлинъ замѣтилъ: „кто-бы ни сочинялъ, тутъ есть опасныя выраженія.“ Гр. Блудовъ возразилъ, что такія выраженія встрѣчаются и въ Евангеліи, на что Бутурлинъ, въ шуточномъ тонѣ, отвѣтилъ, что „если-бы Евангеліе не было такою извѣстною книгою, то цензурѣ, конечно, нужно было-бы исправить ее“ [194]). Такое по истинѣ поразительное усердіе и ослѣпленіе объясняются тѣмъ, что событія въ 1848 г., происшедшія въ Европѣ, до того поразили умы въ Петербургѣ, что всѣ потеряли голову. [195])

---

[193]) Записки и дневникъ (1826—1877). А. В. Никитенко. С.-Петерб. 1893 г. т. II стр. 3.

[194]) Г. Джаншіевъ. ib. стр. 325 прим. 1.

[195]) Г. Джаншіевъ. ib. стр. 360. Валуевъ. Русск. стар. 1891 г. IV стр. 173.

Не менѣе строга была и цензура университетская. Вотъ что про нее пишетъ акад. Пыпинъ. „Въ изложеніи многихъ предметовъ (напр. нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ, исторіи всеобщей и русской, исторіи литературы всеобщей и русской, политической экономіи, разныхъ юридическихъ и политическихъ наукъ, — словомъ, цѣлой массы предметовъ университетскаго преподаванія), преподаватели, излагая даже самыя элементарныя положенія европейской науки, рискуютъ подвергаться, со стороны людей и властей постороннихъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло, — нареканіямъ въ крайней свободѣ мнѣній, нарушеніи тѣхъ или другихъ общепринятыхъ понятій и т. п. Примѣры подобнаго рода бывали не разъ: лекція профессора похищалась, доносилась въ испорченномъ видѣ какому-нибудь постороннему начальству, отъ профессора требовали объясненій, для него, конечно, весьма непріятныхъ, потому что, въ сущности, профессоръ, чтобы доказать свое право говорить то или другое, долженъ былъ объяснять совершенно элементарныя вещи тѣмъ людямъ, которые требовали объясненій и на дѣлѣ были весьма мало способны судить о предметѣ. Все это можетъ ставить профессора въ положеніе весьма затруднительное: онъ лишается возможности ясно говорить о вещахъ, которыя хотя и принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ положеніямъ науки, но которыя незнакомы его постороннимъ судьямъ и кажутся имъ непозволительными.

Были случаи, что профессору всеобщей исторіи становилось невозможно почти излагать исторію паденія Рима и появленія христіанства (потому что онъ руководился не книгой, изданной для духовныхъ училищъ), профессору русской исторіи запрещали говорить о русскихъ ересяхъ пятнадцатаго столѣтія на томъ основаніи, что это будто-бы относится только къ церковной исторіи, и люди свѣтскіе не должны ея касаться, другому профессору русской исторіи дѣлали выговоръ за то, что въ своемъ курсѣ онъ говорилъ о старинныхъ вѣчахъ и соборахъ и этимъ намекалъ будто бы на необходимость конституціи (!), на одного профессора-юриста доносили, что онъ слишкомъ свободно говоритъ объ остзейскихъ учрежденіяхъ и т. п.“ [196]). Но не смотря на всѣ эти непріятности, которыя въ сравненіи съ продѣлками Магницкаго и Рунича были сущими пустяками, университеты временъ Николая сдѣлали все-таки шагъ впередъ. Просуществовавъ 10 лѣтъ въ переходномъ состояніи, въ 1835 г. они перемѣнили уставъ. Уставъ этотъ сравнительно съ германскимъ университетскимъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ то-же время, могъ считаться либеральнымъ [197]). По этому уставу было вновь возстановлено право выбора, право получать безъ предварительной цензуры книги изъ-за границы, но зато университеты

---

[196]) Джаншіевъ, ib. стр. 294—295.

[197]) В. Иконниковъ, ib. стр. „Вѣстн. Евр.“ 1876 г. № 11, стр. 90.

болѣе не вѣдали учебныхъ заведеній, находившихся въ ихъ округѣ, и юрисдикція ихъ была значительно сужена, студенты подвергнуты болѣе бдительному надзору. Имъ дали мундиръ [198]). Уставъ много говорилъ о необходимости нравственнаго и наружнаго воспитанія. Подъ послѣднимъ терминомъ подразумѣвалась необходимость заботиться о томъ, чтобы студенты чесались, одѣвались по формѣ и принимали участіе въ вечерахъ съ лучшимъ обществомъ [199]). Что-же касается попечителей, то ихъ пригласили имѣть свое пребываніе въ томъ-же городѣ, гдѣ находился и университетъ, за соблюденіемъ дисциплины въ которомъ они должны были слѣдить [200]). Наконецъ отдѣленія съ 1804 г. понемногу превратились въ факультеты. Въ 1835 г. таковыхъ было три: юридическій, философскій, первое отдѣленіе котораго носило названіе филологическаго, а второе—физико-математическаго и наконецъ медицинскій. Эта перемѣна повлекла за собою перемѣну въ распредѣленіи каѳедръ и учрежденіе двухъ новыхъ: русской исторіи и исторіи литературы славянскихъ нарѣчій [201]).

Выше мы замѣтили, что университеты временъ императора Николая двинулись впередъ, это замѣчаніе мы главнымъ образомъ относимъ къ учреж-

---

[198]) В. Иконниковъ, ib. стр. 90.
[199]) В. Иконниковъ, ib. стр. 90.
[200]) П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 330.
[201]) В. Иконниковъ, ib. стр. 91.

денію каѳедры русской исторіи и исторіи литературы славянскихъ нарѣчій, а также къ установившемуся въ это время обычаю посылать молодыхъ людей за-границу, съ тѣмъ, чтобы они могли тамъ поучиться у европейскихъ ученыхъ. Вотъ эти-то молодые люди, по возвращеніи своемъ въ Россію и познакомили студенческую молодежь съ традиціями настоящей науки, заронили въ умахъ своихъ молодыхъ слушателей сѣмя критики и зажгли въ ихъ сердцахъ искреннее желаніе работать и всѣми силами добиваться познанія истины. Тысяча восемьсотъ сорокъ восьмой годъ прекратилъ эти поѣздки, но уже слишкомъ поздно: дѣло было сдѣлано, кружокъ молодыхъ, научно-развитыхъ мыслителей былъ образованъ [202]). Если ко всему, что мы только что сказали, прибавить, что энциклопедизмъ, бывшій, въ виду недостатка хорошо подготовленныхъ спеціалистовъ, въ большомъ почетѣ въ предыдущее царствованіе, мало-по-малу уступилъ мѣсто спеціализаціи [203]), то этимъ мы и должны ограничить перечисленіе послѣдовавшихъ въ дни торжества status quo улучшеній университетской жизни. Намъ

---

[202]) В. Иконниковъ, ib. стр. 94. П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 331; А. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи т. II, стр. 9—10; „Русск. стар.“ 1881 г. № 2 стр. 372. Изъ воспоминаній бывшаго студента. Студенческія корпораціи въ петербургскомъ университ. (1830—1840 г.), К. Д. Кавелинъ, собр. соч. т. III ст. 1075. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, біогр. С. Ешевскаго. Сочиненія С. Ешевскаго по русск. исторіи. Москва, 1900 г. стр. XIII и XIV.

[203]) В. Иконниковъ, ib. стр. 92.

остается теперь поговорить о стѣсненіяхъ. Учрежденный въ 1833 г. Кіевскій университетъ, первый, уже въ 1842 г. подвергся попыткамъ этого рода. Ему данъ былъ уставъ, по которому министръ народнаго просвѣщенія получалъ право назначать ректоромъ, по своему усмотрѣнію, одного изъ двухъ выбранныхъ университетомъ кандидатовъ. Тотъ-же уставъ допускалъ назначеніе нѣкоторыхъ профессоровъ, опять-таки по волѣ министра народнаго просвѣщенія, и вводилъ институтъ приватъ-доцентовъ, имѣвшій цѣлью ограничить посылку молодыхъ людей заграницу [204]). 11-го октября 1849 г. было постановлено, какъ общее правило, что должность ректора не можетъ совмѣщаться съ исполненіемъ профессорскихъ обязанностей, что она перестаетъ быть избирательной и что министръ получаетъ право мѣнять деканов и назначать на эту должность лицъ, не избранныхъ факультетомъ. Въ 1852 г. ректоры и деканы получили инструкцію, которая должна была имъ объяснить то, что отъ нихъ ожидали. По этой инструкціи профессора обязывались представлять до начала курса подробныя программы, съ указаніемъ сочиненій, которыя должны были служить имъ источниками. Деканамъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы въ представленныхъ программахъ не заключалось ничего такого, чтобы было несогласно съ ученіемъ

---

[204]) П. **Милюковъ**, ib. т. II, стр. 334—335.

православной церкви и съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій, а также слѣдить за тѣмъ, чтобы чтенія соотвѣтствовали программѣ; о малѣйшемъ отступленіи, „хотя-бы и безвредномъ“, они обязаны были доводить до свѣдѣнія ректора. Лекціи профессоровъ подлежали повѣркѣ въ рукописи. Еще съ 1848 г. литографированныя записки, за профессорской подписью, должны были доставляться въ Публичную библіотеку; печатать же рѣчи и лекціи профессоровъ можно было (съ 1847 г.) только съ разрѣшенія попечителя. Нѣкоторые предметы подверглись особому гоненію. Такъ, государственное право европейскихъ державъ, „потрясенныхъ внутренними крамолами и бунтами въ самыхъ основаніяхъ своихъ“, было „по нетвердости началъ и неудовлетворительности выводовъ“ исключено вовсе изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія (1849 г.). То же случилось въ 1850 году и съ философіей, которая признана была,—„при современномъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными“—безполезной, за исключеніемъ логики и психологіи. Чтеніе этихъ послѣднихъ наукъ поручено было профессорамъ богословія, которые должны были „сроднить“ ихъ „съ истинами откровенія“ [205]). И не смотря на всѣ эти стѣсненія, число молодыхъ людей, желающихъ получить высшее образованіе, все увеличивалось и

---

[205]) П. Милюковъ, ib. стр. 335.

увеличивалось. Правительство это не одобряло 31-го декабря 1840 г. министръ Уваровъ выпустилъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: „при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній“ [206]). Далѣе въ предложеніи 1845 года мы встрѣчаемъ слѣдующее: „принимая во вниманіе“, говорится тамъ „что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства“, необходимо „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній“, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій“, повысить плату за ученіе“ [207]). Наконецъ въ 1849 г. количество своекоштныхъ студентовъ было ограничено въ каждомъ университетѣ цифрою 300 [208]).

---

[206]) П. Милюковъ, ib. стр. 332.
[207]) П. Милюковъ, ib. стр. 332.
[208]) П. Милюковъ, ib. стр. 333. В. Иконниковъ, ib. стр. 102.

давались почти всѣ предметы, какъ и въ гимназіи, но только въ меньшемъ объемѣ, на прохожденіе курса назначено было три года, вмѣсто прежнихъ двухъ, а число учителей увеличено съ двухъ до пяти; ихъ подчинили особой дирекціи училищъ. На гимназіи было обращено особенное вниманіе, за образецъ была принята уваровская гимназія, дѣйствовавшая въ Петербургскомъ округѣ съ 1811 г. [212]). Уваровъ считалъ, что гимназіи должны спеціально подготовлять воспитанниковъ къ университету [213]), а потому въ нихъ должны быть исключены всѣ предметы, преподающіеся въ университетѣ (философія, соціальныя науки [214]), но за то классическіе языки и въ особенности латинскій, безъ котораго тогда и нельзя было слѣдить за курсомъ, должны были занять первое мѣсто [215]). Курсъ уваровской гимназіи продолжался шесть лѣтъ. Теперь его увеличили на годъ. Но если уваровская гимназія послужила прототипомъ, то не совсѣмъ. Новый уставъ принялъ во вниманіе и требованія дворянства, жаловавшагося на то, что мучаютъ его дѣтей, заставляя ихъ изучать латинскіе и греческіе языки и совсѣмъ, не обучая ихъ полезнымъ предметамъ. Подъ названіемъ полезныхъ предметовъ дворянство понимало пріобрѣтеніе знаній, которыя могли

---

[212]) П. Милюковъ, ib. стр. 323, 326.
[213]) П. Милюковъ, ib. стр. 327.
[214]) П. Милюковъ, ib. стр. 327.
[215]) П. Милюковъ, ib. стр. 327.

бы пригодиться на службѣ военной, а также и гражданской [216]). Взглядъ дворянства на гимназію отличался отъ взгляда Уварова въ томъ, что дворянство смотрѣло на нее съ чисто практической точки зрѣнія, т. е. требовало, чтобы она служила подготовительною школою для жизни. Уставъ пошелъ на встрѣчу этимъ требованіямъ и допустилъ раздѣленіе гимназіи, начиная съ 4-го класса. на 2 отдѣленія: на классическое и на реальное. Греческій языкъ былъ введенъ въ число предметовъ въ классическомъ отдѣленіи только нѣкоторыхъ гимназій [217]) Мы уже говорили о проектѣ устройства благородныхъ пансіоновъ, онъ былъ осуществленъ въ 1849 г. 47 заведеній подобнаго рода были предоставлены въ распоряженіе дворянства. Ученики этихъ пансіоновъ получали въ нихъ свое воспитаніе, въ гимназіяхъ же ихъ только учили. Пансіоны тоже не удовлетворили дворянство. оно обратилось къ правительству съ просьбой разрѣшить ему открыть учрежденіе дворянскихъ институтовъ—пансіоновъ съ сокращеннымъ гимназическимъ курсомъ. Разрѣшеніе послѣдовало. Тогда дворянство пошло еще дальше и основало дворянскія школы съ 5-ти-классным курсомъ [218]). Однимъ словомъ, проектъ заставить дворянство поступать въ гимназіи не удался, такъ же какъ и другой, устранить отъ него

---

[216]) П. Милюковъ, ib. стр. 327.
[217]) П. Милюковъ, ib. стр. 328.
[218]) П. Милюковъ, ib. стр. 328—329.

вліяніе частныхъ пансіоновъ. Не смотря на запрещеніе, послѣдовавшее въ 1833 г., устраивать таковые въ столицѣ и на затрудненія, которыя дѣлали тѣмъ, кто задумывалъ открывать ихъ въ провинціи, число учениковъ, воспитывавшихся въ этихъ излюбленныхъ дворянствомъ заведеніяхъ, расло [219]). Достойно вниманія то обстоятельство, что среди этихъ иностранныхъ пансіоновъ стали появляться, стоявшіе вполнѣ на высотѣ своего призванія чисто русскіе, съ чисто русскимъ направленіемъ. Такимъ былъ пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, замѣчательнаго русскаго педагога [220]).

Событія, повліявшія неблагопріятно на судьбу университетскаго образованія, повліяли такъ же и на судьбу гимназій. Изъ нихъ былъ исключенъ, такъ сказать, „остатокъ роскошныхъ знаній“. Циркуляромъ 17-го ноября 1844 г., статистику присоединили къ географіи, при чемъ наистрожайше запретили входить въ разсужденіе, могущее имѣть касаніе къ наукамъ политическимъ. Циркуляромъ 9 января 1847 г. запретили преподавать логику; послѣ февральской революціи правительство разсуждало такъ: молодежь не имѣетъ никакого уваженія къ существующимъ законамъ, потому что она не знакома съ ними и потому что она восторгается республиканскими учрежденіями классическаго міра, ergo

---

[219]) П. Милюковъ, ib. стр. 329.

[220]) Записка педагога барона Николая Александровича Корфа, „Русск. Стар.“ 1884 г. № 3, стр. 566—573.

классицизмъ вреденъ, и занятія классическими языками надо замѣнить занятіями по законовѣдѣнію. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ предложилъ для этого раздѣлить гимназію съ 4-го класса на 2 отдѣленія на латинское и юридическое. Первое—для тѣхъ, кто думалъ поступить въ университетъ, второе—для желающихъ поступать прямо на службу. Въ 1849 г. греческій языкъ былъ замѣненъ естественными науками и удержанъ только въ 8-ми изъ существующихъ 74 гимназій. Естественныя науки были объявлены составляющими потребность современнаго образованія [221]).

Что касается частнаго образованія, то оно продолжало оставаться въ рукахъ гувернеровъ и гувернантокъ [222]), гораздо болѣе пансіоновъ, — сдѣлавшихся предметомъ нападокъ правительства, — воспитывавшихъ дворянскую молодежь въ антинаціональномъ духѣ. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что подражательный процессъ продолжалъ свое развитіе. Что же касается творческаго процесса, то онъ съ той минуты, какъ императоръ Николай объявилъ основаніемъ своей внутренней политики самодержавіе, православіе и народность, получилъ возможность расти и онъ какъ бы рѣзче обозначился. Съ этой точки зрѣнія правительство было прогрессивно. Императоръ Николай, инстинк-

---

[221]) П. Милюковъ, ib. стр. 333—334.

[222]) Ф. Витбергъ. Въ защиту Чацкаго, „Русск. Стар." 1900 г. № 1, стр. 169—170. Студенческія корпораціи, ib. стр. 368.

тивно, своею русскою душею [223]), понялъ значеніе историческаго момента и сталъ на сторону тѣхъ, которые хотѣли покончить съ подражаніемъ и работать такъ или иначе независимо отъ иностраннаго вліянія [224]). Но къ несчастью его друзья 14-го декабря, европейскія событія его времени, польское возстаніе [225]), боязнь, которую онъ испытывалъ вновь увидать попытку примѣненія къ Россіи вкривь и вкось европейскихъ теорій, сбили его съ толку: вмѣсто того, чтобы просто-на-просто поддержать своею могучею помощью движеніе умовъ, которое рано или поздно должно было побѣдить, онъ всѣми силами старался остановить въ своемъ развитіи еще очень сильный подражательный процессъ, что и привело ко всѣмъ крайностямъ правительственной опеки, къ поглощенію личности государствомъ, однимъ словомъ, ко всему тому, что заставляло многихъ съ такимъ трудомъ переносить царствованіе царя—рыцаря [226]), и придало ему видъ

---

[223]) См. интересныя наблюденія французскаго посланника барона де-Баранта „Историческій Вѣстн.“ 1900 г. № 9, стр. 1016, 1023.

[224]) Ib. стр. 1016.

[225]) Смотр. Н. Шильдеръ. Импер. Николай I и Польша, „Русск. Стар.“ 1900 г. № 8, стр. 263.

[226]) Н. Шильдеръ, ib. № 2, стр. 294—295; ib. № 8, стр. 263. Императоръ Николай Павловичъ „Русск. Стар.“ 1883 г. № 8, стр. 407—408. Иностранцы о Россіи „Историческій Вѣстн.“ 1900 г. № 9, стр. 1018. П. Д. Бѣловъ. Изъ прошлаго „Историческій Вѣстн.“ 1885 г. т. XX, стр. 486. Воспоминанія К. К. Жерве „Истор. Вѣстн.“ 1878 г. № 7, стр. 46—52. Воспоминанія С. М. Загоскина „Историч. Вѣстн.“ 1900 № 1. стр. 69—71.

похода противъ цивилизаціи Лица, искренно или по разсчету раздѣлявшія ошибочный взглядъ императора, получили названіе приверженцевъ оффиціальной народности; лица, развивавшія идеи, которыя, по уставу Союза Благоденствія, должны были распространять члены 2-го отдѣленія, а также и члены примкнувшаго къ Южному Обществу Славянскаго Союза, т. е. національныя и въ прямомъ смыслѣ славянофильскія, получили названіе славянофиловъ. Лица же, думавшія, что еще надо продолжать подражательную работу, что время стать на ноги не настало, т. е. раздѣлявшія мнѣнія подражательной части программы декабристовъ, получили названіе западниковъ, а такъ какъ образцомъ для нихъ служила Европа, носительница цивилизаціи, которую какъ будто преслѣдовалъ императоръ Николай, то западники, настаивая на необходимости подражать, въ то же время выступали защитниками яко-бы гонимой цивилизаціи.

Всѣ три группы понемногу образовали два большихъ кружка, выражавшихъ свои мнѣнія въ разныхъ журналахъ. Однако оба эти кружка не имѣли политической подкладки [227]) и нисколько не напоминали тайныя общества предшествующаго царствованія. Философскіе принципы, служившіе основаніемъ взглядовъ членовъ этихъ кружковъ, придали спорамъ ихъ между собой весьма отвлеченную

---

[227]) А. Пыпинъ. Характ. лит. мн. ib. стр. 250.

форму [228]). Исторія и литература немного сблизила отвлеченныхъ мыслителей съ жизнью. Вопросъ о подражаніи, слившійся съ національнымъ вопросомъ и раздѣлявшій ихъ въ сороковые годы на два лагеря, явился слѣдствіемъ философскихъ ихъ занятій [229]), подсказанныхъ имъ московскимъ университетомъ [230]). Шеллингъ привелъ ихъ къ Гегелю [231]), а Гегель помогъ имъ научно обосновать ихъ взгляды на національный вопросъ [232]), возбужденіе котораго отражало внутреннюю работу, совершавшуюся въ мыслящихъ слояхъ русскаго общества. Привлекъ этотъ вопросъ на себя вниманіе: исторіи [233]), литературы, [234]) правительства [235]), такъ-же какъ и частныхъ лицъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ поднимался впервые, имъ еще въ 18 столѣтіи интересовалась исторія [236]) и литература [237]), но никогда еще онъ не занималъ такого центральнаго положенія и не обсуждался съ такою горячностью [238]), и притомъ въ

---

[228]) А. Пыпинъ. ib. стр. 249—250.

[229]) А. Пыпинъ. ib. стр. 201—202, 250, 349.

[230]) А. Введенскій, ib. стр. 335—336. П. Анненковъ. Воспоминаніе и критическіе очерки, отд. III Н. В. Станкевичъ стр. 284—287.

[231]) А. Введенскій, ib. стр. 339.

[232]) А. Введенскій, ib. стр. 339—340.

[233]) А. Пыпинъ, Истор. русск. этногр. ib. т. II стр. 1—30, 190—219.

[234]) А. Пыпинъ, Характ. лит. мн. ib. стр. 124—140.

[235]) А. Пыпинъ, хар. литер. мн. ib. стр. 92—124. Иностранцы о Россіи. Истор. Вѣст. 1900 № 9 стр. 1016.

[236]) А. Пыпинъ, истор. русск. этногр. т. I стр. 1—27.

[237]) А. Пыпинъ, ib. стр. 22—24.

[238]) Ч. Вѣтринскій. Грановскій и его время стр. 158, 159, 187, 190, 199, 202, 205 и т. д. Русская мысль. 1891 г. Январь. Неизданныя письма В. Бѣлинскаго стр. 11.

такой формѣ, какъ въ сороковые годы. Эта горячность, ясно доказывавшая, что вопросъ о подражаніи представлялъ не только интересъ чисто умственный, но и жизненный, вмѣсто того, чтобъ помочь распутать его, только помогала еще больше запутывать. Никакой уставъ, никакія опредѣленныя отношенія не связывали членовъ этихъ кружковъ. Когда они были студентами, литературные и философскіе интересы побудили ихъ соединиться для общей работы; когда они вышли изъ стѣнъ университета тѣ-же интересы внушили имъ мысль продолжать начатую работу. Отъ литературы [239]) и отъ философіи [240]) они перешли къ національному вопросу, [241]) къ вопросамъ исторіи вообще, къ вопросу о значеніи естественныхъ наукъ [242]), къ соціальнымъ вопросамъ [243]), которые они разсматривали съ философской и отвлеченной точки зрѣнія; на ней однако нѣкоторые не удержались и перешли къ обсужденію практическаго примѣненія отвлеченныхъ истинъ [244]). Тѣмъ не менѣе національный вопросъ, какъ только мы сейчасъ замѣтили, занималъ во всѣхъ этихъ спорахъ центральное положеніе. Въ концѣ концовъ все сводилось къ нему, и онъ-же послужилъ причиною тому, что люди, боль-

---

[239]) А. Введенскій, ib. стр. 336.
[240]) А. Введенскій, ib. стр. 336.
[241]) Ч. Вѣтринскій, Гр. и его вр. ib. стр. 67—68.
[242]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 241—242, 248.
[243]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 242—244.
[244]) Герценъ и Бакунинъ.

шею частью дружившіе [245]) между собою, разошлись и раздѣлились на два большихъ кружка, изъ которыхъ одинъ стоялъ за подражаніе и полагалъ, что Россія нуждается въ образцѣ, даннымъ ему Петромъ Великимъ; другой-же, наоборотъ, полагалъ, что настало время обойтись безъ иностраннаго образца и что слѣдуетъ дѣйствовать самостоятельно. Какъ-же на два кружка? спросятъ насъ. А куда-же надо отнести сторонниковъ офиціальной народности? Вѣдь они тоже составляли отдѣльный кружокъ? Конечно, если принять во вниманіе, что ихъ отношеніе къ національному вопросу, болѣе грубое, болѣе первобытное и преслѣдовавшее, повидимому, заднюю мысль быть пріятнымъ правительству, несомнѣнно, отличалось отъ славянофильскаго, ихъ непремѣнно слѣдуетъ выдѣлить. Но за то славянофилы и сторонники офиціальной народности сходились въ томъ, что признавали необходимость покончить съ подражаніемъ; вотъ почему мы, лично, въ данномъ случаѣ, ихъ не раздѣляемъ и противопоставляемъ западникамъ.

Постараемся представить міросозерцаніе тѣхъ и другихъ. Благодаря реформѣ Петра Великаго, Россія, утверждали славянофилы, уклонилась отъ настоящаго своего пути [246]). Реформа нарушила

---

[245]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 212.

[246]) К. Аксаковъ, собр. сочиненій. Москва, 1861 г. т. I стр. 23, 41—43, 49, 50.

единство русскаго народа [247]); душа его съ тѣхъ поръ какъ-бы раздѣлилась на двѣ части; высшіе слои общества, изуродованные подражаніемъ, потеряли свою національную физіономію и кончили тѣмъ, что перестали понимать народныя массы, которыя въ свою очередь отвыкли понимать своихъ господъ [248]). Чтобъ поправить ошибку Петра Великаго, слѣдуетъ возвратиться къ традиціямъ и къ жизни до-реформенной Россіи, а для этого сблизиться съ народомъ, который сохранилъ вѣру и принципы жизни предковъ [249]). Оставшись внѣ подражательнаго движенія и внѣ вліянія западнаго образованія [250]), русскій народъ является главнымъ представителемъ восточнаго греко-славянскаго міра [251]). На его долю выпало счастье почерпнуть христіанскую истину въ наиболѣе чистомъ источникѣ. Отличительной чертой православія является полнота вѣры, она не заключаетъ въ себѣ элемента разсудочности, преобладающей въ католической религіи, а также логической абстракціи, составляющей сущность протестанства, объявившаго право каждаго выражать свое личное мнѣніе относительно тѣхъ или другихъ религіозныхъ вопросовъ. Это право нанесло ударъ вселенской церкви, что въ свою оче-

---

[247]) К. Аксаковъ, ib. стр. 43—44, 49.
[248]) К. Аксаковъ, ib. 21, 44.
[249]) К. Аксаковъ, ib. 23, 24.
[250]) И Кирѣевскій, полное собр. сочин. Москва, 1861 г. т. II стр. 260—261, 328.
[251]) И. Кирѣевскій, ib. стр. 228—325.

редь вызвало раздѣленіе протестанства на множество сектъ, построенныхъ на чисто субъективныхъ началахъ. Христіанство, понятое душею, сердцемъ сдѣлалось съ тѣхъ поръ привилегіею православія [252]). Разница между обоими мірами восточнымъ и западнымъ даетъ себя чувствовать и въ государственномъ устройствѣ. Тогда какъ въ Европѣ завоеваніе опредѣлило устройство гусударства и государственныя отношенія, въ Россіи государство въ лицѣ Варяговъ было призвано народомъ [253]). Это обстоятельство имѣло громадное вліяніе на развитіе государства: отсутствіе насилій феодализма, внутренней борьбы между разными классами общества объясняется имъ [254]). Земля въ Россіи не принадлежала феодальной аристократіи, но общинѣ [255]). Церковь не находилась въ борьбѣ съ свѣтскою властью и не стремилась завладѣть ея правами [256]). Однимъ словомъ, вся соціальная жизнь, все образованіе древней Руси носитъ на себѣ отпечатокъ восточнаго православія и мирнаго основанія государства, развивавшагося вполнѣ естественно [257]). Религіозное сознаніе служило основаніемъ всего, оно дало на-

---

[252]) И. Хомяковъ, собр. сочин. 1880 г. Москва, изд. 2 т. II ст. 1—258; И. Кирѣевскій, ib. стр. 260.

[253]) К. Аксаковъ, ib. стр. 2—3, 8, 55—56.

[254]) К. Аксаковъ, ib. стр. 8—9, 50—58.

[255]) К. Аксаковъ, ib. стр. 58—124 и въ особ. 123—124, 512—514.

[256]) И. Кирѣевскій, ib. стр. 262.

[257]) К. Аксаковъ, ib. стр. 9—10, 3. И. Кирѣевскій, ib. 240, 259—260.

правленіе всей жизни [258]). Однородная жизнь въ своихъ понятіяхъ была однородна и въ своихъ нравахъ и обычаяхъ [259]). До-реформенное государство представляло изъ себя ничто иное, какъ громадную общину, подчиненную власти царя, олицетворявшаго своею особой волю народа [260]). Народъ отъ времени до времени выражалъ свое мнѣніе при посредствѣ представителей на соборахъ или, какъ тогда говорили, всей Землей [261]). Предшественниками соборовъ были вѣчи [262]).

Перейдемъ теперь къ программѣ. Современное общество, вкусившее европейское образованіе, представляетъ въ данный моментъ весьма грустную картину; оно рабски подражаетъ обычаямъ иностранцевъ, усваиваетъ ихъ языкъ и привычки, не обращая вниманія на свой народъ. Такъ дѣло не можетъ продолжаться, общество должно научиться понимать свой народъ, его психологію, его интересы, его стремленія, оно должно соединиться съ народомъ, изучить его языкъ, его обычаи, его исторію и только тогда оно можетъ идти впередъ [263]).

Чтобъ дополнить характеристику этого кружка, желавшаго прекратить подражаніе, представимъ образецъ міросозерцанія сторонниковъ оффиціаль-

---

[258]) К. Аксаковъ, ib. стр. 18, 19, 20, 22.
[259]) К. Аксаковъ, ib. стр. 14.
[260]) К. Аксаковъ, ib. стр. 13, 47, 48, 150, 210—211.
[261]) К. Аксаковъ, ib. стр. 13.
[262]) К. Аксаковъ, ib. стр. 47, 209, 210.
[263]) К. Аксаковъ, ib. стр. 23—24.

ной народности. По мнѣнію Шевырева [264]), реформація въ Европѣ и французская революція были болѣзнями, окончательно подорвавшими и отравившими всѣ жизненныя силы Запада, которому противостоитъ со своими самобытными вѣчными началами Россія. „Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились,—разсуждаетъ Шевыревъ.—Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое и въ той и другой странѣ (въ Германіи и во Франціи), признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ! Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности... угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ явствахъ таится сокъ,

---

[264]) О Шевыревѣ. „Русск. стар.“ 1882 г. № 5, стр. 71—76.

котораго не вынесетъ свѣжая природа наша... Мы не предвидимъ, что просвѣщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной"... Три коренныхъ чувства, свойственныхъ истиннымъ русскимъ, выставлялись Шевыревымъ, какъ „сѣмя и залогъ нашему будущему развитію": чувство преданности православію, чувство ея государственнаго единства, опредѣляемое гармоніей ея политическаго бытія, „сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ Западъ", и наконецъ сознаніе нашей народности. „Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее,—заключаетъ Шевыревъ:—Мужъ Царскаго Совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся (т. е. министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ), давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслью (т. е. въ извѣстной формулѣ: „православіе, самодержавіе и народность"), и они положены въ основу воспитанія народа" [265]).

Надо двигаться впередъ, думали западники, и двигаться по дорогѣ, указанной Петромъ, т. е. по подражательной. Европа насъ обогнала, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, ея цивилизація достигла въ области науки, литературы, искусства и тех-

---

[265]) Ч. Вѣтринскій, „Граповск. и его вр." ib. стр. 48—49.

ники высокой степени совершенства, слѣдовательно, и намъ, надо съ ней сравняться въ этомъ отношеніи и прежде всего надо постараться уничтожить крѣпостное право, главную причину всѣхъ нашихъ несовершенствъ. У насъ законы государства поглотили личность, не имѣющую поэтому возможности свободно развиваться; личность, возстановленная въ своихъ правахъ будетъ быстро прогрессировать. Однако, не одно уничтоженіе крѣпостного права является условіемъ ея возстановленія, для этого надо еще преобразовать законодательство, администрацію и судебную часть, но произвести эти реформы можно только послѣ освобожденія крестьянъ. Такого рода мысли и сходныя съ ними западники развивали на страницахъ современныхъ имъ журналахъ, но, конечно, не такъ откровенно [266]).

Познакомившись съ идеями обоихъ кружковъ, думается намъ, можно согласиться съ тѣмъ, что яблокомъ раздора являлся вопросъ о подражаніи, слившійся съ національнымъ. Что надо сдѣлать, чтобъ отвѣтить національнымъ потребностямъ: продолжать подражаніе Европѣ и идти по указанному Петромъ Великимъ пути, или-же покинуть его и покончить окончательно съ подражаніемъ? Вотъ вопросъ, который старались разрѣшить.

---

[266]) А. Пыпинъ, „Хар. лит. мнѣн.“ 424—470.

Что-жъ касается собственно литературы, то она продолжала развиваться въ направленіи, указанномъ Пушкинымъ [267]). Она все болѣе и болѣе отдѣлывалась отъ подражанія, все болѣе и болѣе дѣлалась національной и принимала физіономію своего народа. Пушкинъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ 1837 г., но ему все-таки удалось присутствовать при торжествѣ Лермонтова и при первыхъ шагахъ Гоголя: великій писатель на его глазахъ создалъ натурализмъ, проникнутый юморомъ. Гоголь обратилъ вниманіе читателя на народъ, на разночинцевъ, на чиновниковъ, на администрацію, на мелкихъ помѣщиковъ и на несчастныхъ [268]). Послѣ значительной борьбы романтизмъ уступилъ мѣсто натурализму. Въ теченіи 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ значительно развился и пріучилъ читателя къ національному и народному. Бѣлинскій, предполагавшій въ 1846 г. издавать „Альманахъ“, писалъ Герцену: „чтобъ мой Альманахъ устоялъ послѣ Петербургскаго Сборника, необходимо во что бы ни стало сдѣлать его гораздо толще, не менѣе 50 листовъ (можно и больше), а потомъ больше повѣстей изъ русской жизни, до которыхъ наша публика страшно падка! А потому я повѣсти Некрасова, будь она не больше, какъ порядочна—буду радъ до нельзя“ [269]). Нако-

[267]) А. Пыпинъ, „Истор. русск. этногр.“ ib. т. I, стр. 390—410.

[268]) А. Пыпинъ, ib. стр. 421—424.

[269]) „Русск. Мысль“ Моск. 1891 г. № 1. Неизд. пер. Бѣл. стр. 11—12.

нецъ, настала очередь и самого народа, о которомъ въ 20-хъ годахъ почти не говорили и считали совершенно нестоющей вниманія величиной [270]). Въ 40-хъ годахъ на литературномъ поприщѣ выступилъ Григоровичъ со своимъ „Антономъ Горемыкой“ [271]). Черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ свое появленіе Достоевскій со своими „Бѣдными людьми“ [272]) и Тургеневъ съ первыми разсказами „Записокъ Охотника“, полными симпатіи къ простому народу [273]). Послѣдующіе разсказы не заставили себя долго ждать. Они такъ-же, какъ и первые, были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ какъ критикой, такъ и обществомъ. Такимъ образомъ народный бытъ сдѣлался близокъ сердцу читателя. Литература, вѣрная себѣ, опять отразила внутреннюю работу общества: она показала, что творческій процессъ, воплотившійся въ славянофилахъ развился еще больше, чѣмъ въ предыдущее царствованіе и окрѣпъ настолько, что могъ вступить въ серьезную борьбу съ разумнымъ подражательнымъ, воплотившимся въ западникахъ.

Теперь, резюмируемъ все нами сказанное о царствованіи императора Николая. Логичное слѣдствіе предыдущаго, напоминая стремленіе второй его половины, оно въ то же время значительно отъ него

---

[270]) Веспнъ, ib. стр. 182, 191.
[271]) Полное собр. сочинен. 1896 г. изд. Маркса, т. XII, стр. 271, 281.
[272]) Полн. собр. сочин. 1886 г. т. I стр. 12—13.
[273]) Полн. собр. соч. ib. т. I, стр. XXI.

отличается. Мечты, чувство и сердце, направлявшія дѣятельность Благословеннаго, замѣнила ясная и опредѣленная воля императора-рыцаря, сдѣлавшаяся закономъ для его подданныхъ. „Друзья 14-го декабря“ указали на что слѣдуетъ главнымъ образомъ обратить вниманіе, а именно—на воспитаніе и образованіе оффиціальное и частное и на способы, которыми можно было бы оградить общество отъ возможности появленія среди него „друзей императора“. Слишкомъ пристальное вниманіе къ вопросамъ образованія и воспитанія вызвало всевозможныя ограниченія и стѣсненія, а стремленіе оградить общество отъ возможности появленія декабристовъ—породило тягостную государственную опеку. Цензура съиграла видную роль, какъ въ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ, такъ и при осуществленіи государственной опеки. 1848 г. увеличилъ опасенія императора вновь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ „друзьями 14 декабря“, а слѣдовательно и стѣснительныя мѣры. Подражаніе Европѣ, которымъ объяснялась дѣятельность декабристовъ, преслѣдовалось. Другими словами, была сдѣлана попытка остановить подражательный процессъ, еще не дошедшій до предѣльнаго своего развитія, что конечно успѣха не имѣло, но дало поводъ думать, что преслѣдуется цивилизація вообще. Съ другой стороны, все, что служило показателемъ творческаго процесса поощрялось, но и тутъ не обошлось безъ недоразумѣній; поклонники соборовъ нечаянно бы-

Глава II.

Ближайшая среда.

Тимофей Николаевичъ Грановскій родился въ Орлѣ[276]). Родители его обладали достаточнымъ состояніемъ, которое могло, имъ и ихъ дѣтямъ, обезпечить безбѣдное существованіе[277]). До 9-ти лѣтъ, мальчикъ росъ подъ вліяніемъ баловства своего дѣда[278]). Дѣдъ этотъ былъ человѣкъ ума практическаго, характера энергичнаго, весьма дѣятельный по природѣ[279]), но довольно плохо образованный. Началъ онъ свою трудовую жизнь съ 15 коп. въ карманѣ, а кончилъ онъ состоятельнымъ человѣкомъ[280]). Тонъ въ домѣ задавалъ онъ, а такъ какъ дѣдушка чрезвычайно любилъ своего маленькаго внука, то, въ концѣ концовъ, домомъ командовалъ послѣдній. Часто случается, что энергія отца отсутствуетъ у сына, что объясняется тѣмъ, что энергичный человѣкъ бываетъ всегда болѣе или менѣе деспотиченъ, и, въ особенности, въ своей семьѣ. Въ сущности энергія есть ничто иное, какъ внѣшнее проявленіе воли. Послѣдняя въ свою

---

[276]) Т. Н. Грановскій и его переписки т. I Біографія. А. Станкевичъ, Москва 1897 г. стр. 3.
[277]) А. Станкевичъ, ib. стр. 3.
[278]) А. Станкевичъ, ib. стр. 4, 5, 6, 7,
[279]) А. Станкевичъ, ib. стр. 3—4.
[280]) А. Станкевичъ, ib. стр. 4—5.

очередь можетъ быть опредѣлена, какъ стремленіе осуществить извѣстнаго рода идею, выбранную среди тысячи другихъ. Продолжается это стремленіе до тѣхъ поръ, пока эта идея не дѣлается дѣйствительностью. Слѣдовательно, энергичный человѣкъ, это человѣкъ воли; иначе говоря, человѣкъ, стремящійся осуществить какую-нибудь идею. Онъ устраняетъ со своей дороги все, что мѣшаетъ ея осуществленію, и до того привыкаетъ къ подобному способу дѣйствія, что не допускаетъ возможности имѣть идею и не осуществить ее. Все, что мѣшаетъ объединенію этихъ двухъ психологическихъ процессовъ, раздражаетъ его и онъ спѣшитъ избавиться отъ неожиданной помѣхи, что и способствуетъ развитію въ немъ деспотичности и, въ особенности, въ семьѣ, гдѣ встрѣчаемое имъ сопротивленіе большею частью бываетъ весьма не велико. Женится такой человѣкъ обыкновенно на женщинѣ, обладающей менѣе сильнымъ характеромъ, которую онъ привлекаетъ къ себѣ своей энергіей, отсутствующей у нея, но весьма ею цѣнимой, такъ какъ она по опыту знаетъ ея практическое значеніе, вслѣдствіе чего и стремится сближеніемъ съ человѣкомъ воли восполнить ея недостатокъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ семья является готовою ареною, для проявленія его деспотизма. Воля дѣтей въ такихъ случаяхъ, если окончательно и не уничтожается, то ослабляется. Если ребенокъ одаренъ отъ природы слабою волею, отецъ подчиняетъ его своей

и окончательно ее уничтожаетъ; если, наоборотъ, ребенокъ съ характеромъ, то онъ или уступаетъ послѣ борьбы или, что встрѣчается сравнительно рѣдко, воля его въ этой борьбѣ растетъ и закаляется, такъ какъ онъ пользуется препятствіями, какъ способами упражнять её. Отецъ Грановскаго представляетъ яркій примѣръ поглощенія одной воли другою: даже будучи женатъ, онъ продолжалъ жить въ экономической и моральной зависимости отъ своего отца [281]). Поглощеніе постепенно породило слабость воли, а слабость воли перешла въ болѣзнь воли [282]). Когда всматриваешься внимательно въ совокупность всѣхъ фактовъ жизни Грановскаго-отца, невольно начинаешь думать, что присутствуешь при опытѣ природы, имѣющемъ цѣлью доказать, что воля важный факторъ соціальной жизни и, что невоспитанная и бездѣятельная съ раннихъ лѣтъ, она понемногу совсѣмъ исчезаетъ и наконецъ подвергается болѣзни, дѣлающей человѣка неспособнымъ жить среди себѣ подобныхъ и, наоборотъ, способнымъ значительно имъ повредить, и что единственный способъ помочь этому горю—лечить его, какъ всякаго больного. Образчикъ болѣзни воли представленъ и разобранъ подробно въ большомъ романѣ извѣстнаго нашего писателя Гончарова. Мы говоримъ объ его „Обломовѣ," являющемся литературнымъ типомъ людей, больныхъ волею. А

[281]) А. Станкевичъ, ib. стр. 4.
[282]) Ribot Maladies de la volonté. Paris 1896.

между тѣмъ, Грановскій-отецъ не былъ лишенъ ни ума, ни сердца; и кто знаетъ, воспитанный иначе, онъ не составилъ бы несчастья всѣхъ тѣхъ, кто былъ дорогъ ему и кого онъ призванъ былъ осчастливить [283]). Его жена [284]), его обѣ бѣдныя дочери [285]), настоящія мученицы безволія отца, сошли преждевременно въ могилу, унося съ собою грустныя воспоминанія о печально проведенной жизни. А между тѣмъ и онѣ, казалось, были созданы быть счастливыми и сдѣлать другихъ счастливыми. Наконецъ сынъ его Платонъ [286]), такъ-же какъ, Тим. Ник. [287]) тоже не мало пострадалъ отъ этого человѣка, добраго сердцемъ и не глупаго умомъ. Понемногу, Грановскій-отецъ опускался все ниже и ниже. Сначала онъ допустилъ распоряжаться своею особой въ вопросѣ женитьбы. Вскорѣ послѣ смерти его супруги, посторонніе ему люди рѣшили женить его вторично на личности, выбранной однимъ изъ его друзей. Интрига не удалась, но совершенно случайно [288]). Затѣмъ онъ покорно переносилъ предварительное чтеніе своихъ писемъ отъ сына, передававшихся ему распечатанными [289]). Опускаясь все болѣе и болѣе, онъ сталъ находить труднымъ выходить изъ

[283]) А. Станкевичъ, ib. стр. 3.
[284]) А. Станкевичъ, ib. стр. 210.
[285]) А. Станкевичъ, ib. стр. 27, 161—163; 165, 199, 200. Т. Н. Грановскій и его переписки т. II стр. 266.
[286]) А. Станкевичъ, ib. 24, 200.
[287]) А. Станкевичъ, ib. стр. 17, 19, 21, 25, 57 и мн. др.
[288]) А. Станкевичъ, ib. стр. 24—25.
[289]) Грановскій и его перен. т. II стр. 357.

комнаты и писать что бы то ни было [290]). Шесть недѣль онъ не могъ рѣшиться взяться за перо, чтобъ написать своему сыну, просившему у него разрѣшеніе жениться, согласенъ онъ на это или нѣтъ [291]); и когда Грановскій-сынъ пріѣхалъ къ нему въ деревню и просилъ его черкнуть нѣсколько словъ родителямъ его невѣсты, онъ постоянно отвѣчалъ одно и тоже: подожди немного, будетъ еще время, ты видишь, что я занятъ, и, говоря это, онъ продолжалъ ходить по комнатѣ, ничего не дѣлая, или преспокойно сидѣлъ въ креслѣ [292]). Совершенно равнодушный къ дѣламъ своего сына, сидѣвшаго всегда по этому безъ денегъ, даже и за границей, заставляя его постоянно дрожать за свою судьбу и писать отчаянныя письма сестрѣ [293]), онъ, въ то же время не позволялъ дотрагиваться до кошки, которую тотъ ласкалъ въ дни своего пребыванія въ деревнѣ [294]). Послѣ всего сказаннаго, не надо обладать слишкомъ пылкою фантазіей, чтобъ представить себѣ, какъ шли дѣла у этого психически больного на свободѣ. Они шли такъ, какъ то было Богу угодно; онъ въ нихъ не вмѣшивался [295]). Таковъ былъ отецъ Грановскаго, умершій въ 1847 году [396]). 8

---

[290]) Гран. и его пер. ib. т. II стр. 220.
[291]) Гран. и его пер. т. II. стр. 120.
[292]) Гран. и его пер. т. II стр. 239.
[293]) Гран. и его пер. т. II стр. 71.
[294]) Гран. и его пер. т. II стр. 226.
[295]) Гран. и его пер. т. II стр. 220.
[296]) А. Станкевичъ, ib. т. I стр. 211.

годами раньше своего сына, которому онъ, не желая того, портилъ, сколько могъ, жизнь и которому по теоріи Шопенгауера, [297]) онъ долженъ былъ передать свой характеръ. Это къ счастью, какъ мы увидимъ, на самомъ дѣлѣ, не случилось.

Что касается его матери, благоговѣйное воспоминаніе о которой никогда не изглаживалось изъ памяти благодарнаго сына, то о ней, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобъ точно воспроизвести ея образъ. По словамъ тѣхъ, кто ее зналъ, она была одарена природнымъ умомъ [298]), но не получила достаточнаго образованія [299]). Она любила общество, развлеченіе, любила принимать, выѣзжать, но въ то же время никогда не забывала о своихъ дѣтяхъ и сама слѣдила за ихъ воспитаніемъ [300]). Сердцемъ она обладала нѣжнымъ, а характеръ ея отличался общительностью и экспансивностью [301]). 17 первыхъ лѣтъ жизни Тим. Ник. прошли подъ рѣшительнымъ вліяніемъ этой, повидимому замѣчательной личности [302]), которая если могла покинуть этотъ міръ съ грустнымъ сознаніемъ испорченной жизни, то во всякомъ случаѣ небезполезной, живымъ доказательствомъ чего цо-

---

[297]) Ribot. L'hérédité psychologique 5 ed. Paris 1894 p. 180.
[298]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 3.
[299]) А. Станкевичъ, т. I, стр. 7.
[300]) А. Станкевичъ, т. I, стр. 7.
[301]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 3.
[302]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 3; Гран. и его пер. т. II, стр. 144, 146, 170.

комнаты и писать что бы то ни было [290]). Шесть недѣль онъ не могъ рѣшиться взяться за перо, чтобъ написать своему сыну, просившему у него разрѣшеніе жениться, согласенъ онъ на это или нѣтъ [291]); и когда Грановскій-сынъ пріѣхалъ къ нему въ деревню и просилъ его черкнуть нѣсколько словъ родителямъ его невѣсты, онъ постоянно отвѣчалъ одно и тоже: подожди немного, будетъ еще время, ты видишь, что я занятъ, и, говоря это, онъ продолжалъ ходить по комнатѣ, ничего не дѣлая, или преспокойно сидѣлъ въ креслѣ [292]). Совершенно равнодушный къ дѣламъ своего сына, сидѣвшаго всегда по этому безъ денегъ, даже и за границей, заставляя его постоянно дрожать за свою судьбу и писать отчаянныя письма сестрѣ [293]), онъ, въ то же время не позволялъ дотрагиваться до кошки, которую тотъ ласкалъ въ дни своего пребыванія въ деревнѣ [294]). Послѣ всего сказаннаго, не надо обладать слишкомъ пылкою фантазіей, чтобъ представить себѣ, какъ шли дѣла у этого психически больного на свободѣ. Они шли такъ, какъ то было Богу угодно; онъ въ нихъ не вмѣшивался [295]). Таковъ былъ отецъ Грановскаго, умершій въ 1847 году [296]). 8

---

[290]) Гран. и его пер. іb. т. II стр. 220.
[291]) Гран. и его пер. т. II. стр. 120.
[292]) Гран. и его пер. т. II стр. 239.
[293]) Гран. и его пер. т. II стр. 71.
[294]) Гран. и его пер. т. II стр. 226.
[295]) Гран. и его пер. т. II стр. 220.
[296]) А. Станкевичъ, іb. т. I стр. 211.

ки графа Каменскаго и Пушкарева, откуда услужливые лакеи, за извѣстную плату, доставляли ему книги своихъ господъ [309]). Рыцарство и его нравы произвели сильное впечатлѣніе на мальчика [310]). 13-ти лѣтъ его свезли въ Москву, въ пансіонъ Кистера, принадлежавшій къ разряду тѣхъ, которые такъ любило дворянство и преслѣдовало правительство [311]), но еще ранѣе того, онъ болѣе или менѣе систематично учился вмѣстѣ съ дѣтьми нѣкоего Храповицкаго [312]).

Если бы Грановскій, до своего поступленія въ пансіонъ Кистера спросилъ бы себя, какое онъ воспоминаніе вынесъ о родительскомъ домѣ, то ему пришлось бы отвѣтить: воспоминаніе о привольномъ житьѣ, о ласкахъ матери, о слабости характера отца, о любви къ нему его старшей сестры [313]). Знанія его въ ту пору сводились къ умѣнію говорить бѣгло по-французски [314]), болѣе или менѣе порядочно по-англійски [315]) и къ обладанію небольшимъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ и изъ уроковъ [316]). Пансіонъ Кистера мало

---

[309]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
[310]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
[311]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9. „Воспоминанія Селиванова.“ „Русск. Стар.“ 1877 г., № 10, стр. 204—210. Ч. Вѣтринскій, Грановск. и его вр. стр. 2—4.
[312]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
[313]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
[314]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
[315]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
[316]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7—8.

служилъ ея сынъ Тимоѳей. По теоріи Шопенгауера она должна была передать ему свой умъ [303]), что, какъ разъ, и сдѣлала.

Мы уже говорили объ энергичномъ дѣдѣ, такъ всецѣло поглотившемъ волю своего сына, намъ остается сказать, что совершенно иначе повліялъ онъ на волю своего внука, которую, конечно, безсознательно, онъ, давая ей свободно развиваться, развилъ. 9 лѣтъ подъ рядъ Грановскій жилъ, близко соприкасаясь [304]) съ этимъ страннымъ старикомъ, странно сошедшимъ съ ума. Грановскій-дѣдъ написалъ проектъ реформы судебныхъ учрежденій, весьма интересный и разумный въ однѣхъ частяхъ и совершенно безумный въ другихъ [305]).

Въ общемъ среда, въ которой протекли первые годы жизни Грановскаго, состояла изъ полуобразованныхъ помѣщиковъ, ставившихъ матеріальные интересы выше нравственныхъ [306]). Онъ былъ воспитанъ иностранцами, наслѣдіемъ двѣнадцатаго года [307]) безъ всякой системы и безъ какого-либо намека на патріотизмъ. Онъ много читалъ, но тоже безъ системы [308]); проглатывалъ съ жадностью книги, попадавшіяся ему подъ руки. Ихъ онъ добывалъ изъ библіотеки своего отца, а также изъ библіоте-

---

[303]) Ribot ib. стр. 180.
[304]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 4—7.
[305]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 5.
[306]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.
[307]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
[308]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.

ки графа Каменскаго и Пушкарева, откуда услужливые лакеи, за извѣстную плату, доставляли ему книги своихъ господъ [309]). Рыцарство и его нравы произвели сильное впечатлѣніе на мальчика [310]). 13-ти лѣтъ его свезли въ Москву, въ пансіонъ Кистера, принадлежавшій къ разряду тѣхъ, которые такъ любило дворянство и преслѣдовало правительство [311]), но еще ранѣе того, онъ болѣе или менѣе систематично учился вмѣстѣ съ дѣтьми нѣкоего Храповицкаго [312]).

Если бы Грановскій, до своего поступленія въ пансіонъ Кистера спросилъ бы себя, какое онъ воспоминаніе вынесъ о родительскомъ домѣ, то ему пришлось бы отвѣтить: воспоминаніе о привольномъ житьѣ, о ласкахъ матери, о слабости характера отца, о любви къ нему его старшей сестры [313]). Знанія его въ ту пору сводились къ умѣнію говорить бѣгло по-французски [314]), болѣе или менѣе порядочно по-англійски [315]) и къ обладанію небольшимъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ и изъ уроковъ [316]). Пансіонъ Кистера мало

---

309) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
310) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
311) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9. „Воспоминанія Селиванова.“ „Русск. Стар.“ 1877 г., № 10, стр. 204—210. Ч. Вѣтринскій, Грановск. и его вр. стр. 2—4.
312) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
313) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
314) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
315) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
316) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7—8.

что прибавилъ къ этому запасу. Его Грановскій покинулъ даже безъ знанія нѣмецкаго языка, несмотря на то, что Кистеръ былъ нѣмецъ по происхожденію [317]). Географія и исторія въ этомъ учебномъ заведеніи преподавались очень плохо [318]); и одной только русской литературѣ учили, какъ слѣдуетъ, и то только потому, что учитель Калейдовичъ любилъ страстно свой предметъ и если не обладалъ глубокими познаніями, то во всякомъ случаѣ искусствомъ передавать эту любовь своимъ ученикамъ; подъ его вліяніемъ Грановскій сталъ писать стихи, имѣвшіе извѣстный успѣхъ среди его товарищей [319]). Пробывъ два года у Кистера, Грановскій, отправившись въ отпускъ, больше въ пансіонъ не возвратился [320]). Изъ него онъ вынесъ любовь къ русской литературѣ. Но почему же Грановскому не удалось его кончить? Читатель навѣрное подумаетъ отъ того, что родители его не были довольны ходомъ ученія, но на самомъ дѣлѣ произошло это совсѣмъ по другимъ причинамъ: его просто-на-просто оставили въ деревнѣ потому, что отецъ юноши забывалъ отправлять его въ Москву [321]). Три года молодой человѣкъ провелъ въ ничего недѣланіи, то бродя по лѣсамъ и полямъ съ ружьемъ,

---

[317]) А. Станкевичъ, ib. стр. 9.
[318]) Селивановъ, ib. стр. 209—211. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 2—3.
[319]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 3—4.
[320]) А. Станкевичъ, ib. стр. 9.
[321]) А. Станкевичъ, ib. стр. 9.

то посѣщая сосѣдей и знакомыхъ въ Орлѣ и бесѣдуя съ ними о всякихъ пустякахъ, то танцуя на балахъ [322]). Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, потерянныхъ для ученья, онъ встрѣтилъ трехъ лицъ, оказавшихъ каждое въ своемъ родѣ вліяніе на его развитіе. Это были: м-сье Жоніо, Колышкевичъ и m-lle Герито. Жоніо, человѣкъ очень поверхностный, въ полномъ смыслѣ слова фразеръ, имѣлъ, однако, большое вліяніе на образъ мыслей юноши. „Его устами", говоритъ біографъ Грановскаго, „бесѣдовалъ цивилизованный міръ. 16-ти лѣтній юноша понялъ разницу, существующую между нимъ и міромъ полуобразованныхъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ Погорѣльцы" [323]). Колышкевичъ, воспитанникъ Нѣжинскаго Лицея, горячій по натурѣ, пробудилъ въ немъ или, можетъ быть, укрѣпилъ стремленія къ благородной жизни, которыми онъ самъ былъ проникнутъ [324]). M-lle Герито, молодая француженка, немного болѣе старше Грановскаго, жившая сначала у его тетки въ качествѣ гувернантки, а потомъ въ домѣ у его родителей, внушила ему глубокую дружбу къ себѣ, приведшую молодого человѣка въ соприкосновеніе съ умною, доброю, способною на самопожертвованіе дѣвушкою, представлявшею изъ себя исключеніе среди иностранцевъ и иностранокъ, наводнявшихъ

---

[322]) А. Станкевичъ, ib. стр. 9, 10, 11.
[323]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.
[324]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.

Россію [325]). Дружба эта особенно укрѣпилась послѣ переѣзда m-lle Герито въ домъ Грановскихъ. Молодые люди сблизились, и ихъ отношенія, изъ дружескихъ, перешли въ чисто родственныя: она его звала племянникомъ, онъ ее — тетушкой [326]). Если первая изъ этихъ встрѣчъ была особенно благопріятна для его умственнаго развитія, вторая,—для развитія его воли, то третья—особенно способствовала развитію его сердца. А всѣ три, вмѣстѣ взятыя, онѣ въ значительной мѣрѣ помогли установленію въ немъ преобладанія чувства надъ всѣми остальными душевными способностями, что составляло его отличительную черту и было причиной его успѣха. Привычка съ раннихъ лѣтъ дѣлиться съ матерью своими впечатлѣніями [327]), вѣроятно, дала первоначальный толчекъ этому преобладанію чувства, окончательно укрѣпленному тремя только что разсказанными встрѣчами. Годы, проведенные имъ безъ систематическаго образованія не пропали, однако, совершенно даромъ: какъ мы видѣли, онъ выѣзжалъ, встрѣчался съ разными людьми и пріобрѣталъ постепенно привычку съ ними обращаться [328]), что въ дальнѣйшей карьерѣ оказалось для него чрезвычайно полезнымъ. Однако, чтобы быть, дѣйствительно, полезнымъ, этотъ случайный и неожи-

---

[325]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.
[326]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 11.
[327]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 11.
[328]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 11.

данный перерывъ въ его занятіяхъ не долженъ былъ продолжаться слишкомъ долго. Къ счастью для его способностей, отецъ его, которому, вѣроятно, надоѣли вопросы и совѣты сосѣдей, рѣшился остаться вѣрнымъ дворянскимъ традиціямъ и отправить сына на гражданскую службу [329]). Понять необходимость дальнѣйшаго, болѣе чѣмъ недостаточнаго образованія своего сына беззаботный отецъ и не хотѣлъ, да и не умѣлъ; что же касается его матери, то бѣдная женщина все болѣе и болѣе теряла вліяніе на своего безхарактернаго мужа. Онъ совсѣмъ не желалъ ее слушать [330]). Гражданская служба мало улыбалась Грановскому-сыну, онъ чувствовалъ призваніе къ военной, но настоянія матери и надежда, что сдѣлавшись чиновникомъ, онъ въ болѣе скоромъ времени и болѣе дѣйствительнымъ образомъ будетъ полезенъ своимъ, побудили его принести эту жертву [331]). Въ Январѣ мѣсяцѣ 1831 года онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ поселился въ домѣ своей тетки, скончавшейся черезъ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда, т. е. въ Февралѣ. Тогда ему пришлось испытать всю тягость одиночества [332]). Весною счастье ему улыбнулось. Знакомый его матери отыскалъ ему мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ

---

[329]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.
[330]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.
[331]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.
[332]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 14. Гран. и его пер. т. II, стр. 9.

дѣлъ, куда онъ и поступилъ [333]). Занятія по службѣ днемъ, изученіе нѣмецкаго языка и чтеніе вечеромъ, изрѣдка замѣненныя посѣщеніемъ товарища по службѣ или театра, составляли обыкновенное времяпрепровожденіе Грановскаго въ первый годъ его пребыванія въ Петербургѣ [334]). Казалось, онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбой и ничто не предвѣщало того, что вскорѣ случилось. А случилось слѣдующее: въ одинъ прекрасный день онъ написалъ родителямъ письмо, въ которомъ испрашивалъ разрѣшеніе поступить въ университетъ. Мать съ радостью согласилась на желаніе сына, а отецъ съ гримасой на лицѣ [335]). Въ Іюнѣ онъ подалъ въ отставку и мужественно принялся за работу, прерванную въ Іюлѣ [336]) въ высшей степени тяжкимъ для него испытаніемъ: смертью его ангела-хранителя на землѣ [337]), той, которую онъ такъ нѣжно любилъ [338]) и которую мечталъ осчастливить, окружить своими заботами въ старости [339]), однимъ словомъ—смертью его незабвенной матери. Тяжело стало у него на душѣ послѣ этой горестной утраты: онъ потерялъ способность говорить въ обще-

[333]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 14.
[334]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 14—15.
[335]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 15.
[336]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 16.
[337]) Гран. и его пер. ib, т. II, стр. 144.
[338]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 316. Гран. и его пер. т. II, стр. 101, 144, 145, 146, 170, 218.
[339]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 16. Гран. и его пер. т. II, стр. 144.

ствѣ [340]), бросилъ свои занятія, прекратилъ переписку, и весь отдался своему горю. Каждый разъ, какъ онъ принимался за свои книги, мысль, что мать умерла, что она не можетъ радоваться его успѣхамъ, удручающе дѣйствовала на него и парализировала усилія его воли [341]). Къ жгучей нравственной боли, причиненной ему этою потерею присоединились еще и заботы о судьбѣ сестеръ и о его собственной. Онъ хорошо зналъ безпечность характера своего отца и могъ почти съ увѣренностью сказать, что теперь, когда некому было напоминать ему его долгъ, онъ предастся окончательному бездѣлью и совершенно перестанетъ думать объ участи дѣтей. Предчувствіе, основанное на вѣрной оцѣнкѣ душевныхъ свойствъ родителя, не обмануло его и прежде всего, справедливость своихъ предположеній, Грановскому пришлось испытать на самомъ себѣ. Отецъ пересталъ высылать аккуратно деньги на содержаніе сына, что причиняло послѣднему большія матеріальныя затрудненія [342]). Бывали дни, когда будущій профессоръ питался картофелемъ и чаемъ [343]); и, тѣмъ не менѣе, когда его деревенскій

---

[340]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 16. Гран. и его пер. т. II, стр. 144.

[341]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 16. Гран. и его пер. т. II, стр. 144.

[342]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 16—17. Гран. и его пер. т. II, стр. 8, 146.

[343]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 17, 19. Гран. и его пер. т. II, стр. 7.

другъ предложилъ дать бѣдному невольному постнику нѣсколько рублей взаймы, постникъ наотрѣзъ отказался принять ихъ отъ дѣвушки, самой нуждавшейся въ деньгахъ [344]). Но, несмотря на всѣ эти нравственныя страданія и матеріальныя лишенія Грановскій продолжалъ преслѣдовать поставленную себѣ цѣль: сдѣлаться студентомъ. Съ осени 1831 года онъ принялся за занятія, въ чемъ помогли ему приглашенные имъ учителя [345]). Въ Августѣ 1832 г. онъ поступилъ въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, предпочтенный имъ словесному, какъ говорятъ потому, что онъ мало зналъ классическіе языки [346]). Наконецъ, его желаніе было исполнено; но какою цѣною было куплено это исполненіе: 19-ти лѣтъ онъ уже страдалъ грудью и глазами [347]). Петербургскій университетъ того времени, недавно пришедшій въ себя отъ подвиговъ Рунича, не былъ на высотѣ своего назначенія. Многіе изъ профессоровъ, пользовавшіеся тогда извѣстною долею славы, не могли-бы въ 50-хъ годахъ разсчитывать даже на мѣста преподавателей въ благоустроенныхъ гимназіяхъ [348]). Конечно, университетъ расши-

[344]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 19. Гран. и его пер. т. II, стр. 151.

[345]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 20. Гран. и его пер. т. II, стр. 8, 10, 153.

[346]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 20. Гран. и его пер. т. II, стр. 153.

[347]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 20. Гран. и его пер. т. II, стр. 8, 151—152.

[348]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 28—29. Пр. Григорьевъ. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. „Русск бесѣда“ 1856 г., кн. III,

рилъ кругъ его знаній, но гораздо меньше, чѣмъ онъ долженъ былъ это сдѣлать. За одно могъ Грановскій помянуть его добрымъ словомъ: за развитіе любви къ литературѣ; здѣсь Плетневъ [349]) обратилъ въ пламя искру, зажженную въ пансіонѣ Калейдовичемъ. Грановскаго, въ качествѣ поэта, представили даже Пушкину [350]). Здѣсь же, въ университетѣ, онъ занялся переводами, которые во многомъ способствовали пріобрѣтенію имъ яснаго, сжатаго, поэтичнаго и спокойнаго слога, сдѣлавшагося принадлежностью Грановскаго и обезпечившаго ему почетное мѣсто среди лучшихъ нашихъ стилистовъ [351]). Что же касается любви къ исторіи,—она развилась внѣ всякаго посторонняго вліянія; по крайней мѣрѣ, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній относительно того, что заронило ее то или другое лицо, но за то вполнѣ достаточно для того, чтобы мы могли заключить, что университетъ былъ

стр. 22—27. Проф. Григорьевъ, П. С. Савельевъ. Его жизнь и труды. Петерб. 1861 г. стр. 6—11. Ч. Вѣтринскій, Гран. и его вр. стр. 7, пр. А. Введенскій, ib. 343—344. Ѳ. Фортунатовъ. Воспоминанія о С.-Петербургскомъ Университетѣ „Русск. Арх.“ 1869 г., стр. 305—340.

[349]) И. Тургеневъ, Литературный вечеръ у П. А. Плетнева, „Русск. Арх.“ 1869 г., стр. 1672—1676. Петръ Александровичъ Плетневъ, Я. Гротъ. „Русск. Арх.“ 1869 г., стр. 2067—2089. Ѳ. Фортунатовъ. Воспоминанія о С.-Петербургскомъ Университетѣ ib. стр. 336—337. Л. Майковъ, Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. LV.

[350]) А. Станкевичъ ib. т. I, стр. 30 Гран. и его пер. т. II, стр. 28.

[351]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 29—30.

тутъ почти что не при чемъ [352]). Очень вѣроятно, что Вальтеръ-Скоттъ, прочитанный имъ въ дѣтствѣ, а потомъ еще разъ въ студенческіе годы, побудилъ его заниматься наукой, сдѣлавшейся ему столь дорогой [353])

Но это догадка, достовѣрно лишь то, что, будучи студентомъ, онъ занимался исторіей причемъ изучилъ Гизо, Баранта Сисмонди, Капфига, Тьера Вильмена, Огюстена-Тьерри. Послѣдняго онъ особенно любилъ [354]). Говоря другими словами, онъ обратился къ французскимъ историкамъ, чтобы найти у нихъ то, что не могли ему дать профессора.

Историки эти его не обманули и дали ему нужную умственную пищу. Гиббонъ, Робертсонъ и Юмъ поступили точно также, когда онъ обратился къ нимъ [355]). Но кто же ихъ ему указалъ? Московскій телеграфъ Полеваго [356]).

Въ общемъ, покидая университетъ, Грановскій, благодаря чтенію и собственнымъ занятіямъ, имѣлъ полное право считаться, если не ученымъ, то человѣкомъ основательно образованнымъ, о чемъ уже

---

[352]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 31. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 13.

[353]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7, 31. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 13. Taine, Histoire de la littérature anglaise 1863, t. III pag. 481—496 et surtout page 494.

[354]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 31—32.

[355]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 32.

[356]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 30. Ч. Вѣтринскій, ib, стр. 9, 10, 13. Весинъ, ib. стр. 12—16, 284 — 285. Скабичевскій, ib. стр. 231—244. М. Сухомлиновъ, ib. т. II, Н. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ“, стр. 365—431.

можно судить по помѣщенной шесть мѣсяцевъ спустя по выходѣ изъ университета исторической статьѣ, носящей заглавіе „Судьбы еврейскаго народа“ [357]). Напечатана она была въ „Библіотекѣ для чтенія“. За ней послѣдовали другія, появившіяся въ Энциклопедическомъ словарѣ Плюшара [358]) и въ разныхъ современныхъ изданіяхъ. Однако, за это основательное образованіе ему пришлось дорого заплатить. Сколько страданій, сколько минутъ отчаянія испыталъ онъ за эти четыре года работы, смѣшанной съ горемъ. Здоровье, пошатнувшееся отъ первыхъ усилій, сдѣланныхъ имъ для того, чтобы получить право поступить въ университетъ, пошатнулось еще болѣе отъ тѣхъ, которыя онъ сдѣлалъ для того, чтобы окончить его [359]).

Два раза во время своего студенчества, Грановскій принужденъ былъ бросать свои занятія и скакать на перекладныхъ за тысячу верстъ къ своимъ въ первый разъ, для того, чтобы спасти семью отъ грозившаго ей разоренья [360]), во второй—чтобъ спасти сестру отъ брака по принужденью [361]). Кромѣ того на немъ лежала забота о воспитаніи его млад-

---

[357]) А. Станкевичъ, ib. стр. 32. Полн. собр. сочин. Т. Н. Грановскаго. Изд. 2. Москва 1866, т. I, стр. 155—187.

[358]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 32. Скабичевскій, ib., стр. 293—297.

[359]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 34, 39. Гран. и его пер. ib. т. II, стр. 34.

[360]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 25.

[361]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 27.

шаго брата и младшей сестры. Онъ долженъ былъ обо всемъ этомъ не только подумать, но и, по возможности, все предвидѣть и все устроить [362]). Мало того, его постоянно мучило сознаніе, что если онъ почему-либо не отнесется достаточно внимательно къ судьбѣ своихъ близкихъ, они будутъ лишены необходимаго и могутъ погибнуть. Наконецъ, для довершенія всѣхъ бѣдъ онъ полюбилъ дѣвушку, правда, отвѣтившую ему тѣмъ же, но которая, будучи отдѣлена отъ него тысячеверстнымъ разстояніемъ и подстрекаема окружавшими ее, оскорбила его своимъ недовѣріемъ, что, въ свою очередь, приведя его въ отчаяніе, внушило и ему недовѣріе къ той, которую онъ любилъ со всею силою молодости. Это взаимное недовѣріе, конечно, далеко не способствовало укрѣпленію этой любви, а, наоборотъ, понемногу убивало ее и въ то же время мучило обоихъ молодыхъ людей [363]). Чувство молодой дѣвушки, казалось, было болѣе спокойно и было болѣе глубоко, а— молодого человѣка болѣе безпокойно и болѣе поверхностно, а, слѣдовательно, нравственныя страданія, причиненныя недовѣріемъ, были болѣе интенсивны у Грановскаго и, соединенныя съ постояннымъ безпокойствомъ за судьбу близкихъ, съ хроническимъ безденежьемъ [364]), должны были отзываться на немъ

[362]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 24, 26, 27, 34.

[363]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 26—27, 34—40. Гран. и его пер. т. II, стр. 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25—27, 28, 29—33, 34—35.

[364]) А. Станкевичъ, ib. стр. 21—23, 26—27, 39. Гран. и его пер. т. II, стр. 11, 16—17, 156, 159, 160, 163.

весьма тяжело. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, временами, онъ думалъ о самоубійствѣ [365]), что пошатнувшееся его здоровье пошатнулось еще болѣе и что въ практическую жизнь онъ выступилъ задумчивый и грустный, несмотря на свои 23 года. Къ счастью для Грановскаго, послѣ непродолжительной службы въ гидрографическомъ департаментѣ, онъ вышелъ изъ него и отправился, по предложенію извѣстнаго своей просвѣщенностью попечителя московскаго университета Строгонова [366]), за границу, съ тѣмъ чтобы подготовиться къ занятію каѳедры всеобщей исторіи [367]). Молодая дѣвушка, которую онъ продолжалъ все-таки любить, въ день, когда Грановскій пришелъ къ ней, чтобы сказать, что дальнѣйшая его судьба зависитъ отъ ея воли, что ей стоитъ только сказать одно слово, и онъ останется на службѣ и откажется отъ лестнаго, и отвѣчающаго его желаніямъ предложенія, сказала ему просто: „уѣзжайте“. И онъ уѣхалъ, унося съ собой благодарность къ той, которая съумѣла пожертвовать собой для любимаго человѣка; пожертвовать, говоримъ мы потому, что она, будучи умна, не могла не предвидѣть послѣдствій

---

[365]) А. Станкевичъ, ib., стр. 22; Гран. и его пер. т. II, стр. 157, 160.

[366]) О С. Г. Строгоновъ, К. Д. Кавелинъ собр. соч. т. IV, стр. 1075. „Воспоминанія о студенческой жизни“ Москва. 1899 г. Изъ записокъ С. М. Соловьева, стр. 112—119.

[367]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 44. Гран. и его пер. т. II, стр. 45.

толь долгой разлуки, тѣмъ болѣе, что предшествующіе годы на опытѣ показали ей, что значитъ жить вдали отъ любимаго человѣка, раздѣленной отъ него пространствомъ, временемъ и средой; и, тѣмъ не менѣе, отбросивъ всякія эгоистическія соображенія, она произнесла фатальное „уѣзжайте“... [368]).

1-го Іюня 1836 г. Грановскій прибылъ въ Берлинъ [369]). Не теряя времени, онъ принялся за изученіе нѣмецкаго языка. Къ осени онъ его зналъ такъ же хорошо, какъ и свой собственный русскій и былъ вполнѣ подготовленъ слѣдить за университетскими курсами [370]). Въ берлинскій университетъ онъ поступилъ почти черезъ 5 лѣтъ послѣ того, какъ смерть похитила изъ него человѣка, въ теченіе долгихъ лѣтъ безраздѣльно владѣвшаго умами мыслящихъ нѣмцевъ и имѣвшаго громадное вліяніе на умственное развитіе Россіи [371]). Еще бы немножко, и ему удалось-бы присутствовать на лекціяхъ великаго Гегеля (ум. 14 Ноября 1831 г.) и участвовать, въ качествѣ слушателя, въ трудной, но полезной умственной работѣ, въ которую втягивалъ германскій философъ всѣхъ тѣхъ, кто попадалъ въ его аудиторію [372]). Но за то онъ имѣлъ утѣшеніе учиться у Савиньи, основателя исторической школы въ пра-

---

[368]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 44—46.
[369]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр, 51.
[370]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 51.
[371]) Пр. Кердъ. Гегель. Русск. пер., Москва 1898 г., стр. 108. Пр. Введенскій, ib. стр. 339—340.
[372]) пр. Кердъ, ib. стр. 111—114.

вѣ, приглашеннаго знаменитымъ Вильгельмомъ Гумбольдомъ, писателемъ, государственнымъ человѣкомъ, и организаторомъ берлинскаго университета [373]), такъ мѣтко названнымъ Дюбуа-Раймономъ „умственною лейбъ-гвардіею дома Гогенцоллерновъ“ [374]). Про Савиньи Гумбольдъ писалъ „что онъ первый юристъ Германіи, занимающійся наукою права, какъ философъ, освѣщающій его своею рѣдкою филологическою эрудиціею, который сумѣетъ дать настоящее направленіе юриспруденціи, сошедшей съ прямой дороги и запутавшейся въ современномъ законодательствѣ такъ же, какъ и въ римскомъ“ [375]). Засталъ въ Берлинѣ Грановскій и Ранке, окончившаго къ этому времени свою знаменитую исторію „папъ“, уже извѣстнаго автора критики новыхъ историковъ, а также исторіи князей и южныхъ народовъ XVI и XVII столѣтія, труда, обнаружившаго въ немъ глубокое пониманіе историческихъ методовъ, опытнаго психолога и прекраснаго дипломата [376]). Кромѣ этихъ двухъ про-

---

[373]) В. фонъ-Гумбольдтъ, Haym. Wilh. v. Humb. Lebensbild und Charakteristik. Berlin, 1856 Kerbouliz. Profils litteraires, Paris 1889. Er. Lavisse. Etudes sur l'histoire de Prusse. Paris 1896, стр. 330—331.

[374]) Er. Lavisse, ib p. 344.

[375]) Er. Lavisse, ib. p. 336. Landsberg въ „Allgemeinen deutschen Biographie“. Band 30. Leipzig 1890. Пр. М. Петровъ Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи, Франціи. Харьковъ 1861 г., стр. 43—46 см. и предъид. 40—43.

[376]) Пр. М. Петровъ, ib. стр. 74—80 Guglier. Leopol. von Rankes Leben und Werke. Leipzig 1873, M. Ritter. Leopol. von Ranke, Stuttgart. 1896.

фессоровъ, Грановскій слушалъ лекціи отца современной географіи Риттера, умѣвшаго оживить свой предметъ философскимъ его пониманіемъ и связать его съ вопросами антропологіи [377]). Если самъ Гегель не былъ тутъ, то его замѣняли философъ и поэтъ Вердеръ [378]) и Ганцъ [379]), всѣми силами старавшіеся открыть своимъ слушателямъ тайны его философіи. Первый читалъ логику, но въ то же время касался исторіи, философіи вообще и ея отношенія къ жизни и т. д. Второй читалъ курсъ философіи исторіи и стремился примѣнить принципы гегелевской философіи къ событіямъ современной жизни. Онъ часто входилъ на каѳедру съ номеромъ французской или англійской газеты. Наконецъ, въ числѣ профессоровъ, слушателемъ которыхъ былъ Грановскій, мы должны назвать и Раумера, читавшаго исторію, которую онъ глубоко и основательно зналъ, но настолько мало интересно излагалъ, что мѣста вокругъ его каѳедры были большею частью пусты [380]). Савиньи, Ран-

---

[377]) G. Kramer. Karls von Ritters Leben. 2 Auflage Halle 1875, Marthe Was bedeutet. Karl von Ritter für die Geographie Berlin, 1880. А. Станкевичъ, ib т. I, стр. 66—67. Вѣтринскій, ib. стр. 31.

[378]) Meyrs Konversations-Lexicon. Fünfte Auflage 1896, 17 Band, А. Станкевичъ, ib. стр. 63, 64, 67, 86, Гран. и его пер. стр. 413—414. Ч. Вѣтринскій, стр. 30.

[739]) ib. Band 7. S. 68. А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 63, 65, 66. Ч. Вѣтринскій, ib. 30.

[380]) Meyers, b. Band 14. S. 493. А Станкевичъ, ib. т. I, стр. 53. Гран. и его пер. т. II, стр. 390, 395, Ч. Вѣтринскій ib. стр. 61.

ке, Риттеръ, Вердеръ и Ганцъ, каждый по своему, повліяли на развитіе Грановскаго, но всѣ вмѣстѣ заставили его испытать то же, что они испытывали сами, т. е. вліяніе эволюціи, совершавшейся медленно, незамѣтно и, въ которой они не могли себѣ дать яснаго отчета, будучи актерами, а не зрителями. Суть этой эволюціи можетъ быть выражена такъ: интересы литературные и философскіе понемногу стали уступать мѣсто интересамъ соціальнымъ, политическимъ, церковнымъ и экономическимъ; науки естественныя постепенно начинали брать верхъ надъ науками гуманитарными, и стали стремиться философско-идеалистическое міросозерцаніе замѣнить матеріалистическимъ; интересъ къ древнему міру сталъ пропадать и условное поклоненіе ему, даже извѣстное презрѣніе, сдѣлались общераспространенными; жизнь, народъ, нація, вотъ что интересовало больше всего; греки и римляне положительно всѣмъ надоѣли и, наоборотъ, средніе вѣка, триста лѣтъ, остававшіеся въ тѣни привлекали вниманіе историковъ; исторія германскаго народа, германскихъ учрежденій, вотъ что желали знать; вѣра въ силу идей и системъ терялась; рѣшено было: какъ слѣдуетъ познакомиться съ реальнымъ міромъ и устроиться въ немъ какъ можно лучше, не задаваясь никакими выспренними идеалами. Такъ какъ по мнѣнію большинства, философія и спекуляція не принесли никакого улучшенія въ повседневной жизни, а только сумѣли вы-

работать плохо понятую тѣмъ-же большинствомъ формулу, провозгласившую, что все, что существуетъ, разумно, то отъ нея и стали отворачиваться [381]). Черезъ годъ послѣ отъѣзда Грановскаго это движеніе до того ясно обозначилось, что внимательный наблюдатель могъ бы уже тогда предвидѣть, что оно неминуемо должно было привести къ взрыву 1848 г. [382]). Всѣ эти профессора, не отдавая себѣ въ томъ отчета, подтачивали зданіе, которое они старались сохранить въ цѣлости.

Слѣдовательно, изъ своего пребыванія въ берлинскомъ университетѣ, Грановскій долженъ былъ вынести интересъ къ среднимъ вѣкамъ и желаніе сблизить науку съ жизнью.

Черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ своего прибытія въ Берлинъ (Октябрь 1837 г.), Грановскій былъ обрадованъ пріѣздомъ Станкевича [383]), молодого человѣка, имѣвшаго, не смотря на то, что онъ умеръ 27 лѣтъ, большое вліяніе на умственное развитіе русскаго общества [384]). По характеру Станкевичъ очень походилъ на Грановскаго, съ которымъ познакомился незадолго до отъѣзда послѣдняго за

---

[381]) Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts. Zweite Auflage. Leipzig 1897. B. II S. 443—450.

[382]) Смотр. A. Odin. Genèse des grands hommes. Paris 1895 t I, p. 53—57.

[383]) П. Анненковъ, ib. т. III, стр. 268—383. П. А. Станкевичъ (біографическій очеркъ).

[384]) П. Анненковъ, ib. т. III, стр. 268—271. К. Д. Кавелинъ, ib. т. III, стр. 1078—1079.

границу, и про котораго онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: „мы подружились, съ Грановскимъ, какъ люди не дружатся иногда за цѣлую жизнь“ [385]). Пріѣздъ этого пламеннаго поклонника философіи Гегеля, и основателя кружка западниковъ, принудилъ Грановскаго еще болѣе вникнуть въ философію оффиціальнаго философа Пруссіи, одного изъ наиболѣе цѣнимыхъ членовъ умственной лейбъ-гвардіи Гогенцоллерновъ. Съ весны 1837 г. онъ уже занимался философіей Гегеля и одновременно латинскимъ языкомъ, которымъ овладѣлъ настолько, что читалъ Тацита въ подлинникѣ [386]). Теперь, съ пріѣздомъ своего друга, онъ занялся ею особенно внимательно. Невѣровъ [387]), другой пріятель Грановскаго, уже съ Мая находившійся съ нимъ (Невѣровъ, узнавъ объ его болѣзни, поспѣшилъ къ нему на помощь), тоже примкнулъ къ ихъ занятіямъ. Такимъ образомъ, втроемъ они провели мирно зиму въ занятіяхъ литературой, философіей, въ спорахъ. Отдыхомъ имъ служилъ театръ [388]). Всѣ эти занятія и споры принесли имъ не мало пользы, тѣмъ болѣе, что весьма кстати они присутствовали при совершавшемся умственномъ кризисѣ, о которомъ мы выше упоминали, и внѣшнимъ проявленіемъ котораго служило раздѣленіе учениковъ Гегеля на два

---

[385]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 46.
[386]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 54. Гран. и его пер. т. II, стр. 395.
[387]) О Я. Невѣровѣ, „Русск. Стар.“ 1883 г. № 9, стр. 429.
[388]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 63—69.

лагеря: на чисто гегельянцевъ и неогегельянцевъ, стремившихся сблизить абстракцію съ жизнью и обратить первую въ орудіе, пригодное для направленія второй и для рѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Предтечей нео-гегельянцевъ, въ Берлинскомъ университетѣ, являлся Ганцъ [389]).

Къ концу зимы супруги Фроловы увеличили берлинскій русскій кружокъ. Онъ—честный служитель долга, проведшій всю свою жизнь въ распространеніи просвѣщенія и въ особенности идей Риттера, не блестѣвшій никакими особенными талантами, даже лишенный творческой силы, но принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, безъ которыхъ никакое предпріятіе, никакая эволюція не могутъ обойтись, такъ какъ они составляютъ ихъ необходимый элементъ [390]). Она—одаренная тонкимъ умомъ, большимъ тактомъ, неподражаемымъ талантомъ умѣть зажечь въ каждомъ, теплившуюся въ немъ искру Божію и объяснить ему сущность его психической природы [391]). Таковы были супруги Фроловы. Грановскій болѣе всѣхъ своихъ друзей подпалъ подъ вліяніе г-жи Фроловой [392]), этой замѣчательной женщины, некрасивой и болѣзненной, но прекрасной

---

[389]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 64—65.

[391]) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, Москва 1866, ч. II, стр. 371—378.

[391]) П. Анненковъ, ib. т. III, стр. 369—371. Я. Невѣровъ. Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ, „Русск. стар.“ 1880 г., № 4, стр. 751—754. Ч. Вѣтринскій 33 -35.

[392]) Я. Нѣверовъ, ib. „Русск. Стар.“ 1880 г. № 4, стр. 752.

душею и умомъ. Въ салонѣ ихъ, если можно такъ назвать собраніе у Фроловыхъ, появлялся иногда и Тургеневъ. Чѣмъ-же интересовались посѣтители этихъ собраній и о чемъ-же они говорили? Интересовались они всѣмъ и говорили положительно обо всемъ, но въ тоже время удѣляли не мало мѣста вопросамъ русской литературы и русской жизни очень часто послѣдняя служила предметомъ оживленныхъ и даже страстныхъ споровъ, причемъ къ ней пробовали приложить выводы западной науки [393]).

По окончаніи зимы кружокъ разъѣхался и Грановскій отправился путешествовать по Германіи и Австріи. Между прочимъ онъ посѣтилъ и Прагу, гдѣ познакомился съ панславискимъ движеніемъ. Его онъ понялъ и объяснилъ себѣ; однако крайности, замѣченныя въ немъ, помѣшали ему стать на сторону славянофиловъ [394]). Въ Вѣнѣ онъ имѣлъ полную возможность любоваться всѣми прелестями Меттерниховской системы, приведшей къ результатамъ, весьма мѣтко выраженнымъ въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ Грановскому въ Прагѣ однимъ умнымъ человѣкомъ: „насъ сенсуализировали, мы потеряны для высшей жизни“ [395]). Кромѣ этихъ назидательныхъ наблюденій онъ сдѣлалъ нѣчто боль-

---

[393]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 36—39.
[394]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 75—78. Гран. и его пер. т. II, стр. 333—334, 338, 341.
[395]) Гран. и его пер. т. II, стр. 343

шее: изучилъ чешскій языкъ [396]) и собралъ матеріалы для проектированной диссертаціи „о ростѣ и паденіи общинъ въ средніе вѣка“ [397]). Возвратясь въ Берлинъ, Грановскій принялся за прерванныя занятія и за посѣщеніе фроловскаго кружка [398]). Весною онъ покинулъ Берлинъ и отправился лечиться [399]), а затѣмъ возвратился въ Россію, куда его тянуло всѣми силами души [400]). Ему хотѣлось дѣйствовать, творить, онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ силъ [401]), и это, не смотря на то, что холера [402]), нравственныя и физическія страданія ослабили еще больше его организмъ, уже ослабленный до поѣздки за границу [403]). Мы уже раньше видѣли, что Грановскій покинулъ университетъ, нравственно страдающимъ. Поѣздка за границу страданій этихъ не уменьшила, а, наоборотъ, даже увеличила. Тѣ же хорошо намъ знакомыя причины способствовали этому: недостатокъ средствъ и домашнія дѣла [404]); но къ нимъ присоединилась и третья, а именно—нравственный кризисъ, пережитый имъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Берлинъ [405]). Когда молодой человѣкъ принялся за занятія исторіей, онъ пора-

---

[396]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 77.
[397]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 83.
[398]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 85.
[399]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 89.
[400]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 89.
[401]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 79—80, 83 85—86, 93.
[402]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 58, 84.
[403]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 56, 58, 84, 87, 89, 90.
[404]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 56—57, 87—88.
[405]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 53, 55

зился громадностью матерьяла и испугался, ему представилось, что онъ никогда не въ состояніи будетъ овладѣть имъ, и отчаяніе закралось въ его душу, онъ потерялъ вѣру въ свои силы и сталъ невыносимо страдать. Но тутъ-то Гегель и пришелъ къ нему на помощь. По мѣрѣ того, какъ Грановскій углублялся въ его философію, онъ все яснѣе и яснѣе понималъ, что она можетъ сослужить ему хорошую службу а именно—объединить, испугавшія его, разнообразныя и часто противорѣчивыя данныя исторіи. Какъ только такая мысль закралась въ его голову,—готовая погаснуть надежда вновь возгорѣлась, мучительное сомнѣніе и разочарованіе въ силѣ ума человѣческаго опять замѣнила вѣра, если не во всемогущество его, то во всякомъ случаѣ въ его значеніе. Однимъ словомъ, смѣлый синтезъ Гегеля во время удержалъ Грановскаго на краю пропасти, куда чуть его не повергъ анализъ [406]). Въ то-же почти время, г-жа Фролова вселила ему вѣру въ его силы и примирила его съ человѣчествомъ, а также, въ частности, съ человѣкомъ и съ его недостатками [407]). Такимъ образомъ кризисъ миновалъ благополучно, но слѣды его остались на всегда.

Грановскій возвращался домой еще болѣе задумчивый, грустный и слабый здоровьемъ, но, какъ мы уже сказали, исполненный желанія трудиться на

[406]) А. Станкевичъ, ib. т. 53, 55, 58—62,.
[407]) Я. Нѣверовъ, ib. „Русск. Стар.“ 1880 г. № 4, стр. 753—754. А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 70, 87.

пользу ближняго, дѣлиться съ нимъ пріобрѣтенными знаніями. Онъ былъ убѣжденъ, что не ошибся, избравъ для себя профессорскую дѣятельность, что къ ней онъ чувствовалъ призванье и что, слѣдовательно, на этомъ поприщѣ ждетъ его успѣхъ. Конечно, онъ сознавалъ, что все-таки недостаточно подготовленъ, но въ то-же время зналъ, что сдѣлалъ все отъ него зависящее для того, чтобъ оказаться на высотѣ своего призванья, и это успокаивало его, тѣмъ болѣе, что онъ питалъ надежду пополнить пробѣлы; но теперь, пока, онъ рѣшилъ дѣйствовать и дѣйствовать [408]). Это рѣшеніе Грановскій не отложилъ въ дальній ящикъ, а привелъ въ исполненіе тотчасъ по возвращеніи въ Россію. Пробывъ только мѣсяцъ у отца въ деревнѣ, онъ поспѣшилъ въ Москву, гдѣ и началъ чтеніе своихъ лекцій [409]). Первые его шаги были очень удачны [410]), и ему вскорѣ удалось привлечь вниманіе такъ называемаго хорошаго общества [411]), куда долетѣла молва объ его лекторскихъ способностяхъ. Ему предложили прочесть курсъ исторіи для дамъ, что онъ, однако, отказался сдѣлать, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобъ ихъ развлекать своими чтеніями [412]). Въ университетѣ его

---

[408]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 79—80, 85, 93.
[409]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 93.
[410]) А. Станкевичъ, іb. т. I. стр. 95—96, 98.
[411]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 98.
[412]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 98—99.

встрѣтили весьма дружелюбно молодые профессора, побывавшіе, какъ и онъ, за границею. Между Грановскимъ и ими установились самыя лучшія отношенія [413]). Они вмѣстѣ работали во славу Московскаго университета, въ эту эпоху, исполнявшаго, подъ руководствомъ гр. С. Г. Строганова, съ блескомъ свое назначеніе, распространять высшее образованіе [414]). Чтожъ касается старыхъ профессоровъ, рутинеровъ, то они отнеслись къ нему довольно непріязненно: струя свѣжаго воздуха, внесенная имъ и молодыми сотоварищами, не пришлась имъ по вкусу. Они дѣлали ему всякія непріятности и отравляли существованіе [415]). Зато московское общество отнеслось къ нему очень сочувственно и приняло его въ свою среду, не только какъ талантливаго человѣка и профессора, но какъ порядочнаго и воспитаннаго человѣка [416]). Надо самому родиться въ Москвѣ, чтобъ понять, съ какимъ безпредѣльнымъ гостепріимствомъ, иногда даже стѣсни-

---

[413]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 93—94.

[414]) К. Д. Кавелинъ, ib. т. III, стр. 1076. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Степ. Васил. Ежевскій, біографич. очеркъ. Ст. В. Ежевскій, Сочин. по русск. истор. Москва. 1900, стр. XII, XIII—XIX. Е. Шмурло. Очеркъ жизни и научной дѣятельности, К. Ник. Бестужева-Рюмина. Юрьевъ, 1899 г. стр. 31. Пр. Виноградовъ. Русск. Мысль 1893 г., № 4, Т. Н. Грановскій стр. 44. А. Пыпинъ. истор. русск. этногр. т. II, стр. 8—9. Пр. А. Введенскій, ib. 333, 339. Воспоминанія о студенческой жизни ib. 112—132. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 120, 125—128.

[415]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 100—104. Ч. Вѣтринскій, ib. 122—126.

[416]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 102.

тельнымъ, съ какимъ довѣріемъ встрѣчали, и теперь еще встрѣчаютъ тамъ лицъ, рекомендованныхъ обществу двумя, тремя уважаемыми семействами. Девизъ: друзья нашихъ друзей—наши друзья, излюбленный девизъ москвичей, а потому, слѣдуя ему, они вновь введеннаго члена осыпаютъ приглашеніями, отъ которыхъ отдѣлаться бываетъ болѣе, чѣмъ трудно, такъ какъ отказъ часто обижаетъ и огорчаетъ и ведетъ къ всевозможнымъ заключеніямъ, „помилуйте", говорятъ, „у такого вы были и нашли для него время, а ко мнѣ не хотите заглянуть, не хорошо, очень не хорошо" и т. д.

И стоитъ только быть немного сговорчивымъ и обладать немного слабымъ характеромъ, чтобъ распроститься со свободою и обратиться въ покорнаго раба хлѣбосольныхъ москвичей [417]). Бывать изрѣдка въ тѣхъ или другихъ домахъ, а въ общемъ вести жизнь отшельника, какъ мечталъ о томъ Грановскій, положительно невозможно, въ чемъ очень скоро и убѣдился молодой профессоръ. Его атаковали съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, люди болѣе или менѣе свободные, свѣтскіе, праздные, видѣвшіе въ немъ элегантнаго молодого че-

---

417) Сравн. московское общество въ разное время. М. Лонгиновъ ib. стр. 113—117. Н. Дубровинъ, ib. „Русск. Стар." 1889 г. № 2, стр. 241 — 264. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, Русск. Стар. 1876 г., стр. 26, 1877 г., № 9, стр. 430—474. Воспоминанія М. Загоскина, Истор. Вѣстн. 1900 г., № 1 стр. 41—78, ib. № 2 стр. 489—530 ib. № 3, 920—945, ib. № 4, стр. 50—72. К. Д. Кавелинъ, ib. т. III, стр. 1115—1132.

ловѣка, воспитаннаго и умнаго [418]), съ другой — всѣ нуждавшіеся въ совѣтѣ, въ поддержкѣ, въ помощи, однимъ словомъ, тѣ, которые видѣли въ немъ добраго, умнаго, ученаго, отзывчиваго и полезнаго для нихъ человѣка [419]). На оба призыва онъ отвѣтилъ, но различно: въ свѣтъ, въ общество онъ сталъ выѣзжать, но съ заднею мыслью довести, по возможности, до минимума свои свѣтскія посѣщенія [420]); нуждавшимся въ немъ онъ никогда не отказывалъ; быть полезнымъ какимъ бы то ни было способомъ, значило для него дѣйствовать, творить принимать, однимъ словомъ участіе въ жизни. Онъ всегда былъ готовъ предоставить свою особу въ распоряженіе того, кому считалъ, что можетъ придти на помощь. Такого рода умѣнье жертвовать своими интересами принималось многими за признакъ слабости характера и вызывало попытки эксплоатировать его [421]).

Послѣ только что нами сказаннаго, никто не удивится, узнавъ, что онъ быстро сдѣлался весьма популяренъ среди московскихъ кружковъ и среди студентовъ. Послѣдніе оцѣнили, однако, не одну эту способность его жертвовать своими интересами, но также и его несравненный лекторскій талантъ, его спеціальныя познанія, его обширное образованіе,

---

[418]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 99.
[419]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 99.
[420]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 103.
[421]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 99, 102, 116—118.

которыхъ, кажется, онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ 9-го Апрѣля 1840 года Грановскій закончилъ первый свой курсъ средней исторіи. По поводу этого онъ писалъ слѣдующее своимъ сестрамъ: „Прошедшую суботу я кончилъ свои лекціи и простился со студентами, которые должны оставить университетъ въ Маѣ. Я приготовилъ письменно нѣсколько словъ, съ которыми хотѣлъ обратиться къ нимъ, какъ съ заключительной рѣчью, но когда надо было произнести ихъ, я не въ состояніи былъ говорить, и на этотъ разъ не отъ робости, а отъ душевнаго волненія, преодолѣть которое я былъ не въ силахъ. Я поблагодарилъ за вниманіе, съ которымъ они относились къ моимъ лекціямъ, поклонился и ушелъ. Я знаю почти всѣхъ студентовъ этого курса, и мнѣ было больно разстаться съ ними на всегда. Они въ свою очередь были также растроганы. Мнѣ говорили, что у иныхъ изъ нихъ были слезы на глазахъ. Нѣсколько изъ студентовъ пришли благодарить меня „за наслажденіе, доставленное имъ моимъ курсомъ.“ Потомъ они приглашали меня на обѣдъ, который будетъ у нихъ. Я долженъ былъ отказаться, потому что правительство не любитъ собраній такого рода; но обѣдъ состоится безъ меня и будетъ провозглашенъ тостъ за мое здоровье. Я былъ вполнѣ счастливъ, принимая эти выраженія любви, сторицею вознаградившія меня за всѣ непріятности, которыя я испыталъ и могу еще испытать. Лучшей награды не можетъ быть для меня... Не разсказы-

вайте того, о чемъ пишу вамъ“ [422]). Онъ былъ весь въ этомъ письмѣ, скромный, любящій, исполненный простоты и достоинства. Изъ того же письма мы можемъ заключить, что между нимъ и его слушателями установилась едва уловимая связь, какой-то токъ взаимной симпатіи, что они его уже цѣнили за нравственное наслажденіе, доставляемое его лекціями, что онъ изъ всеобщей исторіи сдѣлалъ орудіе образованія вообще и что ему оставалось только продолжать работать въ томъ же направленіи, чтобъ добиться блестящихъ результатовъ. А между тѣмъ онъ страдалъ недостаткомъ въ произношеніи [423]), а предшественникомъ по каѳедрѣ имѣлъ человѣка весьма талантливаго, даже оратора, нѣкоего Крюкова, какъ и онъ, побывавшаго за границей [424]). Но если мы скажемъ, что Грановскій отличался привлекательной наружностью [425]), что, читая лекціи, онъ воодушевлялся своимъ предметомъ до того, что импровизировалъ [426]), что онъ любилъ особенно останавливаться на положительныхъ идеалахъ и ихъ выдвигать [427]), что онъ проповѣдывалъ нравственность не при помощи отвлеченныхъ фор-

---

[422]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 111. Гран. и его пер. т. II, стр. 98.

[423]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 112.

[424]) Изъ студенческихъ воспоминаній, ib. стр. 130—132. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 131—132.

[425]) Изъ студ. восп. ib. стр. 131. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 132.

[426]) Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 132. Гран. и его тр. т. II, стр. 366.

[427]) Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 134.

мулъ, но самымъ своимъ отношеніемъ къ лицамъ и къ событіямъ [428]), что онъ былъ преисполненъ состраданіемъ къ обездоленнымъ исторіи [429]), что все его существо было проникнуто принципомъ „понять, значитъ все простить," что онъ его внушалъ своимъ ученикамъ, что онъ былъ далекъ отъ того либерализма, который, боясь бороться открыто съ существующими порядками, прибѣгаетъ къ намекамъ [430]), что онъ говорилъ откровенно [431]), искренно и просто [432]), если мы скажемъ все это, то думаемъ, станетъ понятно, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ которыя Грановскій занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, онъ безраздѣльно владѣлъ умомъ и сердцемъ молодежи, и, что, она, будучи чувствительна ко всякой красотѣ, въ какомъ бы видѣ таковая ни проявлялась, когда передъ нею представалъ человѣкъ красивый наружностью и душой, подпала подъ его обаяніе съ первыхъ его лекцій.

Лично для Грановскаго эта первая зима, проведенная имъ въ Москвѣ, прошла въ ознакомленіи съ той средой, въ которой ему предстояло дѣйствовать [433]). Въ теченіе ея онъ оглядѣлся и понемно-

---

[428]) Изъ восп. о студ. жизни, ib. стр. 28.
[429]) Пр. Виноградовъ ib., стр. 60, Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 135.
[430]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60. Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 134—135.
[431]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60.
[432]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60.
[433]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 111.

гу освоился съ окружающими людьми. За это время онъ завелъ связи, почти что во всѣхъ литературныхъ и университетскихъ кружкахъ, а также и въ кружкахъ просто образованныхъ людей и нѣкоторыхъ свѣтскихъ. Его врожденная общительность, развившаяся въ провинціи, когда вынужденная бездѣятельность позволяла отдавать много времени посѣщенію орловскихъ знакомыхъ, пригодилась ему теперь и позволила войти въ сношенія съ такими различными, по характеру, людьми, каковы были Бакунинъ [434]), Клюшниковъ [435]), братья Кирѣевскіе, Бѣлинскій, Боткинъ, Коршъ [436]), Чаадаевъ [437]), Катковъ [438]) и Кетчеръ [439]). Къ тому же нравственное его состояніе продолжало быть далеко не спокойнымъ и побуждало искать, если не развлеченій, то забвенія. Непріятности, — неизбѣжное слѣдствіе появленія его въ качествѣ самобытнаго члена

434) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 104—105. П. Анненковъ, іb. т. III, стр. 20—27, 166—174. Б. Глинскій, М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири, (матеріалы для біографіи, „Историч. Вѣстн." 1898 г., № 3, стр. 1021—1045. Л. И. Мечниковъ „М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 г." „Историч. Вѣст." 1897 г. т. LXVII стр. 807—834.

435) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 105.

436) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 110—111.

437) М. Жихаревъ. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, „Вѣстн. Евр." 1871 г. № 7, стр. 172—208, № 9, стр. 9—53. А. Пыпинъ, „Характер. литер. мнѣн. іb. стр. 141—195 П. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли. Москва, 1898 г. стр. 374—396.

438) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 104. П. Анненковъ, іb. т. III, стр. 49—53. „Біографич. слов. историч. общ." 1897 г. стр. 548—560

439) Ч. Вѣтринскій, Граф. и его вр. іb. стр. 245.

среди профессорской корпораціи, — огорчали его и развивали въ немъ мрачное настроеніе и сплинъ, чему помогали и семейныя дѣла, этотъ постоянный и не легкій крестъ Грановскаго [440]). Чтобъ какъ-нибудь забыться, онъ и повелъ разсѣянную жизнь, участилъ свои выѣзды и сталъ болѣе, чѣмъ самъ того желалъ, появляться въ свѣтскихъ салонахъ [441]. Лѣтомъ онъ отправился въ деревню и занялся тамъ дѣлами отца и образованіемъ своихъ сестеръ. По возвращеніи въ Москву, два удара, одинъ за другимъ, обрушились на нашего профессора. Во-первыхъ, не стало Станкевича „лучшей половины Грановскаго“ какъ звалъ своего друга Тимофей Николаевичъ,—того, кто открылъ ему тайны философіи Гегеля и помогъ схватить вѣрный смыслъ довольно таки двухсмысленнаго выраженія „что все, что существуетъ,—разумно“ [442]); во-вторыхъ, не стало Елизаветы Павловны Фроловой, открывшей ему глаза на его собственную психическую природу, какъ нельзя болѣе пригодную для того, чтобъ служить воплощеніемъ принципа „понять, значитъ все простить“ [443]). Эти два неожиданные и роковые сюрприза отозвались прежде всего на его слабомъ здоровьѣ. Онъ было попробовалъ бороться со своимъ горемъ, но напрасно. Оно было сильнѣе его.

---

[440]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 162—163.
[441]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 102.
[442]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 114—115.
[443]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 115.

Наконецъ, придя немного въ себя, онъ принялся за занятія, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ его вскорѣ отлично [444]), но диссертацію подалъ только въ 1845 г. [445]), нѣсколько лѣтъ спустя. Впрочемъ, и эти усиленныя занятія не заглушили горя Грановскаго. Совсѣмъ другое средство помогло успокоиться его любящей душѣ. Въ теченіе зимняго сезона молодой профессоръ встрѣтилъ въ обществѣ m-lle Мюльгаузенъ. Въ Октябрѣ 1841 г. [446]) онъ женился на этой прекрасной дѣвушкѣ, принадлежавшей къ числу тѣхъ избранныхъ, глубокихъ натуръ, которыя любятъ разъ въ жизни, беззавѣтно и безповоротно. Для такихъ натуръ любить и вѣрить въ избранника своего сердца—значитъ одно и то же; для нихъ не существуетъ колебаній; они въ теченіе всей своей жизни спокойно и довѣрчиво идутъ рука объ руку съ тѣмъ, кому сказали однажды „люблю тебя“ [447]). Бракъ этотъ обѣщалъ быть вполнѣ счастливымъ и вознаградить Грановскаго за всѣ мученія съ первой его невѣстой,—съ которой онъ окончательно разошелся вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву [448])—и за всѣ его страданія вообще. Можно было надѣяться, что отнынѣ Грановскій будетъ спокойнѣе работать и искать утѣшенія

---

[444]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 115.
[445]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 116.
[446]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 193.
[447]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 193—194. Гран. и его пер. т. II, стр. 217 - 218.
[448]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 169—171.

не въ свѣтской жизни, какъ онъ это дѣлалъ ранѣе, а въ семейной. Это было тѣмъ болѣе желательно, что разсѣянное времяпрепровожденіе, полезное въ первый годъ его пребыванія въ Москвѣ, если бы, оно продолжалось и во второй, ничего, кромѣ вреда, ему не принесло. Грановскій не ошибся въ подругѣ своей жизни. Онъ, судя по письмамъ и запискамъ, счастливо скороталъ съ ней вѣкъ свой [449]), причемъ какъ можно заключить по письму его жены къ А. Станкевичу, и самъ не остался въ долгу [450]). Женился нашъ профессоръ какъ разъ во время: вскорѣ послѣ его свадьбы умерла его любимая старшая сестра, съ которой онъ былъ связанъ, съ дѣтства, узами самой нѣжной и искренней дружбы [451]), черезъ годъ послѣ нея скончалась младшая [452]); не успѣлъ онъ оправиться отъ этихъ потерь—пришла вѣсть изъ дому о томъ, что его братъ Платонъ переселился въ лучшій міръ [453]). На всякаго смерть близкихъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе тягостно, на Грановскаго, любившаго своихъ родныхъ очень горячо, постоянно поддерживавшаго съ ними самыя близкія отношенія, она подѣйствовала удручающе, и кто знаетъ, не будь около него жены, всѣми си-

---

[449]) Гран. и его пер. т. II, стр. 256–294 и въ особ. 291 и 294.
[450]) Гран. и его пер. т. II, стр. 217—218.
[451]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 199.
[452]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 200.
[453]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 200.

лами старавшейся смягчить постигшее его горе, можетъ быть, и онъ-бы не уцѣлѣлъ [454]). Но, такъ или иначе, Грановскій перенесъ эти тяжкія сердечныя утраты и настолько совладалъ съ собой, что не только не бросилъ своихъ занятій, но предался имъ съ новымъ жаромъ и попытался расширить кругъ своей дѣятельности [455]). Такъ, онъ опять возвратился къ мысли издавать журналъ, который имѣлъ-бы цѣлью разбудить полудремлющее общество и заставить его думать и сблизить его съ наукою. Мысль эта пришла ему впервые въ голову немного времени спустя послѣ его пріѣзда въ Москву, но теперь, какъ и тогда, ему не пришлось ее осуществить [456]). Изъ Петербурга пришло увѣдомленіе, что Грановскому не разрѣшили издавать журналъ [457]). Но, если онъ потерпѣлъ неудачу въ этой своей попыткѣ, онъ зато былъ вознагражденъ блестящимъ успѣхомъ другой. Мы говоримъ о его знаменитыхъ публичныхъ курсахъ, читанныхъ два года подъ рядъ и составившихъ эпоху въ жизни московскаго университета такъ-же, какъ и въ жизни московскаго общества [458]). Совершилось то, о чемъ

---

[454]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 169, 172, 200—201.
[455]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 121, 141.
[456]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 121—122, 134—136, 274.
[557]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 134—136.
[558]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 126 — 132, 142—143. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 182—196, 234 — 235. Воспоминанія Т. Н. Пассекъ. „Русск. Стар.“ 1877 г. № 7, стр. 447—459. Изъ записокъ знатной дамы 1845 г. „Русск. Арх.“ 1882 г. стр. 216 № 1.

мечталъ уставъ 1804 г. [459]). Университетъ сблизился съ обществомъ: онъ пошелъ на встрѣчу ему, оно съ готовностью приняло протянутую ему руку— и съ радостью отозвалось на его предложеніе подѣлиться результатомъ его работы, и это, благодаря Грановскому. Никто кромѣ него не могъ взять на себя смѣлость сдѣлать первый шагъ.

Только онъ, исторгнувшій слёзы благодарности у молодой студенческой аудиторіи, благодарившей его за высокія нравственныя наслажденія, доставленныя его чтеніями, могъ исторгнуть ихъ и у свѣтскихъ людей и людей, преданныхъ, такъ называемымъ, матеріальнымъ интересамъ [460]). Однако, чтенія Грановскаго, создавшія ему много друзей, создали ему и враговъ и всяческія непріятности. Враги появились изъ того лагеря, изъ котораго ихъ слѣдовало ожидать: изъ лагеря сторонниковъ оффиціальной народности [461]), совсѣмъ не расположенныхъ относиться съ симпатіею, къ сдѣлавшемуся столь популярнымъ западнику, сумѣвшему, внушивъ любовь и уваженіе къ своей личности, внушить этимъ самымъ уваженіе и довѣріе къ исповѣдываемымъ имъ принципамъ, которые онъ, благодаря своему авторитету, поднялъ на небывалую до сихъ поръ

---

[459]) Смотр. настоящ. сочин. стр. 54.

[460]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 191. Восп. Т. II. Пассекъ, ib. стр. 455.

[461]) А. Станкевичъ, ib. стр. 130, 131, 133 Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 187—190.

высоту. Но нападая на Грановскаго, они въ своемъ пылу забывали, что нападали на того, кто болѣе всѣхъ былъ способенъ отнестись къ нимъ безпристрастно и кто, что бы тамъ ни говорили, несомнѣнно, принадлежа къ западникамъ, въ то же время, служилъ точкою соприкосновенія между ними и славянофилами. Въ спорѣ тѣхъ и другихъ между собою, Грановскій занялъ положеніе примирителя и укротителя разыгрывавшихся страстей [462]), несмотря на то, что иногда и самъ поддавался общему настроенію и измѣнялъ себѣ [463]).

Къ непріятностямъ, причиненнымъ нападками враговъ, присоединились непріятности по службѣ. Грановскому пришлось имѣть по поводу своихъ чтеній объясненіе съ просвѣщеннымъ графомъ Строгоновымъ. Враги успѣли внушить послѣднему, что профессоръ умышленно умалчивалъ о Россіи, о православіи и христіанствѣ, и что всѣ его лекціи, отъ начала до конца, были проникнуты философіей Гегеля. Эти нашептыванія привели къ тому, что Строгоновъ счелъ долгомъ взять подъ свою защиту религію вообще и оградить ее отъ посягательствъ философіи, а въ частности — защитить православіе отъ Гегеля. Объясненіе заставило Грановскаго ду-

---

[462]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 132, 133. К. Д. Кавелинъ, ib. т. III, стр. 1077. Ч. Вѣтринскій, ib. 162, 163, 174, 175 198, 201, 212, 228, 229, 240, 246, 297, 298, 304.

[463]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 124. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 297, 300—391, 303—304.

тельнымъ, съ какимъ довѣріемъ встрѣчали, и теперь еще встрѣчаютъ тамъ лицъ, рекомендованныхъ обществу двумя, тремя уважаемыми семействами. Девизъ: друзья нашихъ друзей—наши друзья, излюбленный девизъ москвичей, а потому, слѣдуя ему, они вновь введеннаго члена осыпаютъ приглашеніями, отъ которыхъ отдѣлаться бываетъ болѣе, чѣмъ трудно, такъ какъ отказъ часто обижаетъ и огорчаетъ и ведетъ къ всевозможнымъ заключеніямъ, „помилуйте", говорятъ, „у такого вы были и нашли для него время, а ко мнѣ не хотите заглянуть, не хорошо, очень не хорошо" и т. д.

И стоитъ только быть немного сговорчивымъ и обладать немного слабымъ характеромъ, чтобъ распроститься со свободою и обратиться въ покорнаго раба хлѣбосольныхъ москвичей [417]). Бывать изрѣдка въ тѣхъ или другихъ домахъ, а въ общемъ вести жизнь отшельника, какъ мечталъ о томъ Грановскій, положительно невозможно, въ чемъ очень скоро и убѣдился молодой профессоръ. Его атаковали съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, люди болѣе или менѣе свободные, свѣтскіе, праздные, видѣвшіе въ немъ элегантнаго молодого че-

---

[417]) Сравн. московское общество въ разное время. М. Лонгиновъ іb. стр. 113—117. Н. Дубровинъ, іb. „Русск. Стар." 1889 г. № 2, стр. 241 — 264. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, Русск. Стар. 1876 г., стр. 26, 1877 г., № 9, стр. 430—474. Воспоминанія М. Загоскина, Истор. Вѣстн. 1900 г., № 1 стр. 41—78, іb. № 2 стр. 489—530 іb. № 3, 920—945, іb. № 4, стр. 50—72. К. Д. Кавелинъ, іb. т. III, стр. 1115—1132.

ловѣка, воспитаннаго и умнаго [418]), съ другой — всѣ нуждавшіеся въ совѣтѣ, въ поддержкѣ, въ помощи, однимъ словомъ, тѣ, которые видѣли въ немъ добраго, умнаго, ученаго, отзывчиваго и полезнаго для нихъ человѣка [419]). На оба призыва онъ отвѣтилъ, но различно: въ свѣтъ, въ общество онъ сталъ выѣзжать, но съ заднею мыслью довести, по возможности, до минимума свои свѣтскія посѣщенія [420]); нуждавшимся въ немъ онъ никогда не отказывалъ; быть полезнымъ какимъ бы то ни было способомъ, значило для него дѣйствовать, творить принимать, однимъ словомъ участіе въ жизни. Онъ всегда былъ готовъ предоставить свою особу въ распоряженіе того, кому считалъ, что можетъ придти на помощь. Такого рода умѣнье жертвовать своими интересами принималось многими за признакъ слабости характера и вызывало попытки эксплоатировать его [421]).

Послѣ только что нами сказаннаго, никто не удивится, узнавъ, что онъ быстро сдѣлался весьма популяренъ среди московскихъ кружковъ и среди студентовъ. Послѣдніе оцѣнили, однако, не одну эту способность его жертвовать своими интересами, но также и его несравненный лекторскій талантъ, его спеціальныя познанія, его обширное образованіе,

---

[418]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 99.
[419]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 99.
[420]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 103.
[421]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 99, 102, 116—118.

которыхъ, кажется, онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ 9-го Апрѣля 1840 года Грановскій закончилъ первый свой курсъ средней исторіи. По поводу этого онъ писалъ слѣдующее своимъ сестрамъ: „Прошедшую суботу я кончилъ свои лекціи и простился со студентами, которые должны оставить университетъ въ Маѣ. Я приготовилъ письменно нѣсколько словъ, съ которыми хотѣлъ обратиться къ нимъ, какъ съ заключительной рѣчью, но когда надо было произнести ихъ, я не въ состояніи былъ говорить, и на этотъ разъ не отъ робости, а отъ душевнаго волненія, преодолѣть которое я былъ не въ силахъ. Я поблагодарилъ за вниманіе, съ которымъ они относились къ моимъ лекціямъ, поклонился и ушелъ. Я знаю почти всѣхъ студентовъ этого курса, и мнѣ было больно разстаться съ ними на всегда. Они въ свою очередь были также растроганы. Мнѣ говорили, что у иныхъ изъ нихъ были слезы на глазахъ. Нѣсколько изъ студентовъ пришли благодарить меня „за наслажденіе, доставленное имъ моимъ курсомъ.“ Потомъ они приглашали меня на обѣдъ, который будетъ у нихъ. Я долженъ былъ отказаться, потому что правительство не любитъ собраній такого рода; но обѣдъ состоится безъ меня и будетъ провозглашенъ тостъ за мое здоровье. Я былъ вполнѣ счастливъ, принимая эти выраженія любви, сторицею вознаградившія меня за всѣ непріятности, которыя я испыталъ и могу еще испытать. Лучшей награды не можетъ быть для меня... Не разсказы-

вайте того, о чемъ пишу вамъ“ [422]). Онъ былъ весь въ этомъ письмѣ, скромный, любящій, исполненный простоты и достоинства. Изъ того же письма мы можемъ заключить, что между нимъ и его слушателями установилась едва уловимая связь, какой-то токъ взаимной симпатіи, что они его уже цѣнили за нравственное наслажденіе, доставляемое его лекціями, что онъ изъ всеобщей исторіи сдѣлалъ орудіе образованія вообще и что ему оставалось только продолжать работать въ томъ же направленіи, чтобъ добиться блестящихъ результатовъ. А между тѣмъ онъ страдалъ недостаткомъ въ произношеніи [423]), а предшественникомъ по каѳедрѣ имѣлъ человѣка весьма талантливаго, даже оратора, нѣкоего Крюкова, какъ и онъ, побывавшаго за границей [424]). Но если мы скажемъ, что Грановскій отличался привлекательной наружностью [425]), что, читая лекціи, онъ воодушевлялся своимъ предметомъ до того, что импровизировалъ [426]), что онъ любилъ особенно останавливаться на положительныхъ идеалахъ и ихъ выдвигать [427]), что онъ проповѣдывалъ нравственность не при помощи отвлеченныхъ фор-

---

[422]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 111. Гран. и его пер. т. II, стр. 98.

[423]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 112.

[424]) Изъ студенческихъ воспомнаній, ib. стр. 130—132. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 131—132.

[425]) Изъ студ. восп. ib. стр. 131. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 132.

[426]) Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 132. Гран. и его тр. т. II, стр. 366.

[427]) Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 134.

мулъ, но самымъ своимъ отношеніемъ къ лицамъ и къ событіямъ [428]), что онъ былъ преисполненъ состраданіемъ къ обездоленнымъ исторіи [429]), что все его существо было проникнуто принципомъ „понять, значитъ все простить," что онъ его внушалъ своимъ ученикамъ, что онъ былъ далекъ отъ того либерализма, который, боясь бороться открыто съ существующими порядками, прибѣгаетъ къ намекамъ [430]), что онъ говорилъ откровенно [431]), искренно и просто [432]), если мы скажемъ все это, то думаемъ, станетъ понятно, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ которыя Грановскій занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, онъ безраздѣльно владѣлъ умомъ и сердцемъ молодежи, и, что, она, будучи чувствительна ко всякой красотѣ, въ какомъ бы видѣ таковая ни проявлялась, когда передъ нею предсталъ человѣкъ красивый наружностью и душой, подпала подъ его обаяніе съ первыхъ его лекцій.

Лично для Грановскаго эта первая зима, проведенная имъ въ Москвѣ, прошла въ ознакомленіи съ той средой, въ которой ему предстояло дѣйствовать [433]). Въ теченіе ея онъ оглядѣлся и понемно-

---

[428]) Изъ восп. о студ. жизни, ib. стр. 28.
[429]) Пр. Виноградовъ ib., стр. 60, Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 135.
[430]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60. Ч. Вѣтринскій, ib., стр. 134—135.
[431]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60.
[432]) Пр. Виноградовъ, ib., стр. 60.
[433]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 111.

гу освоился съ окружающими людьми. За это время онъ завелъ связи, почти что во всѣхъ литературныхъ и университетскихъ кружкахъ, а также и въ кружкахъ просто образованныхъ людей и нѣкоторыхъ свѣтскихъ. Его врожденная общительность, развившаяся въ провинціи, когда вынужденная бездѣятельность позволяла отдавать много времени посѣщенію орловскихъ знакомыхъ, пригодилась ему теперь и позволила войти въ сношенія съ такими различными, по характеру, людьми, каковы были Бакунинъ [434]), Клюшниковъ [435]), братья Кирѣевскіе, Бѣлинскій, Боткинъ, Коршъ [436]), Чаадаевъ [437]), Катковъ [438]) и Кетчеръ [439]). Къ тому же нравственное его состояніе продолжало быть далеко не спокойнымъ и побуждало искать, если не развлеченій, то забвенія. Непріятности, — неизбѣжное слѣдствіе появленія его въ качествѣ самобытнаго члена

434) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 104—105. П. Анненковъ, ib. т. III, стр. 20—27, 166—174. Б. Глинскій, М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири, (матеріалы для біографіи, „Историч. Вѣстн.“ 1898 г., № 3, стр. 1021—1045. Л. И. Мечниковъ „М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 г.“ „Историч. Вѣст.“ 1897 г. т. LXVII стр. 807—834.

435) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 105.

436) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 110—111.

437) М. Жихаревъ. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, „Вѣстн. Евр.“ 1871 г. № 7, стр. 172—208, № 9, стр. 9—53. А. Пыпинъ, „Характер. литер. мнѣн. ib. стр. 141—195 П. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли. Москва, 1898 г. стр. 374—396.

438) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 104. П. Анненковъ, ib. т. III, стр. 49—53. „Біографич. слов. историч. общ.“ 1897 г. стр. 548—560

439) Ч. Вѣтринскій, Граф. и его вр. ib. стр. 245.

среди профессорской корпораціи, — огорчали его и развивали въ немъ мрачное настроеніе и сплинъ, чему помогали и семейныя дѣла, этотъ постоянный и не легкій крестъ Грановскаго [440]). Чтобъ какъ-нибудь забыться, онъ и повелъ разсѣянную жизнь, участилъ свои выѣзды и сталъ болѣе, чѣмъ самъ того желалъ, появляться въ свѣтскихъ салонахъ [441]). Лѣтомъ онъ отправился въ деревню и занялся тамъ дѣлами отца и образованіемъ своихъ сестеръ. По возвращеніи въ Москву, два удара, одинъ за другимъ, обрушились на нашего профессора. Во-первыхъ, не стало Станкевича „лучшей половины Грановскаго“ какъ звалъ своего друга Тимофей Николаевичъ,—того, кто открылъ ему тайны философіи Гегеля и помогъ схватить вѣрный смыслъ довольно таки двухсмысленнаго выраженія „что все, что существуетъ,—разумно“ [442]); во-вторыхъ, не стало Елизаветы Павловны Фроловой, открывшей ему глаза на его собственную психическую природу, какъ нельзя болѣе пригодную для того, чтобъ служить воплощеніемъ принципа „понять, значитъ все простить“ [443]). Эти два неожиданные и роковые сюрприза отозвались прежде всего на его слабомъ здоровьѣ. Онъ было попробовалъ бороться со своимъ горемъ, но напрасно. Оно было сильнѣе его.

---

[440]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 162—163.
[441]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 102.
[442]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 114—115.
[443]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 115.

Наконецъ, придя немного въ себя, онъ принялся за занятія, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ его вскорѣ отлично [444]), но диссертацію подалъ только въ 1845 г. [445]), нѣсколько лѣтъ спустя. Впрочемъ, и эти усиленныя занятія не заглушили горя Грановскаго. Совсѣмъ другое средство помогло успокоиться его любящей душѣ. Въ теченіе зимняго сезона молодой профессоръ встрѣтилъ въ обществѣ m-lle Мюльгаузенъ. Въ Октябрѣ 1841 г. [446]) онъ женился на этой прекрасной дѣвушкѣ, принадлежавшей къ числу тѣхъ избранныхъ, глубокихъ натуръ, которыя любятъ разъ въ жизни, беззавѣтно и безповоротно. Для такихъ натуръ любить и вѣрить въ избранника своего сердца—значитъ одно и то же; для нихъ не существуетъ колебаній; они въ теченіе всей своей жизни спокойно и довѣрчиво идутъ рука объ руку съ тѣмъ, кому сказали однажды „люблю тебя“ [447]). Бракъ этотъ обѣщалъ быть вполнѣ счастливымъ и вознаградить Грановскаго за всѣ мученія съ первой его невѣстой,—съ которой онъ окончательно разошелся вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву [448])—и за всѣ его страданія вообще. Можно было надѣяться, что отнынѣ Грановскій будетъ спокойнѣе работать и искать утѣшенія

---

444) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 115.
445) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 116.
446) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 193.
447) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 193—194. Гран. и его пер. т. II, стр. 217 - 218.
448) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 169—171.

не въ свѣтской жизни, какъ онъ это дѣлалъ ранѣе, а въ семейной. Это было тѣмъ болѣе желательно, что разсѣянное времяпрепровожденіе, полезное въ первый годъ его пребыванія въ Москвѣ, если бы, оно продолжалось и во второй, ничего, кромѣ вреда, ему не принесло. Грановскій не ошибся въ подругѣ своей жизни. Онъ, судя по письмамъ и запискамъ, счастливо скороталъ съ ней вѣкъ свой [449]), причемъ какъ можно заключить по письму его жены къ А. Станкевичу, и самъ не остался въ долгу [450]). Женился нашъ профессоръ какъ разъ во время: вскорѣ послѣ его свадьбы умерла его любимая старшая сестра, съ которой онъ былъ связанъ, съ дѣтства, узами самой нѣжной и искренней дружбы [451]), черезъ годъ послѣ нея скончалась младшая [452]); не успѣлъ онъ оправиться отъ этихъ потерь—пришла вѣсть изъ дому о томъ, что его братъ Платонъ переселился въ лучшій міръ [453]). На всякаго смерть близкихъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе тягостно, на Грановскаго, любившаго своихъ родныхъ очень горячо, постоянно поддерживавшаго съ ними самыя близкія отношенія, она подѣйствовала удручающе, и кто знаетъ, не будь около него жены, всѣми си-

---

[449]) Гран. и его пер. т. II, стр. 256—294 и въ особ. 291 и 294.
[450]) Гран. и его пер. т. II, стр. 217—218.
[451]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 199.
[452]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 200.
[453]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 200.

лами старавшейся смягчить постигшее его горе, можетъ быть, и онъ-бы не уцѣлѣлъ [454]). Но, такъ или иначе, Грановскій перенесъ эти тяжкія сердечныя утраты и настолько совладалъ съ собой, что не только не бросилъ своихъ занятій, но предался имъ съ новымъ жаромъ и попытался расширить кругъ своей дѣятельности [455]). Такъ, онъ опять возвратился къ мысли издавать журналъ, который имѣлъ-бы цѣлью разбудить полудремлющее общество и заставить его думать и сблизить его съ наукою. Мысль эта пришла ему впервые въ голову немного времени спустя послѣ его пріѣзда въ Москву, но теперь, какъ и тогда, ему не пришлось ее осуществить [456]). Изъ Петербурга пришло увѣдомленіе, что Грановскому не разрѣшили издавать журналъ [457]). Но, если онъ потерпѣлъ неудачу въ этой своей попыткѣ, онъ зато былъ вознагражденъ блестящимъ успѣхомъ другой. Мы говоримъ о его знаменитыхъ публичныхъ курсахъ, читанныхъ два года подъ рядъ и составившихъ эпоху въ жизни московскаго университета такъ-же, какъ и въ жизни московскаго общества [458]). Совершилось то, о чемъ

---

454) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 169, 172, 200—201.
455) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 121, 141.
456) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 121—122, 134—136, 274.
457) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 134—136.
458) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 126 — 132, 142—143. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 182—196, 234 — 235. Воспоминанія Т. Н. Пассекъ. „Русск. Стар.“ 1877 г. № 7, стр. 447—459. Изъ записокъ знатной дамы 1845 г. „Русск. Арх.“ 1882 г. стр. 216 № 1.

мечталъ уставъ 1804 г. [459]). Университетъ сблизился съ обществомъ: онъ пошелъ на встрѣчу ему, оно съ готовностью приняло протянутую ему руку— и съ радостью отозвалось на его предложеніе подѣлиться результатомъ его работы, и это, благодаря Грановскому. Никто кромѣ него не могъ взять на себя смѣлость сдѣлать первый шагъ.

Только онъ, исторгнувшій слёзы благодарности у молодой студенческой аудиторіи, благодарившей его за высокія нравственныя наслажденія, доставленныя его чтеніями, могъ исторгнуть ихъ и у свѣтскихъ людей и людей, преданныхъ, такъ называемымъ, матеріальнымъ интересамъ [460]). Однако, чтенія Грановскаго, создавшія ему много друзей, создали ему и враговъ и всяческія непріятности. Враги появились изъ того лагеря, изъ котораго ихъ слѣдовало ожидать: изъ лагеря сторонниковъ оффиціальной народности [461]), совсѣмъ не расположенныхъ относиться съ симпатіею, къ сдѣлавшемуся столь популярнымъ западнику, сумѣвшему, внушивъ любовь и уваженіе къ своей личности, внушить этимъ самымъ уваженіе и довѣріе къ исповѣдываемымъ имъ принципамъ, которые онъ, благодаря своему авторитету, поднялъ на небывалую до сихъ поръ

---

[459]) Смотр. настоящ. сочин. стр. 54.

[460]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 191. Восп. Т. II. Пассекъ, ib. стр. 455.

[461]) А. Станкевичъ. ib. стр. 130, 131, 133 Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 187—190.

высоту. Но нападая на Грановскаго, они въ своемъ пылу забывали, что нападали на того, кто болѣе всѣхъ былъ способенъ отнестись къ нимъ безпристрастно и кто, что бы тамъ ни говорили, несомнѣнно, принадлежа къ западникамъ, въ то же время, служилъ точкою соприкосновенія между ними и славянофилами. Въ спорѣ тѣхъ и другихъ между собою, Грановскій занялъ положеніе примирителя и укротителя разыгрывавшихся страстей [462]), несмотря на то, что иногда и самъ поддавался общему настроенію и измѣнялъ себѣ [463]).

Къ непріятностямъ, причиненнымъ нападками враговъ, присоединились непріятности по службѣ. Грановскому пришлось имѣть по поводу своихъ чтеній объясненіе съ просвѣщеннымъ графомъ Строгоновымъ. Враги успѣли внушить послѣднему, что профессоръ умышленно умалчивалъ о Россіи, о православіи и христіанствѣ, и что всѣ его лекціи, отъ начала до конца, были проникнуты философіей Гегеля. Эти нашептыванія привели къ тому, что Строгоновъ счелъ долгомъ взять подъ свою защиту религію вообще и оградить ее отъ посягательствъ философіи, а въ частности — защитить православіе отъ Гегеля. Объясненіе заставило Грановскаго ду-

---

[462]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 132, 133. К. Д. Кавелинъ, ib. т. III, стр. 1077. Ч. Вѣтринскій, ib. 162, 163, 174, 175 198, 201, 212, 228, 229, 240, 246, 297, 298, 304.

[463]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 124. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 297, 300—391, 303—304.

мать о перемѣнѣ службы. Ему трудно было помириться съ необходимостью объяснять согласно требованіямъ начальства реформацію и революцію, какъ регрессъ. Но дѣло уладилось, Грановскій остался [464]). Однако, враги и непріятности утомили его, уже выступившаго на арену дѣятельности утомленнымъ, еще больше. Сплинъ и ипохондрія, несмотря на счастливую семейную жизнь, все чаще и чаще стали посѣщать его [465]). Онъ чувствовалъ невозможность дѣйствовать такъ, какъ онъ того хотѣлъ, онъ чувствовалъ, что его руки связаны, что онъ полезенъ на половину. Онъ мучился этою вынужденною сравнительною бездѣятельностью и необходимостью говорить только то, что ему позволяютъ и писать по указанію бдительной цензуры [466]). Къ нравственной неудовлетворимости не замедлили присоединиться новыя нравственныя и физическія страданія. Между нимъ и его друзьями Огаревымъ [467]), Герценомъ [468]) и Бѣлинскимъ, съ которыми онъ сошелся вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву, произошло охлажденіе [469]). Затѣмъ онъ упалъ съ лошади и заболѣлъ, черезъ нѣсколько времени заболѣла его жена, послѣ этого

---

[464]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 133—134. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 190—191.

[465]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 141.

[466]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 232—235.

[467]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 151—152.

[468]) Воспоминанія Т. П. Пассекъ, „Русск Стар.“ 1876 г. и 1877. В. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. С.-Петербургъ 1897 г.

[469]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 236—250, 253—254.

умеръ его отецъ, и къ довершенію всего онъ лишился своего состоянія [470]) и пережилъ весьма непріятную исторію въ университетѣ [471]). Понятно послѣ этого, что ипохондрія развилась у него еще больше, но менѣе понятенъ,—хотя, какъ мы увидимъ дальше, объясняется вполнѣ,—способъ ее заглушить; вмѣсто того, чтобъ спасаться отъ нея въ семьѣ, Грановскій сталъ искать забвенія за зеленымъ столомъ, за которымъ проводилъ дни и ночи [472]), и какъ разъ некстати: въ началѣ 1847 г. Герценъ уѣхалъ изъ Россіи и Грановскій остался во главѣ московскихъ западниковъ [473]), а въ слѣдующемъ году смерть Бѣлинскаго сдѣлала его главою всего кружка вообще [474]).

Такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда авторитетъ Грановскаго. достигъ апогея, его силы и энергія были значительно сломлены [475]), что, въ свою очередь, совпало съ тѣмъ моментомъ царствованія императора Николая, когда правительство, испуганное февральскими безпорядками, потерявъ голову, не знало, что ему дѣлать. и прежде всего набросилось на литературу и на высшія учебныя заведенія. Дѣло дошло до того, что многимъ стало тяжело дышать,

---

[470]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 211—212.
[471]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 155—158. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 251—253.
[472]) А. Станкевичъ, ib. т. I. стр. 209—210. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 256.
[473]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 250.
[474]) Ч. Вѣтринскій. ib. стр. 256.
[475]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 250.

и живые стали завидовать мертвымъ [476]). Придя немного въ себя, правительство принялось, какъ водится въ такихъ случаяхъ, увольнять опасныхъ лицъ. Къ слишкомъ либеральнымъ былъ причисленъ московскій попечитель графъ Строгоновъ [477]) и графъ Уваровъ [478]), министръ народнаго просвѣщенія. Оба они покинули свои посты. Оставшихся и замѣнившихъ уволенныхъ, правительство подвергло строгому надзору такъ же, какъ и литературу и преподаваніе вообще [479]).

Когда произошло все это, въ надломленномъ нравственно и физически Грановскомъ, проснулась бодрость духа, онъ рѣшился оставаться на своемъ посту и, какъ ни какъ, приносить посильную пользу [480]). Подозрѣваемый въ неблагонадежности правительствомъ [481]), принужденный по требованію цензуры измѣнить заглавіе своей докторской диссертаціи, урѣзать ее [482]) и имѣть по ея поводу объясненіе съ митрополитомъ Филаретомъ [483]), Грановскій, тѣмъ не менѣе, продолжалъ спокойно и съ достоинствомъ

---

[476]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 265.
[477]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 258—259.
[478]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 263—264.
[479]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 259—260 Скабичевскій, ib. стр. 344—365.
[480]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 270. Г. Джаншіевъ, ib. стр. 272—273. А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 223.
[481]). А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 222. Ч. Вѣтринскій ib. стр. 262.
[482]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 224. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 268.
[483]) А. Станкевичъ, ib. т. I, 225.

исполнять свои обязанности, къ которымъ относился такъ добросовѣстно, что, когда считалъ нужнымъ, выступалъ даже не спрошенный съ неоффиціальными заявленіями [484]). Его примѣръ ободрялъ малодушныхъ. До своей смерти, послѣдовавшей отъ перваго удара, [485]) 4 октября 1855 г., онъ успѣлъ прочесть небольшой публичный курсъ [486]), нѣсколько лекцій въ кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ [487]) и недолго исполнять обязанности декана. На эту должность его выбирали два раза: въ первый разъ онъ не былъ утвержденъ начальствомъ [488]), и только послѣ вторичныхъ выборовъ, послѣдовавшихъ черезъ четыре года, оно согласилось на его назначеніе [489]). Кромѣ того, онъ успѣлъ выступить въ защиту заподозрѣннаго правительствомъ классицизма [490]), причемъ доказывалъ, что ужъ если говорить объ опасности, то скорѣе ее можно ожидать отъ естественныхъ наукъ, которыми правительство желало замѣнить классическіе языки [491]) и произнесть въ торжественномъ собраніи московскаго университета рѣчь „о современномъ значеніи и состояніи всеобщей ис-

---

[484]) А. Станкевичъ, ib. т. стр. 226, 232—234.
[485]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 277.
[486]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 238—239.
[487]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 245—246, 250.
[488]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 231.
[489]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 256—258.
[490]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 227—231. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 275—279.
[491]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 279—282.

торіи“ [492]). Это было, какъ-бы его историческое profession de fois. Черезъ три года послѣ того, онъ, 12 янв. 1855 г., отпраздновалъ столѣтній юбилей университета, котораго былъ лучшимъ украшеніемъ, что безмолвно признали съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества лучшіе представители ученой мысли и мыслящей Россіи [493]), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—замолкъ навѣки, не дождавшись окончанія несчастной крымской войны, этого экзамена, такъ плохо выдержаннаго правительствомъ и большею частью общества и такъ хорошо — другою его частью и русскимъ народомъ. Да, онъ не видѣлъ окончательной расплаты своихъ соотечественниковъ за прошлыя погрѣшности, не видѣлъ послѣднихъ картинъ эпилога царствованія, проникнутаго искреннимъ сознаніемъ необходимости status quo и строгой правительственной опеки, такъ тяжело отзывавшейся на лучшихъ русскихъ людяхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и онъ и среди которыхъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Однако, безспорно принадлежа къ избранникамъ русскаго общества, Грановскій, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, не остался, подобно большинству изъ нихъ, въ тѣни, не жилъ собственною жизнью, вдали отъ толпы, не стремясь распространять среди нея своихъ, излюбленныхъ и взлелѣянныхъ въ ти-

---

[492]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 240.
[493]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 253.

ши, идей, наоборотъ, онъ все сдѣлалъ, чтобъ войти въ соприкосновеніе съ окружающей его средою, понять интересы и нужды ближнихъ и подѣлиться съ ними результатами своей работы, придти имъ на помощь, въ то трудное время, когда многіе опустили руки, не смѣли говорить. Онъ воспользовался обстоятельствами, позволившими ему образовать себя, сдѣлаться ученымъ и, ставъ на сторону западниковъ, принялъ участіе въ ихъ спорахъ съ славянофилами, причемъ, насколько могъ, постарался примирить крайности. Своими публичными лекціями, онъ сблизилъ университетъ съ обществомъ, познакомилъ его съ результатами научной работы, показалъ наглядно, и притомъ въ художественной формѣ, что научное и нравственное должны быть связаны нераздѣльно, и заставилъ ихъ задумчиво покинуть аудиторію со смутнымъ желаніемъ сдѣлаться лучше. Своими университетскими лекціями Грановскій завладѣлъ умомъ и сердцемъ молодежи и пятнадцать лѣтъ нераздѣльно владѣлъ тѣмъ и другимъ. Вотъ почему отъ него, а не отъ кого другого, ждала она разрѣшенія своихъ недоумѣній. Профессоръ не обманулъ ея ожиданій, онъ понялъ, въ чемъ она, въ особенности, нуждалась въ это смутное время, и разрѣшилъ ея недоумѣніе: онъ ей объяснилъ, въ чемъ состоитъ настоящій прогрессъ и объяснилъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Но чтобъ внушить къ себѣ довѣріе и любовь, чтобъ объяснить молодежи такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, который изъ двухъ про-

и не встрѣться съ нимъ купецъ, принявшій участіе въ немъ, Грановскому не было-бы на что доѣхать до Петербурга [517]). Мы заговорили въ данномъ случаѣ о наслѣдственности потому, что и дѣдъ его былъ страшнымъ игрокомъ [518]) и отецъ питалъ страстишку къ картамъ [519]), да и письмо, писанное имъ черезъ нѣсколько времени къ m-lle Герито, какъ будто тоже указываетъ на внезапно, невѣдомо откуда, налетѣвшую страсть, вдругъ, на время, совершенно завладѣвшую всѣмъ его существомъ и, затѣмъ, также быстро, высвободившую его изъ своихъ когтей. По всѣмъ вѣроятіямъ это былъ первый опытъ пробуждавшейся наслѣдственности, первое предупрежденіе [520]). „Но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь (въ Петербургѣ), я не дотрагивался до картъ"—объясняетъ Грановскій своей нареченной тетушкѣ „что, впрочемъ, не требуетъ никакихъ усилій съ моей стороны, такъ какъ я и теперь люблю ихъ нисколько не больше прежняго и, если я игралъ въ карантинѣ, то только потому, что, сѣвъ за столъ отъ нечего дѣлать, я продолжалъ игру, чтобъ выиграть обратно проигранныя мною деньги. Собственно любовь къ игрѣ была тутъ не причемъ, тѣмъ болѣе, что въ карты нельзя ни слишкомъ много выиграть, ни слишкомъ много проиграть; можетъ быть мнѣ

[517]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 13—14.
[518]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 4.
[519]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 209—210.
[520]) Ribot. L'hérédité psychologique. Paris, 1894, p. 97.

Глава III.

Человѣкъ.

Постараемся теперь, основываясь на перепискѣ Грановскаго и на его біографіи, талантливо написанной Станкевичемъ, прослѣдить психологическій ростъ знаменитаго профессора и воспроизвести психическій его образъ.

Первое написанное имъ письмо относится къ 1828 или 1829 году, т. е. къ тому времени, когда ему было 15, 16 лѣтъ. До этого возраста судить объ его характерѣ мы можемъ по отдѣльнымъ фактамъ, сообщеннымъ Станкевичемъ. Вотъ они.

Когда дѣдъ Грановскаго помѣшался, его помѣстили въ Погорѣльцѣ въ особенномъ флигелѣ. „Онъ съ удовольствіемъ допускалъ къ себѣ только одного внука, котораго ласкалъ и любилъ попрежнему. Мальчикъ умѣлъ ловко пользоваться своимъ отношеніемъ къ больному: если случалось ему какънибудь напроказить, онъ скрывался въ комнатѣ дѣда. Родители мальчика, опасаясь раздражительности дѣда, не отваживались взять его оттуда, и ребенокъ, къ страху своей матери, иногда по нѣ-

скольку дней оставался подъ покровительствомъ помѣшаннаго“ [494]).

„У родителей Грановскаго была служанка, сварливая и часто бивавшая дочь свою Агашу, на куклы которой онъ посматривалъ не безъ зависти. „Вотъ баринъ“ говорила ему Агаша, „когда мать забьетъ меня до смерти, вамъ достанутся мои куклы“, и онъ нетерпѣливо ждалъ и думалъ: „когда же мать забьетъ Агашу и когда достанутся ему ея куклы?“ [495]).

„Однажды съ толпою крестьянскихъ мальчиковъ осаждалъ онъ устроенную ими крѣпость. Онъ карабкался по лѣстницѣ, когда одинъ изъ мальчиковъ отдернулъ её, и онъ, свалившись на землю, ушибся такъ, что болѣлъ довольно долго послѣ этой осады. Онъ никому не открывалъ причины своего ушиба, но умѣлъ извлекать для себя пользу изъ случившагося: онъ обращался къ виновнику своей болѣзни съ требованіями различныхъ услугъ, добывалъ черезъ него лакомства, заставлялъ исполнять всѣ свои желанія, зная, что тотъ не могъ отказать ему ни въ чемъ изъ опасенія открытія его вины“ [496]).

„Больного дѣда Т. Н. Грановскаго возили для лѣченія на Кавказскія минеральныя воды. Шестилѣтній внукъ, сопровождавшій его въ этой поѣздкѣ, вывезъ съ Кавказа яркія воспоминанія о воинственныхъ черкесахъ, объ ихъ оружіи, разсказывалъ слы-

---

[494]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 5.
[495]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 6.
[496]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 6.

шанное о подвигахъ ихъ, и при такихъ разсказахъ хватался самъ за ножъ. Военное поприще сдѣлалось мечтою его дѣтства“ [497]).

„Онъ любилъ строить и брать крѣпости, предводительствуя строемъ своихъ сверстниковъ, былъ охотникъ добывать птицъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, ловить голубей. Пѣтушій бой былъ зрѣлище, за которымъ ребенокъ слѣдилъ съ страстнымъ увлеченіемъ“ [498]).

„Товарищами Грановскаго по ученію въ семьѣ были меньшой братъ его Николай (умершій еще въ дѣтствѣ) и старшая изъ сестеръ Варвара. Во время одного изъ классовъ ихъ общій учитель французъ, недовольный своею ученицею, ударилъ её по рукѣ. Негодующій братъ горячо заступился за сестру, и съ этой минуты, какъ разсказывалъ самъ Грановскій, онъ созналъ глубокую привязанность къ сестрѣ, никогда уже не покидавшую его“ [499]).

„Онъ пристрастился рано къ чтенію. Домашніе нерѣдко видѣли ребенка на колѣняхъ возлѣ шкафа, передъ которымъ онъ склонялся, чтобы достать книгу, и тутъ-же, углубившись въ чтеніе, оставался въ такомъ положеніи съ книгою въ одной рукѣ и съ завтракомъ въ другой“ [500]).

„Прилежаніе и способности молодого ученика не

---

[497]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 6.
[498]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 6—7.
[499]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7—8.
[500]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.

исключали въ живомъ мальчикѣ наклонности къ проказамъ. Иной разъ онъ бывалъ не прочь избавиться отъ предстоящаго урока и изобрѣталъ для этого затѣйливыя средства: такъ, однажды, онъ убѣдилъ меньшого брата выпить вмѣстѣ съ нимъ по стакану воды съ мухами, разсчитывая на тошноту, которая освободила бы ихъ отъ ученія“ [501]).

„Въ Орлѣ Грановскій нѣкоторое время оставался въ семьѣ Храповицкихъ и учился вмѣстѣ съ дѣтьми хозяина дома. Способностями онъ превосходилъ всѣхъ товарищей по ученію, между которыми пользовался нѣкотораго рода авторитетомъ и былъ прозванъ ими профессоромъ. Его быстрыя способности и замѣчательная память признавались всѣми его наставниками и были радостью матери, которая любила разсказывать объ его успѣхахъ, но мальчикъ краснѣлъ и убѣгалъ, услышавъ похвалы себѣ“ [502]).

„Въ дѣтскихъ забавахъ Грановскому также принадлежало первое мѣсто между другими дѣтьми: онъ былъ распорядителемъ и изобрѣтателемъ ихъ увеселеній, шутками и остротами оживлялъ дѣтскій кружокъ; особенно любилъ онъ играть въ гости и угощать посѣтителей. Присутствіе дѣвочекъ въ числѣ гостей замѣтно воодушевляло его; въ ихъ обществѣ сильнѣе высказывалась его веселость и находчивость“ [503]).

---

[501]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
[502]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.
[503]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 8.

„Между школьными его товарищами были два, не похожіе нравомъ и не ладившіе другъ съ другомъ. Пріязнь или непріязнь къ одному изъ нихъ раздѣляли всѣхъ остальныхъ на двѣ партіи, между которыми часто возникали споры и несогласія, достигшія до рѣшительнаго разлада между двумя сторонами, въ то время, когда Грановскій еще не возвращался изъ дому, гдѣ проводилъ вакацію. Возвратясь въ школу, онъ примирилъ враждовавшихъ руководителей обѣихъ партій и возстановилъ единство въ раздѣлившемся школьномъ обществѣ. Баумгартъ и Соловцовъ, изъ-за которыхъ возникли распри, были оба близкими его пріятелями въ пансіонѣ, и это отношеніе онъ сохранилъ къ нимъ и впослѣдствіи“ [504]).

„Въ ребяческіе годы Грановскій не отличался избыткомъ физическихъ силъ и здоровья; онъ былъ худъ, блѣденъ и обыкновенно казался сосредоточеннымъ и задумчивымъ“ [505]).

Вотъ все, что мы знаемъ объ его дѣтствѣ и ранней юности. Несмотря на недостаточность данныхъ, мы все-таки можемъ придти къ кой-какимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, самая противорѣчивость чертъ характера, обнаружившихся въ различныхъ случаяхъ дѣтской жизни Грановскаго, указываетъ на то, что, къ 15 годамъ онъ еще не опредѣлился

---

[504]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
[505]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 6.

вполнѣ, что, къ этому времени, ни одна изъ чертъ не обозначилась рѣзко, не взяла верхъ надъ всѣми другими. Во-вторыхъ, несмотря на эту неопредѣленность, можно все-таки подмѣтить зародыши тѣхъ чертъ, которымъ стоило попасть въ благопріятную обстановку, чтобъ развиться въ ущербъ другимъ. Въ этомъ отношеніи на первое мѣсто слѣдуетъ поставить воображеніе: безпорядочное и разнообразное чтеніе, виды Кавказа и кавказскіе разсказы дали ему такой толчокъ, что оно быстро окрѣпло. То же самое можно сказать про чувства вообще и, въ частности, про соціальное чувство любви и про его составной элементъ—симпатію. Рано пробужденное случаемъ съ сестрой, оно стало расти безпрепятственно и, уже къ 15 годамъ, какъ доказываетъ исторія съ его школьными товарищами, помогало ему исполнять съ успѣхомъ роль примирителя.

Воля его, повидимому, обѣщала сдѣлаться дѣятельною его помощницею. Зародыши ея мы видимъ въ самообладаніи, которое онъ проявилъ во время своей болѣзни, явившейся слѣдствіемъ его паденія съ лѣстницы, и въ роли распорядителя дѣтскихъ игръ своихъ товарищей. Если-бы насъ попросили обрисовать Грановскаго такимъ, какимъ онъ по нашему долженъ былъ быть въ 15 лѣтъ, то мы сказали-бы слѣдующее: хорошо одаренный, съ живымъ быстро схватывающимъ умомъ, съ хорошей памятью; съ большимъ воображеніемъ, самолюбивый, немного своевольный, способный на благородные порывы,

любящій, общительный, жаждущій впечатлѣній, но и умѣющій ихъ переварить, вотъ каковъ былъ юноша Грановскій въ ту пору".

Прочтомъ теперь первое изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ (оно писано къ m-lle Герито 15-ти, 16-ти лѣтъ по французски) и отдадимъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, которое оно производитъ. Оно, видимо, принадлежитъ перу остроумнаго и даже умнаго юноши, умѣющаго хорошо владѣть легкимъ французскимъ языкомъ, составляющимъ украшеніе гостиныхъ [506]). Второе письмо, адресованное къ той-же m-lle Герито, подтверждаетъ вѣрность перваго впечатлѣнія, но, кромѣ того, показываетъ намъ Грановскаго любезнымъ молодымъ человѣкомъ, умѣющимъ оказывать маленькіе знаки вниманія, столь способствующіе поддержанію хорошихъ отношеній, но и оно же рекомендуетъ его, какъ насмѣшника, очевидно считающаго, подобно многимъ молодымъ людямъ, да и немолодымъ также, насмѣшливость и умъ синонимами [507]), что можетъ быть вѣрно для гостиныхъ, но совершенно не вѣрно въ дѣйствительной жизни, гдѣ наклонность къ насмѣшкѣ скорѣе доказываетъ поверхность и несовершенство ума. Наконецъ нѣсколько строкъ, приписанныхъ имъ въ письмѣ матери къ той же Герито, свидѣтельствуютъ, что зиму $18^{29}/_{30}$ года онъ проводилъ на балахъ

---

[506]) Гран. и его пер. ib. т. II, стр. 136.
[507]) Гран. и его пер. т. II, стр. 137.

и на вечерахъ, чѣмъ, кажется, немало гордился [508]). Объ этомъ обстоятельствѣ мы уже говорили выше и даже упоминали, что выѣзды Грановскаго имѣли свою хорошую сторону, такъ какъ способствовали развитію его общительности и помогали ему освободиться отъ природной застѣнчивости, отъ которой, впрочемъ, совсѣмъ онъ никогда не отдѣлался [509]). Здѣсь мы остановимся на одной подробности, находящейся въ связи съ его взглядами и имѣющей, по нашему мнѣнію, большое значеніе: какъ бы поздно онъ ни возвращался домой, его встрѣчала здѣсь мать, которой онъ повѣрялъ всѣ свои впечатлѣнія [510]). Это заявленіе его біографа свидѣтельствуетъ, что соціальное чувство любви, зародившееся у него уже давно, обогатилось новымъ, болѣе сложнымъ чувствомъ: чувствомъ уваженія къ той, которую онъ звалъ впослѣдствіи своимъ ангеломъ-хранителемъ. Дѣлится юноша своими впечатлѣніями съ тѣмъ, кому довѣряетъ и кого уважаетъ.

Кто-же выигралъ отъ такого положенія вещей: его умъ или же чувства, его эмоціональное „я“. Намъ думается, что эмоціональное „я“. Оно выросло еще больше отъ этой привычки дѣлиться впечатлѣніями, такъ какъ умъ изо дня въ день привыкалъ дѣйствовать подъ возбужденіемъ чув-

---

[508]) Гран. и его пер. ib. т. II, стр. 137.
[509]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 95, 96. Гран. и его пер. т. II, стр. 385, 459, 460, 461.
[510]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 11.

ства любви и уваженія. Другими словами, интеллектуальное „я“ все болѣе и болѣе пріобрѣтало привычку управляться эмоціональнымъ „я“. Кромѣ того, бесѣды эти матери съ сыномъ не проходили даромъ и для воображенія послѣдняго. Только оно могло помочь ему передавать, по возможности ярко и близко къ дѣйствительности, пережитыя впечатлѣнія. Вскорѣ, прогулки съ ружьемъ по лѣсамъ и полямъ [511]), разговоры съ французомъ Жоніо [512]) и съ идеалистомъ Колышкевичемъ [513]), подъ давленіемъ суровой дѣйствительности, превратившимся впослѣдствіи въ матеріалиста, неспособнаго даже остаться вѣрнымъ нравственнымъ принципамъ, явились новымъ источникомъ эмоцій, заставившихъ работать его умъ. Но для ума Грановскаго было мало этой пищи, предлагаемой ему эмоціями всякаго рода, уму его хотѣлось работать самостоятельно, по возможности, независимо отъ эмоцій удовлетворить своимъ собственнымъ потребностямъ. Это выразилось довольно странно. Однажды Грановскому попался какой-то учебникъ геометріи, который онъ и изучилъ, онъ, никогда не любившій математику [514]).

---

[511]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9.
[512]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.
[513]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 10.
[514]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 9, 20. Смотр. по этому поводу сочин. Герберта Спенсера: „Основанія психологіи“ Москва, 1898 г. т. IV, стр. 4—7.

Когда юношу рѣшили отправить въ Петербургъ на службу, ему въ первый разъ пришлось принести жертву и, значитъ, сдѣлать большое усиліе воли. Сдѣлалъ онъ его, побуждаемый чувствомъ любви къ роднымъ и, въ особенности, къ матери. Ему объяснили, что, идя на гражданскую службу, а не на военную, онъ скорѣе будетъ полезенъ семьѣ, и объяснила ему это мать, чего было вполнѣ достаточно, чтобъ заставить его отказаться отъ мысли посвятить себя военному дѣлу [515]).

Передъ отъѣздомъ Грановскій написалъ своему другу Герито на память слѣдующія строки: „я повинуюсь, потому что вы этого хотите, потому что вы думаете, что листокъ бумаги можетъ закрѣпить воспоминаніе. Воспоминаніе моей тетушки будетъ-ли связано только съ этимъ листкомъ?...

Память — подобна волнамъ, осеребреннымъ лучами луны; покуда она сіяетъ, онѣ сохраняютъ ея образъ, но густые пары затемняютъ небо и измѣнчивое зеркало теряетъ отраженіе свѣтила ночей.

Возвратясь въ свое отечество, подъ прекраснымъ небомъ Франціи, вы забудете печальную Россію и ея дикихъ обитателей; розы радостей не цвѣтутъ среди снѣговъ сѣвера. Печальный и дикій, какъ моя родина и мои соотечественники, я буду забытъ, какъ они.

Но если, уже склонясь подъ бременемъ лѣтъ,

---

[515]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.

готовясь покинуть путь жизни, вы бросите послѣдній взглядъ на тѣхъ, кто проходилъ его вмѣстѣ съ вами, если вы подарите послѣднее воспоминаніе тѣмъ, кого вы любили и кто васъ любилъ, ужели вы будете такъ несправедливы, что исключите меня изъ числа ихъ“ [516]).

Приведенныя строки представляютъ намъ юношу такимъ, какимъ сдѣлала его природа и окружающая среда: идеалистомъ, мечтателемъ, съ умомъ оживляющимся подъ вліяніемъ эмоцій. Маленькая эта элегія въ прозѣ показываетъ, что уже въ это время проснулся въ немъ поэтъ. Прощаніе, съ которымъ онъ обратился къ своему другу, къ своей платонической любви,—требующей тоже участія воображенія, возбуждающей дѣятельность ума, и сверхъ того интеллектуализирующей чувства, — было, въ то же время, поэтическое прощаніе съ близкими и съ прошлымъ: съ беззаботною, безцѣльною жизнью, согрѣтою любовью матери, привязанностью сестеръ, дружбою Герито. Эту беззаботную жизнь отнынѣ должна была замѣнить борьба за существованіе, а къ ней, если онъ и былъ подготовленъ морально, то во всякомъ случаѣ не физически.

По пути изъ деревни въ Петербургъ въ немъ, какъ кажется, сказалась безпощадная наслѣдственность. Въ карантинѣ, гдѣ его задержали, онъ, что называется, въ пухъ и прахъ проигрался въ карты,

---

[516]) Гран. и его пер. т. II, стр. 138.

Когда юношу рѣшили отправить въ Петербургъ на службу, ему въ первый разъ пришлось принести жертву и, значитъ, сдѣлать большое усиліе воли. Сдѣлалъ онъ его, побуждаемый чувствомъ любви къ роднымъ и, въ особенности, къ матери. Ему объяснили, что, идя на гражданскую службу, а не на военную, онъ скорѣе будетъ полезенъ семьѣ, и объяснила ему это мать, чего было вполнѣ достаточно, чтобъ заставить его отказаться отъ мысли посвятить себя военному дѣлу [515]).

Передъ отъѣздомъ Грановскій написалъ своему другу Герито на память слѣдующія строки: „я повинуюсь, потому что вы этого хотите, потому что вы думаете, что листокъ бумаги можетъ закрѣпить воспоминаніе. Воспоминаніе моей тетушки будетъ-ли связано только съ этимъ листкомъ?...

Память — подобна волнамъ, осеребреннымъ лучами луны; покуда она сіяетъ, онѣ сохраняютъ ея образъ, но густые пары затемняютъ небо и измѣнчивое зеркало теряетъ отраженіе свѣтила ночей.

Возвратясь въ свое отечество, подъ прекраснымъ небомъ Франціи, вы забудете печальную Россію и ея дикихъ обитателей; розы радостей не цвѣтутъ среди снѣговъ сѣвера. Печальный и дикій, какъ моя родина и мои соотечественники, я буду забытъ, какъ они.

Но если, уже склонясь подъ бременемъ лѣтъ,

---

[515]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.

готовясь покинуть путь жизни, вы бросите послѣдній взглядъ на тѣхъ, кто проходилъ его вмѣстѣ съ вами, если вы подарите послѣднее воспоминаніе тѣмъ, кого вы любили и кто васъ любилъ, ужели вы будете такъ несправедливы, что исключите меня изъ числа ихъ“ [516]).

Приведенныя строки представляютъ намъ юношу такимъ, какимъ сдѣлала его природа и окружающая среда: идеалистомъ, мечтателемъ, съ умомъ оживляющимся подъ вліяніемъ эмоцій. Маленькая эта элегія въ прозѣ показываетъ, что уже въ это время проснулся въ немъ поэтъ. Прощаніе, съ которымъ онъ обратился къ своему другу, къ своей платонической любви,—требующей тоже участія воображенія, возбуждающей дѣятельность ума, и сверхъ того интеллектуализирующей чувства, — было, въ то же время, поэтическое прощаніе съ близкими и съ прошлымъ: съ беззаботною, безцѣльною жизнью, согрѣтою любовью матери, привязанностью сестеръ, дружбою Герито. Эту беззаботную жизнь отнынѣ должна была замѣнить борьба за существованіе, а къ ней, если онъ и былъ подготовленъ морально, то во всякомъ случаѣ не физически.

По пути изъ деревни въ Петербургъ въ немъ, какъ кажется, сказалась безпощадная наслѣдственность. Въ карантинѣ, гдѣ его задержали, онъ, что называется, въ пухъ и прахъ проигрался въ карты,

---

[516]) Гран. и его пер. т. II, стр. 138.

и не встрѣться съ нимъ купецъ, принявшій участіе въ немъ, Грановскому не было-бы на что доѣхать до Петербурга [517]). Мы заговорили въ данномъ случаѣ о наслѣдственности потому, что и дѣдъ его былъ страшнымъ игрокомъ [518]) и отецъ питалъ страстишку къ картамъ [519]), да и письмо, писанное имъ черезъ нѣсколько времени къ m-lle Герито, какъ будто тоже указываетъ на внезапно, невѣдомо откуда, налетѣвшую страсть, вдругъ, на время, совершенно завладѣвшую всѣмъ его существомъ и, затѣмъ, также быстро, высвободившую его изъ своихъ когтей. По всѣмъ вѣроятіямъ это былъ первый опытъ пробуждавшейся наслѣдственности, первое предупрежденіе [520]). „Но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь (въ Петербургѣ), я не дотрагивался до картъ"—объясняетъ Грановскій своей нареченной тетушкѣ „что, впрочемъ, не требуетъ никакихъ усилій съ моей стороны, такъ какъ я и теперь люблю ихъ нисколько не больше прежняго и, если я игралъ въ карантинѣ, то только потому, что, сѣвъ за столъ отъ нечего дѣлать, я продолжалъ игру, чтобъ выиграть обратно проигранныя мною деньги. Собственно любовь къ игрѣ была тутъ не причемъ, тѣмъ болѣе, что въ карты нельзя ни слишкомъ много выиграть, ни слишкомъ много проиграть; можетъ быть мнѣ

[517]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 13—14.
[518]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 4.
[519]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 209—210.
[520]) Ribot. L'hérédité psychologique. Paris, 1894, p. 97.

придется еще въ жизни вести игру, но это будетъ большая игра, благодаря которой я, или выиграю что-нибудь болѣе цѣнное, чѣмъ деньги, или-же погибну. Но, пожалуйста, не думайте, что я способенъ гнаться за выигрышемъ нѣсколькихъ рублей. До этого я никогда не опущусь“ [521]). Такъ разсуждалъ нашъ юноша, когда приступъ страсти прошелъ. Тогда онъ вполнѣ по достоинству оцѣнивалъ ея низменную цѣль, относился къ ней такъ, какъ будто дѣло касалось не его, а какого-то посторонняго человѣка, какъ бы совершенно не сознавая, что онъ, а никто другой, былъ въ ея власти. Вѣрный признакъ того, что все то, что съ нимъ произошло, произошло помимо его воли, и что онъ подчинился силѣ, съ которой не въ состояніи былъ бороться.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Грановскій вначалѣ попалъ почти что въ такую-же атмосферу, въ какой вращался и въ деревнѣ; онъ поселился у своей тетушки и, несмотря на это, чувствовалъ себя одинокимъ и любовь къ роднымъ заставляла его мысленно жить въ Погорѣльцахъ. „Я прошу васъ вѣрить, любезная моя тетушка,“ писалъ въ это время молодой человѣкъ къ Герито, „что я умѣю цѣнить вашу доброту и что никогда воспоминанія о Погорѣльцахъ и проведенныхъ тамъ счастливыхъ дняхъ не представляются безъ того, чтобъ ихъ не сопровождалъ вашъ образъ. Одинъ здѣсь, въ каждой стро-

---

[521]) Гран. и его пер. т. II, стр. 145.

кѣ вашего письма я чувствую, говорящую со мной сестру, отсутствующаго друга. Много понадобится времени, чтобъ я могъ привыкнуть къ этому шумному одиночеству“ [522]). Чтобъ установить прочную связь съ дорогими отсутствующими лицами, онъ исполнялъ порученія однихъ [523]), а другихъ просилъ давать ему ихъ [524]). Его же умъ, воспитанный и направленный соціальными чувствами, еще разъ заявилъ свои права и свое желаніе, насколько это, конечно, физіологически возможно, дѣйствовать самостоятельно. Въ Погорѣльцахъ, какъ мы знаемъ, онъ набросился на книгу геометріи, теперь онъ только и мечталъ о томъ, какъ-бы поскорѣе поступить на службу. „Съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда поступлю на службу, что совершится не такъ скоро, какъ я думаю“ [525]), жаловался онъ, „впрочемъ, я даже не знаю, гдѣ буду служить“ [526]), прибавлялъ онъ, свидѣтельствуя этимъ свое желаніе, хоть чѣмъ-нибудь занять свой праздный умъ. Гдѣ онъ будетъ служить, ему все равно, важно только, чтобъ умъ его могъ работать. Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Грановскаго, умираетъ его тетка, та, у которой онъ поселился. Пораженный этою неожиданною смертью, лишившей его единственнаго уголка гдѣ ему было тепло, Грановскій думаетъ, однако, не

---

[522]) Гран. и его тр. т. II, стр. 138.
[523]) Гран. и его тр. т. II, стр. 1.
[524]) Гран. и его тр. т. II, стр. 138.
[525]) Гран. и его тр. т. II, стр. 138.
[526]) Гран. и его тр. т. II, стр. 138.

о себѣ, а о судьбѣ бѣдныхъ сиротъ. Чувство состраданія —одно изъ соціальныхъ, требующихъ уже участія значительно развитой симпатіи,—диктуетъ ему слѣдующія строки: „Впрочемъ, ее (тетку) нечего сожалѣть, женщина, подобная ей, тамъ, на небѣ. не можетъ быть несчастной, но ея пятеро сиротъ!“ [527]) Въ этихъ-же строкахъ Грановскій впервые высказываетъ и свои религіозныя вѣрованія: онъ вѣритъ въ будущую жизнь и въ то, что земная есть ничто иное, какъ подготовка къ жизни въ царствѣ небесномъ, гдѣ всякъ получитъ воздаяніе за дѣла, совершенныя на землѣ. Вторично онъ высказывается по этому вопросу, вскорѣ послѣ смерти матери и въ томъ-же духѣ. „Впрочемъ, у насъ остался добрый отецъ,“ пишетъ Грановскій своей сестрѣ „для котораго смерть нашего ангела была столь-же чувствительна, какъ и для насъ. Онъ теперь намъ и отецъ и мать, для него должны мы жить, въ ожиданіи соединенія съ нею“ [528]). Этотъ жестокій ударъ—смерть матери—постигъ юношу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его умъ, освободившись изъ подъ опеки чувствъ, сталъ громко требовать, чтобъ на него обратили серьезное вниманіе и занялись его развитіемъ“, т. е., другими словами, когда его интеллектуальное „я“, сознавъ свою силу, потребовало равноправности съ эмоціональнымъ. Встрѣчи.

---

[527]) Гран. и его тр. т. II, стр. 139.
[528]) Гран. и его тр. т. II, стр. 5.

разговоры, столичныя впечатлѣнія убѣдили Грановскаго очень скоро, что ему необходимо развить свой умъ, образовать его, что служба, общество и уроки нѣмецкаго языка не могутъ удовлетворить его, что ему необходимо серьезно и систематично заниматься. Интересно, что, придя къ такому сознанію и рѣшивъ поступить въ университетъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не хотѣлъ приводить своего рѣшенія въ исполненіе, не испросивъ на то позволенія отца и матери. Привязанность къ своимъ, воспитаніе, религія, мысль о томъ, что онъ поступилъ на службу, чтобъ быть скорѣе полезнымъ роднымъ, все это вмѣстѣ взятое побуждало его не предпринимать такого серьезнаго шага безъ согласія родителей. Когда согласіе пришло, онъ принялся за работу. Дѣятельность всѣхъ его душевныхъ силъ была въ полномъ ходу: умъ напряженно стремился къ развитію и обусловливалъ усиленную дѣятельность воли, помогавшую ему достигать поставленную цѣль, а соціальное чувство любви и уваженія къ матери подбодряло его и давало ему иллюзію, что онъ работаетъ для того, чтобъ составить ея счастье въ дни старости [529]). При этомъ услужливое воображеніе рисовало ему картины, въ которыхъ мать изображалась радующейся его успѣхамъ [530]). Вскорѣ эти картины стали главнымъ побу-

[529]) Гран. и его тр. т. II, стр. 144.
[530]) Гран. и его тр. т. II, стр. 144.

дителемъ его воли: онѣ стали подталкивать ее и понуждали его удвоить старанія. Такимъ образомъ, постепенно и совершенно незамѣтно, чувство опять взяло верхъ надъ интеллектуальною потребностью, опять заняло первое мѣсто, опять подчинило себѣ умъ и волю и взяло ихъ подъ свою опеку.

Понятно, что смерть матери подкосила его; онъ упалъ духомъ и на время опустилъ руки. „Я сдѣлался настоящимъ лѣнтяемъ," писалъ онъ, „послѣ смерти матери, я совсѣмъ не работаю. Я принимаюсь за всякій, даже за самый легкій трудъ съ настоящимъ отвращеніемъ, зачѣмъ трудиться?!" [531]) Дѣйствительно, судьба послала ему не легкое испытаніе. Тѣмъ не менѣе, онъ вышелъ изъ него съ честью: совладалъ съ собой, несмотря на то, что ударъ попалъ въ самое чувствительное мѣсто. Оказалось, что потребности его ума и воля окрѣпли на столько, что могли обойтись безъ непосредственнаго подстегиванія чувствъ и даже въ состояніи были выдержать борьбу съ препятствіями, не замедлившими представиться въ формѣ нужды и семейныхъ непріятностей. Правда, косвенно, привязанность къ матери, и послѣ ея смерти, продолжала оказывать воздѣйствіе на его волю и побуждала его твердо идти къ намѣченной цѣли: онъ считалъ своимъ долгомъ добиться того, на что получилъ благословеніе дорогой покойницы. „По крайней мѣрѣ, остается

---

[531]) Грап. и его тр. т. II, ib., стр. 144.

одно утѣшеніе," говорилъ Грановскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ „что ея сынъ будетъ всегда достоинъ ея" [532]). Да, трудиться во имя ея, во имя любви къ ней, вотъ что, со дня ея смерти, должно подбодрять любящаго сына. Остановиться на этой мысли значило отчасти, утѣшиться и, хотя-бы немного, залечить глубокую, душевную рану. А что рана была, дѣйствительно, глубока, можно судить и по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его писемъ. Такъ, въ одномъ, онъ пишетъ: „грустная вѣсть не заставила меня плакать, на слѣдующій день я совсѣмъ спокойно бесѣдовалъ съ Сержинскимъ о совершенно посторонникъ вещахъ, но вы, можетъ быть, вспомните когда-нибудь, что я не даромъ говорилъ вамъ, что потерялъ моего ангела-хранителя" [533]). Въ другомъ онъ пишетъ. „Съ каждымъ днемъ мысль, что ея больше нѣтъ, дѣлается болѣе тяжкой. Что станется со мной безъ нея [534])? Въ виду всего, только что сказаннаго, остановимся еще разъ на этой привязанности сына къ матери. Весьма скудныя біографическія данныя говорятъ намъ, что г-жа Грановская очень много заботилась объ образованіи своего сына, несмотря на то, что ея собственное образованіе было весьма недостаточно [535]). Онѣ также говорятъ намъ о томъ, что сынъ признавалъ рѣшительное ея вліяніе

---

[532]) Гран. и его тр. ib. т. II. стр. 144.
[533]) Гран. и его тр ib. т. II, стр. 144.
[534]) Гран. и его тр. ib. т. II, стр. 145.
[535]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.

во многихъ чертахъ своего характера [536]), что она старалась доставлять ему книги для чтенія [537]), ждала его возвращенія съ вечеровъ [538]), уговаривала мужа обратить серьезное вниманіе на его развитіе и на его судьбу [539]), съ радостью дала свое согласіе на поступленіе его въ университетъ [540]), и, наконецъ, заботилась, чтобъ онъ въ Петербургѣ не нуждался въ деньгахъ [541]). Всѣ эти заботы постепенно привязывали его къ матери. Эгоистическая любовь ребенка, по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался все болѣе и болѣе способнымъ оцѣнить оказанное ему вниманіе, понемногу превратилась въ чувство симпатіи и, въ особенности, превратилась въ него тогда, когда онъ сдѣлался въ состояніи понять страданія матери, которая съ такимъ мужемъ, каковъ былъ отецъ Грановскаго, врядъ ли могла быть счастлива [542]). Это, впрочемъ, можно заключить и изъ слѣдующаго: „Вы мнѣ пишете, что она тамъ получитъ награду за испытанныя здѣсь страданія“ [543]), находимъ мы въ одномъ письмѣ Грановскаго. Симпатія—породила уваженіе и довѣріе къ матери, а затѣмъ къ ея взглядамъ, о которыхъ мы

---

[536]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 1.
[537]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 7.
[538]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 11.
[539]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 12.
[540]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 15.
[541]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 17.
[542]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 210.
[543]) Гран. и его пер. т. II, стр. 144.

можемъ только догадываться. Не думается намъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, чтобъ они отличались особенною сложностью, наоборотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, простота была ихъ отличительною чертою, источникомъ для нихъ, повидимому, служила христіанская мораль. Исходя изъ этого предположенія, мы можемъ приблизительно охарактеризовать и моральный кодексъ г-жи Грановской, завѣщанный ею своему сыну.

Почтеніе къ родителямъ, отвращеніе ко лжи, открытый благородный образъ дѣйствія, любовь къ ближнему, необходимость жертвовать своими интересами для другихъ и жить такъ, чтобы на томъ свѣтѣ удостоиться вѣчной награды, вотъ что, вѣроятно, внушала мать своему сыну.

Своими внушеніями она пробудила въ немъ нравственное абстрактное чувство, какъ ранѣе пробудила соціальныя, скоро развившіяся, окрѣпшія и расширившія предѣлы своего примѣненія. Отъ любви къ матери Грановскій перешелъ къ любви къ сестрѣ, къ роднымъ, къ Герито, къ Колышкевичу; еще шагъ, и онъ въ состояніи былъ полюбить человѣка вообще, почувствовать всѣми фибрами своей души, справедливость великой истины: понять, значитъ все простить. Отношеніе его къ Колышкевичу доказываетъ, что не далеко было то время, когда ему суждено было довести соціальныя чувства и до такой высокой степени развитія. Идеалистъ Колышкевичъ, какъ видно изъ писемъ Грановскаго, совер-

шилъ какой-то неблаговидный поступокъ, суть котораго ни письма, ни біографія Тимофея Николаевича, не позволяютъ опредѣлить точно [544]). Несомнѣнно одно, что поступокъ Колышкевича поразилъ [545]) его друга, преклонявшагося передъ его нравственною личностью [546]) и только, когда пришлось считаться съ фактами, согласившагося сдаться и признать, что, да, Колышкевичъ нравственно палъ [547]). И не смотря на это, когда тому же Колышкевичу, возмутившему своимъ поведеніемъ Грановскаго, пришлось плохо,—послѣдній, во имя прошлаго, забывъ настоящее, всѣми силами стремился помочь ему. „Я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобъ быть полезнымъ ему, такъ какъ я все-таки, не смотря на все, что слышалъ о немъ, очень люблю его“ [548]), находимъ мы въ одномъ изъ писемъ. И это не были пустыя фразы; вскорѣ отъ слова Грановскій переходитъ къ дѣлу. „Ради Бога скажите ему, чтобы онъ присылалъ романъ: стиховъ книгопродавцы не покупаютъ, отговариваясь тѣмъ, что они принадлежатъ перу незнакомаго автора. Я побывалъ у многихъ изъ нихъ, вездѣ одинъ отвѣтъ,—романъ-же они съ удовольствіемъ готовы принять“ [549].

Но возвращаясь къ нравственному чувству, мы

---

[544]) Гран. и его пер., т. II, стр. 140.
[545]) Гран. и его пер., т. II, стр. 140.
[546]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 10.
[547]) А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 10.
[548]) Гран. и его пер., іb. т. II, стр. 144.
[549]) Гран. и его пер., т. II, стр. 146.

должны сказать, что нравственное абстрактное чувство, какъ показываетъ прилагательное „абстрактное“, заключаетъ въ себѣ значительный интеллектуальный элементъ, и развитіе этого чувства въ значительной мѣрѣ способствуетъ развитію ума, который, въ свою очередь, реагируетъ на самое чувство и совершенствуетъ его.

Въ нашемъ случаѣ, нравственный кодексъ г-жи Грановской далъ толчекъ развитію нравственной эмоціи и нравственнаго чувства, повліявшаго на развитіе ума Грановскаго.

Такимъ образомъ, любовь къ матери породила соціальныя чувства, а также и нравственное, интеллектуальный элементъ котораго слился съ врожденнымъ въ немъ интеллектуальнымъ чувствомъ, и вмѣстѣ съ нимъ еще болѣе развилъ умъ Грановскаго.

Въ общемъ, ко дню смерти матери, соціальныя чувства ея юноши-сына настолько выросли и окрѣпли, что еще немножко--и онъ въ состояніи былъ бы думать и дѣйствовать такъ, какъ велитъ великій принципъ, гласящій: „понять, значитъ все простить“. Нравственное чувство тоже не мало выросшее и не мало окрѣпшее, въ союзѣ съ интеллектуальнымъ чувствомъ, помогло развитію его ума, привыкшаго дѣйствовать подъ вліяніемъ эмоцій, но иногда и заявлявшаго свои права на самостоятельность. Воля къ этому времени была на столько сильна, что въ состояніи была помочь ему

добиваться цѣли, продиктованной какимъ-нибудь прочнымъ, укоренившимся въ немъ чувствомъ, и одобренной его умомъ. Дальнѣйшее совершенствованіе соціальныхъ чувствъ задерживала склонность къ насмѣшкѣ [550]). Наслѣдственность, повидимому, уже начинала сказываться; впервые она дала о себѣ знать въ карантинѣ и выразилась, въ проснувшейся страсти къ картамъ, а затѣмъ, проявилась въ видѣ припадковъ ипохондріи, имѣвшихъ мѣсто каждый разъ, какъ только организмъ мало-мальски ослабѣвалъ [551]). Наконецъ, все существо Грановскаго было проникнуто искреннимъ и глубокимъ чувствомъ вѣры.

Вооруженный, такимъ образомъ, юноша началъ жизненную борьбу, одинъ безъ своего ангела-хранителя, и вскорѣ одержалъ первую побѣду: онъ поступилъ въ университетъ, что сдѣлать было не такъ легко, какъ кажется. Отецъ очень часто оставлялъ своего сына совсѣмъ безъ денегъ или выдавалъ ихъ слишкомъ мало [552]). Такое отношеніе родителя вынудило Грановскаго приложить всевозможныя усилія, чтобъ обратить копѣйки въ рубли [553]). Такая операція, трудная для всякаго, была особенно трудна для нерасчетливаго молодого человѣка и

---

[550]) Гран. и его пер., т. II, стр. 141, 144.
[551]) Гран. и его пер., т. II, стр. 139, 149.
[552]) Гран. и его пер., т, II, стр. 7—8, 148, 151. А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 19—20.
[553]) Гран. и его пер., т. II, стр. 6.

если удавалась, то отзывалась весьма пагубно на его слабомъ здоровьѣ [554]), отчего, въ свою очередь, слабѣла и его энергія. „Это, кончится тѣмъ, что этотъ проклятый экзаменъ убьетъ меня: я больше не сплю, а работаю и денно, и нощно, и не смотря на это, я почти увѣренъ въ неудачѣ. Можетъ быть говоря безъ хвастовства, мои познанія болѣе чѣмъ достаточны и должны мнѣ открыть двери университета, но другія препятствія мѣшаютъ мнѣ, „пожалуйста не примите меня за хвастуна, но я положительно изнемогаю“ [555]), такъ писалъ Грановскій за недѣлю до экзаменовъ.

Если въ теченіе перваго года, прошедшаго со дня смерти его матери, умъ Грановскаго дисциплинировался и, мало-по-малу, сталъ привыкать дѣйствовать при участіи возможнаго минимума эмоцій, то чувство привязанности къ семьѣ,—порожденное чувствомъ любви къ матери и, какъ мы видѣли, готовое превратиться въ настоящій альтруизмъ, въ чувство гуманности,—развилось за это время еще больше и еще больше пріучило молодого человѣка жертвовать своими интересами въ пользу ближняго, входить во всѣ подробности его жизни и умѣть извинять его слабости. Такъ, онъ уступилъ сестрамъ свое имѣніе [556]), отказался отъ денежной помощи,

---

[554]) Гран. и его пер., т. II, стр. 7. А. Станкевичъ, т. I, стр. 20.
[555]) Гран. и его пер., т. II, стр. 153.
[556]) Гран. и его пер., т. II, стр. 147.

предложенной М-lle Герито, зная, что молодая дѣвушка нуждается въ деньгахъ [557]). Кромѣ того, будучи самъ въ затруднительномъ положеніи и сильно озабоченъ, онъ, тѣмъ не менѣе, исполнялъ малѣйшія порученія своихъ сестеръ [558]) и М-lle Герито [559]), принималъ сердечное участіе во всѣхъ незначительныхъ происшествіяхъ ихъ однообразной и монотонной жизни [560]). Подмѣтивъ въ себѣ нѣкоторое чувство злобы противъ отца, онъ, видимо, всѣми силами старается бороться съ нимъ; а для этого пробуетъ извинять своего безпечнаго папеньку: „Я не могу себѣ представить, что думаетъ мой отецъ, повидимому, онъ все, что я ему пишу про свои нужды, принимаетъ за чистѣйшую ложь. Но онъ ошибается, и я надѣюсь вскорѣ доказать ему это. Онъ мнѣ въ послѣдній разъ прислалъ двѣсти рублей, тогда какъ еще въ Декабрѣ я далъ ему знать, что долженъ пятьсотъ. Я, наконецъ, принужденъ буду на что-нибудь рѣшиться и, если мнѣ придется впослѣдствіи раскаиваться въ своемъ рѣшеніи, что же дѣлать! [561]) Я отлично знаю, что положеніе его дѣлъ не позволяетъ ему присылать мнѣ много денегъ, но вѣдь я прошу такъ немного. Впрочемъ, я, тѣмъ не менѣе все-таки остаюсь послушнымъ сыномъ“. Но этимъ

---

[557]) Гран. и его пер., т. II, стр. 151.
[558]) Гран. и его пер., т. II, стр. 5, 11.
[559]) Гран. и его пер., т. II, стр. стр. 151.
[560]) Гран. и его пер., т. II, стр. 8. 151.
[561]) Гран. и его пер., т. II, стр. 8.

извиненіемъ отца Грановскій не ограничивался, онъ даже идеализировалъ его: „мнѣ иногда приходитъ въ голову горькая мысль, что на свѣтѣ существуетъ только одинъ человѣкъ, думающій обо мнѣ, и это мой отецъ. Смерть матери, повидимому, порвала всѣ связи“ [562]). Но если Грановскій такъ снисходительно относился къ своему отцу, то нельзя того-же сказать о другихъ лицахъ: ко многимъ относился онъ очень строго, а, иногда, увлекался до того, что, незамѣтно для себя, начиналъ ихъ просто-на-просто ругать [563]).

Одержавъ первую побѣду въ жизненной борьбѣ, Грановскій черезъ три года одержалъ и вторую: онъ кончилъ университетъ. Но если уже первая побѣда потребовала большого напряженія его воли, то вторая была куплена цѣною не меньшихъ усилій, а, пожалуй, даже и большихъ. Тѣ же хорошо намъ знакомыя препятствія, встрѣченныя имъ во время подготовки въ университетъ, какъ-бы поступили вмѣстѣ съ нимъ въ него и мѣшали ему отдаваться вполнѣ научнымъ занятіямъ. Мы говоримъ, какъ вѣроятно догадывается читатель, о хроническомъ безденежьѣ и о семейныхъ дѣлахъ, причинявшихъ не мало горя молодому студенту и, какъ мы знаемъ, пагубно отразившихся на его, и безъ того слабомъ здоровьѣ. Этимъ не приминула воспользоваться наслѣдствен-

---

[562]) Гран. и его пер., т. II, стр. 9.
[563]) Гран. и его пер., т. II, стр. 10, 147.

ность, поспѣшившая завладѣть его больнымъ организмомъ и развить въ немъ ипохондрію, по всѣмъ вѣроятіямъ, явившеюся видоизмѣненной формой помѣшательства дѣда и болѣзни воли отца [564]). Но такъ какъ молодость, въ свою очередь, брала свое, болѣзнь давала себя знать только изрѣдка и не настолько сильно, чтобъ служить помѣхою къ умственному и нравственному развитію, а также и развитію воли, которая, окрѣпнувъ въ первыхъ схваткахъ жизненной борьбы, теперь находилась внѣ опасности и, ожидать, чтобъ она ослабла, не было никакихъ основаній, напротивъ, все говорило за то, что она укрѣпится еще больше. Это въ дѣйствительности и случилось.

Мы уже изъ предшествующаго знаемъ, что университетъ, въ научномъ отношеніи, далъ мало Грановскому. Самое большое, онъ обогатилъ его кой-какими юридическими свѣдѣніями и, какъ никакъ, въ извѣстной степени еще больше дисциплинировалъ его умъ, но, взамѣнъ этого, онъ положительно развилъ въ немъ, какъ любовь къ литературѣ, такъ и, присущее его поэтической натурѣ, поэтическое чувство. Но если изъ оффиціальнаго преподаванія онъ вынесъ мало пользы для себя, то нельзя сказать того-же объ его личныхъ занятіяхъ: объ его чтеніи, переводахъ, литературныхъ опытахъ, весьма благопріятно отозвавшихся на его развитіи. Но въ тоже

---

564) Ribot, L'héredité psychologique ib. p. 246—253.

время эти занятія, вмѣсто того, чтобы установить равновѣсіе между его эмоціональнымъ „я“ и интеллектуальнымъ,—въ чемъ Грановскій очень и очень нуждался въ виду того, что и природа, и предшествующія обстоятельства нарушили его въ ущербъ интеллектуальному „я“,—эти занятія, говоримъ мы, дали еще большій толчекъ развитію его эмоціональнаго „я“, чего, думается намъ, не произошло или, если и произошло, то въ значительно меньшей степени, если-бы петербургскій университетъ былъ бы на высотѣ своего призванія.

Въ дни своего пребыванія въ университетѣ, Грановскій пристрастился къ исторіи, говоритъ намъ его біографія, и до такой степени, что изученіе ея сдѣлалось любимымъ его занятіемъ, но прибавляетъ онъ: „мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для заключенія, что такое направленіе въ немъ было слѣдствіемъ чьего бы то ни было личнаго вліянія“. Мы уже говорили о томъ, что очень вѣроятно Вальтеръ-Скоттъ вызвалъ въ немъ желаніе заниматься исторіею, теперь мы, тоже въ видѣ догадки, выскажемъ такое предположеніе: выросшія и окрѣпшія соціальныя и моральныя чувства, а также интеллектуальное и эстетическое чувство больше, чѣмъ Вальтеръ-Скоттъ, опредѣлили его выборъ. Утверждая это, мы исходимъ изъ слѣдующаго соображенія: ничто не могло быть естественнѣе для молодого человѣка,—одареннаго любознательнымъ, наблюдательнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, принужденнаго на

практикѣ рѣшать вопросы нравственнаго порядка, а, слѣдовательно, волей не волей останавливаться также и на психологическихъ вопросахъ, въ силу своей психической организаціи, принимавшаго самое горячее участіе въ жизни людей близкихъ ему, смертью незабвенной матери, поставленнаго передъ таинственною завѣсою, скрывающею отъ насъ загробный міръ, и при всемъ томъ природнаго поэта,— какъ попробовать обратиться къ наукѣ, которая могла ему отвѣтить на интересовавшіе его вопросы.

Когда-же онъ попробовалъ къ ней обратиться, то сразу долженъ былъ почувствовать, что находится въ своей стихіи, что онъ созданъ для занятій исторіею, а почувствовать онъ долженъ былъ это потому, что въ немъ были развиты тѣ чувства, которыя дѣлаютъ доступнымъ пониманіе историческихъ событій. Мысль-же обратиться къ исторіи, по всей вѣроятности, пришла ему внезапно въ голову, можетъ быть, въ то время, когда онъ слушалъ плохія лекціи профессоровъ или же читалъ какое-нибудь изъ сочиненій Вальтеръ-Скотта. Такому внезапному озаренію, по всѣмъ вѣроятіямъ, предшествовало исканіе отвѣтовъ на интересовавшіе его вопросы въ области литературы, принятой имъ первоначально, какъ кажется, за предметъ, которому онъ долженъ отдать всѣ свои силы. Руководителемъ Грановскаго въ историческихъ занятіяхъ служилъ интересъ, а противовѣсомъ для нихъ, не позволявшимъ ему вдаваться черезъ-чуръ въ отвлеченности

и превратиться въ буквоѣда и теоретика—сама жизнь Она, какъ будто, взяла на себя заботу о томъ, чтобы постоянно напоминать ему о повседневныхъ дрязгахъ и своихъ мелочныхъ требованіяхъ, безъ пониманія которыхъ невозможно живое пониманіе великихъ историческихъ событій.

Черезъ годъ послѣ поступленія Грановскаго въ университетъ, чувство привязанности къ семьѣ принудило его бросить все и сломя голову мчаться на перекладныхъ въ деревню спасать семью отъ разоренія. Дѣло въ томъ, что, развернувъ однажды газету, онъ прочелъ въ ней имя своего отца, фигурировавшее среди именъ помѣщиковъ, имѣнія которыхъ предназначались къ продажѣ съ молотка. Не долго думая, и совершенно не размышляя о томъ, полезно ли это будетъ для его занятій, Грановскій сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ [565]); для него было ясно одно: необходимо, во что-бы то ни стало, спасти семью отъ грозившей ей опасности. Приведя въ порядокъ дѣла отца, молодой человѣкъ возвратился къ прежней своей жизни лишеній, занятій и, отчасти развлеченій, въ которыхъ онъ искалъ забвенія отъ непріятностей.

Неожиданному этому путешествію суждено было съиграть видную роль въ жизни Грановскаго. Во время пребыванія своего въ деревнѣ онъ встрѣтился съ дѣвушкой, которую, какъ мы знаемъ,

---

[565]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 25.

полюбилъ. По мнѣнію Ч. Вѣтринскаго (Вас. Е. Четихина), написавшаго весьма обстоятельную книгу о Грановскомъ, на которую мы уже имѣли случай неоднократно ссылаться, упомянутая встрѣча врядъ ли имѣла какое-либо важное значеніе, [566]) но на этомъ авторъ книги „Т. Н. Грановскій и его время“ не останавливается, онъ идетъ дальше и говоритъ, что „какъ бы то ни было, никакого рѣшающаго значенія въ жизни Грановскаго эта встрѣча не имѣла“. При этомъ, мимоходомъ, онъ высказываетъ и такую мысль, „мало ли въ кого влюбляются юноши въ первый разъ“ [567]). Мы съ г. Вѣтринскимъ совсѣмъ несогласны, мы думаемъ совсѣмъ наоборотъ, что эта встрѣча имѣла очень важное значеніе и рѣшающе повліяла на всю жизнь Грановскаго. Кромѣ того, мы убѣждены, что, вообще говоря, психическія особенности предмета первой любви молодого человѣка, лѣтъ Грановскаго, вліяютъ на его характеръ. За недостаткомъ точныхъ данныхъ, мы не станемъ входить въ подробности этой любви. Письма, писанныя братомъ сестрѣ, вотъ единственные документы, по которымъ мы можемъ составить себѣ понятія объ этой запутанной исторіи, въ которой трудно разобраться и опредѣлить, кто былъ виновникомъ всѣхъ недоразумѣній, приведшихъ, въ концѣ концовъ, къ охлажденію со стороны Гра-

---

[566]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 5.
[567]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 5.

новскаго. Одно несомнѣнно—студентъ любилъ со всѣмъ пыломъ молодости [568]), любилъ такъ, какъ любятъ въ первый разъ. Идеализмъ, соединенный съ пылкою фантазіею поэта, возбуждаемый отдаленіемъ, въ которомъ принужденъ былъ жить Грановскій отъ любимой дѣвушки, сдѣлалъ то, что онъ идеализировалъ ее [569]) въ такой степени, что жестоко страдалъ, когда ему казалось, что она ведетъ себя не такъ, какъ должно себя вести идеальное существо [570]). Тотъ же идеализмъ заставилъ его предполагать, что всѣ знакомые m-lle А. молодые люди только и думаютъ о томъ, какъ ухаживать за ней. Мысль эта безпокоила его и развивала въ немъ ревность. Идеализмъ—спутникъ всякой первой любви—въ нашемъ случаѣ сказывался особенно сильно, съ одной стороны, потому, что Грановскій вообще былъ расположенъ идеализировать женщинъ, судя ихъ, по матери и m-lle Герито [571]), а съ другой, потому, что его поэтическое воображеніе оказывало ему въ этомъ отношеніи не мало услугъ. Вотъ почему исторія этой любви есть, въ то-же время, исторія цѣлаго ряда испытанныхъ разочарованій, приведшихъ къ окончательному охлажденію [572]). Въ сущности не молодую дѣвушку любилъ Гра-

---

[568]) Гран. и его пер. т. II, стр. 20.
[569]) Гран. и его пер. т. II, стр. 63, 67, 69.
[570]) Гран. и его пер. т. II, стр. 22.
[571]) Гран. и его пер. т. II, стр. 145—146.
[572]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 88—89.

новскій со всѣмъ пыломъ молодости, но тотъ идеалъ, котораго она представлялась ему воплощеніемъ. Какъ только для него стало яснымъ, что между воображаемымъ идеаломъ и любимою дѣвушкой цѣлая пропасть, любовь смѣнило чувство долга [573]). Намъ думается, что А. Станкевичъ и Ч. Вѣтринскій правы, дѣлая предположеніе, что чувство дѣвушки было болѣе прочно и сильно. Дѣйствительно, она натура глубокая, сосредоточенная, но менѣе сложная [574]), любила его просто, что называется, не мудрствуя лукаво, такимъ, какимъ его создалъ Господь Богъ. Въ заключеніе скажемъ, что сплетни и наговоры окружающихъ, конечно, увеличили недоразумѣнія, но они, будучи поводомъ, не были причиною разрыва. Значеніе этой исторіи для жизни Грановскаго состоитъ въ томъ, что она способствовала развитію въ немъ чувства долга и рѣшила его дальнѣйшую судьбу. Когда, въ періодъ только что разсказанной любви, затѣялась борьба между потребностями ума и любовью, третейскимъ судомъ явилось чувство долга. Теперь, когда мы имѣемъ въ рукахъ и біографію Грановскаго и его переписку, мы можемъ видѣть, что одно время борьба эта была очень сильна и что, тогда, силы борцовъ были одинаковы. Первая пробная схватка кончилась побѣдою чувства любви [575]) и не

---

573) Гран. и его пер. т. II, стр. 35.
574) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 26.
575) Гран. и его пер. т. II, стр. 26.

потребовала никакого вмѣшательства верховнаго судьи, долга; вторая, болѣе сильная, окончилась такъ же, какъ и первая [576]), т. е. побѣдою чувства любви и тоже обошлась безъ третейскаго судьи. Зато третья, самая упорная, для которой борцы напрягли всѣ свои силы, оказавшіяся равными, потребовали его вмѣшательства, и онъ высказался въ пользу потребностей ума. Суть дѣла заключалась въ томъ, что предполагаемый тесть Грановскаго, вѣроятно, внушилъ своей дочери мысль, что Грановскому слѣдуетъ пріѣхать по окончаніи университета, на лѣто въ Орелъ, и что, иначе, онъ не женится. Дѣвушка стала настаивать на поѣздкѣ. Грановскій отлично понималъ, что если онъ поѣдетъ, то любовь возьметъ верхъ и, очень можетъ быть онъ совсѣмъ останется тамъ и всѣ его прекрасныя мечты о поѣздкѣ въ Германію [577]) для научныхъ занятій разлетятся въ прахъ, и онъ рѣшилъ оставаться въ Петербургѣ, но рѣшилъ только тогда, когда пришелъ къ убѣжденію, что долгъ повелѣваетъ ему сначала составить себѣ положеніе, а потомъ жениться [578]). Что происходило въ немъ въ это время, можно судить по слѣдующему отрывку изъ его письма къ сестрѣ: „Это, конечно, стыдно, но я иногда чувствую, что не могу устоять противъ нея; мысль, что я могу ее огорчить, превращаетъ меня въ ребенка,

---

[576]) Гран. и его пер. т. II, стр. 26.
[577]) Гран. и его пер. т. II, стр. 26.
[578]) Гран. и его пер. т. II, стр. 26—27, 35.

я не смѣю быть благоразумнымъ и твердымъ. Я ей написалъ довольно таки благоразумное письмо, но десять разъ, по крайней мѣрѣ, былъ готовъ разорвать его. Я не скрываю отъ васъ, что она властвуетъ надо мною. Эта власть велика, даже слишкомъ велика. Много разъ я намѣревался написать ея отцу, что готовъ сообразоваться съ его желаніями и пріѣхать, когда онъ того захочетъ, къ счастью, до сихъ поръ, мой собственный здравый смыслъ и совѣты лицъ гораздо старше меня, а слѣдовательно, болѣе мудрыхъ, поддерживали меня, но, наконецъ, надо же положить предѣлъ этой борьбѣ и неизвѣстности, и рѣшиться на что-нибудь. Напишите мнѣ вы, которая находитесь на мѣстѣ, ваше мнѣніе; вы ее часто видите такъ же, какъ и ея отца, такъ скажите-же, что, по вашему, надлежитъ мнѣ дѣлать? Я жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, до полученія я не скажу ничего рѣшительнаго ея отцу, а напишу ему только просто, что не могу пріѣхать“ [579]).

Послѣ отказа Грановскаго пріѣхать пошли мелочныя дрязги, задѣвавшія самолюбіе молодого человѣка и понемногу разочаровавшія его въ дѣвушкѣ, которую онъ, однако, все-таки продолжалъ любить, но уже далеко не такъ, какъ прежде. Во время самаго разгара взаимныхъ уколовъ, которые наносили другъ другу негласные женихъ и невѣста, Гранов-

[579]) Гран. и его пер. т. II, стр. 27.

скому опять предложили ѣхать въ Германію для подготовки себя къ профессорской дѣятельности; онъ согласился, о чемъ и писалъ сестрѣ [580]) и, уже согласившись—заѣхавъ проститься къ своимъ въ деревню—заѣхалъ къ А., и предоставилъ ей рѣшить его судьбу, считая, по всѣмъ вѣроятіямъ, что теперь, когда онъ охладѣлъ, онъ болѣе чѣмъ когда-либо, обязанъ исполнить свой долгъ [581]). Но почему же спросятъ насъ, Грановскій не сдѣлалъ этого сразу? Почему, когда ему сдѣлали предложеніе ѣхать, онъ далъ согласіе, не спросивъ у А. ея мнѣнія, и только просилъ сестру быть у нея адвокатомъ? [582]). А потому, отвѣтимъ мы что, потребности его ума, жаждавшаго дальнѣйшаго развитія, были слишкомъ велики и на первое время перевѣсили всякія соображенія, но когда онъ опомнился, и принужденъ былъ самъ себѣ признаться, что всѣ разговоры о созданіи положенія, о томъ, что необходимо принять сдѣланное ему предложеніе, столько же для ея, сколько и для его спокойствія, ничто иное, какъ софизмы, маскирующіе его стремленіе къ самообразованію, то въ немъ, почти что въ послѣднюю минуту, заговорилъ голосъ долга, и онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить и, за это, получилъ должную награду: ему, какъ мы знаемъ, разрѣшили ѣхать. Это было не легкое испытаніе: на карту была по-

[580]) Гран. и его пер. т. II, стр. 45, 47.
[581]) Гран. и его пер. т. II, стр. 26, 30, 35.
[582]) Гран. и его пер. т. II, стр. 45.

ставлена вся его дальнѣйшая судьба. Искушеніе избѣжать такого положенія, вѣроятно, было велико, но онъ ему не поддался. Отнынѣ Грановскій сдѣлался на всегда человѣкомъ долга, отъ исполненія котораго ничто на свѣтѣ не въ силахъ было его отвратить. Теперь онъ могъ спокойно выступить на жизненное поприще, не боясь заблудиться или свихнуться.

Что-же касается индивидуальности молодой дѣвушки, ясно, что она имѣла большое значеніе во всей этой исторіи. Будь А. болѣе искренна, поддавайся она меньше вліянію окружающихъ и окажись болѣе уступчивой, по всѣмъ вѣроятіямъ, Грановскому не пришлось-бы подвергать такой трудной провѣркѣ чувство долга, и весьма возможно, что онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться профессоромъ, превратился-бы въ мирнаго помѣщика или въ исполнительнаго чиновника. Съ другой стороны, не будь А. такъ безкорыстна по природѣ, такъ благородна, такъ неэгоистична, она не разрѣшила бы ему уѣзжать и его судьба была-бы та же, что и въ предположенномъ случаѣ, но такова, какова она была, она сказала ему „partez“ и, этимъ самымъ, дала свое согласіе на его дальнѣйшее развитіе, позволила ему научно совершенствоваться, дополнить свои свѣдѣнія, и подготовиться къ дѣятельности, прославившей его.

Но, кромѣ только что описаннаго эпизода, другое происшествіе тоже взбударажило студента и прину-

дило его бросить свои занятія и опять скакать на перекладныхъ къ себѣ въ деревню. Домашніе убѣдили его любимую сестру Варвару выйти замужъ за человѣка, котораго она не любила. Объ этомъ узналъ ея братъ и, не долго думая, бросился ее спасать. Пріѣхавъ въ Погорѣльцы, онъ засталъ сестру горюющей и тоскующей. Убѣдившись, что она, дѣйствительно, не любитъ своего жениха, Грановскій сѣлъ за столъ и написалъ послѣднему письмо, въ которомъ откровенно сообщилъ ему результаты своихъ наблюденій и этимъ прекратилъ домогательства претендента и страданія сестры [583]).

Этотъ случай показываетъ, что молодой человѣкъ достигъ высокой степени нравственнаго совершенства, что онъ былъ неподдѣльно искрененъ и, прямой, открытый образъ дѣйствія, предпочиталъ всякимъ подходамъ и изворотамъ. Другой случай, имѣвшій мѣсто въ дни его пребыванія въ Погорѣльцахъ, и вскорѣ послѣ перваго, подтверждаетъ сдѣланное сейчасъ нами заключеніе. Въ домѣ отца M-lle A* Грановскій встрѣчался съ молодымъ человѣкомъ, въ которомъ заподозрилъ соперника. Какъ только мысль эта пришла ему въ голову, онъ сообщилъ свое предположеніе M-lle A* и попросилъ её выбрать между нимъ и предполагаемымъ соперникомъ, и для одного изъ нихъ закрыть двери дома. Выборъ дѣвушки палъ на Грановскаго, о чемъ

---

[583]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 27.

онъ и сообщилъ бѣдному вздыхателю. Дуэль не состоялась только потому, что въ это дѣло вмѣшались третьи лица[584]). Такое благородство характера, можетъ быть врожденное, но, несомнѣнно, развитое откровенными бесѣдами матери съ сыномъ, явившимися слѣдствіемъ привязанности его къ ней, заставляло юношу удивляться и цѣнить благородство и въ другихъ: „но я положительно уважалъ моряка“, писалъ Грановскій объ одномъ изъ своихъ товарищей, „и это не смотря на то, что онъ совсѣмъ молодой человѣкъ. Я никогда не встрѣчалъ болѣе благороднаго характера! Судите сами: не имѣя никакого состоянія, онъ, тѣмъ не менѣе, получивъ за два дня до своего отъѣзда жалованіе впередъ, за цѣлый годъ, три тысячи рублей,—это для него составляло весьма значительную сумму,— что же вы думаете сдѣлалъ? Отдалъ всѣ ихъ, безъ остатка, нуждавшемуся товарищу и уѣхалъ въ плаваніе, безъ копѣйки въ карманѣ и нисколько объ этомъ не сожалѣя. Я горжусь знакомствомъ съ нимъ и тѣмъ, что съ нимъ близокъ[585]). Если Грановскій гордился своими хорошими отношеніями съ такимъ товарищемъ, какъ Тимковскій, то Тимковскій съ такимъ же правомъ могъ гордиться дружбой съ Грановскимъ, который по скромности ли, или потому, что съизмала привыкъ жертвовать своими интересами для другихъ, самъ не замѣчалъ, что достоинъ

584) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 27.
585) Гран. и его пер. т. II, стр. 40.

удивленія и уваженія. „Въ ту минуту, когда я вамъ пишу, въ моемъ распоряженіи только 20 рублей", извиняется Грановскій передъ сестрою за то, что онъ не можетъ купить нравившееся ей пальто. „Для меня это цѣлое состояніе", продолжаетъ онъ, „Баумгартъ нуждался и я ему одолжилъ сто пятьдесятъ рублей, которые онъ будетъ въ состояніи возвратить мнѣ не ранѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, другой мой товарищъ тоже занялъ у меня сотню, такъ что я принужденъ самъ занимать для своего существованія" [586]). Въ другой разъ, онъ тоже не задумался, деньги, нужныя ему для поѣздки за границу, отдать нуждавшемуся пріятелю [587]).

Если ко всѣмъ разсказаннымъ нами фактамъ университетской жизни Грановскаго прибавить, — что онъ взялъ на себя не легкую обязанность: слѣдить за образованіемъ своего брата, что, благодаря его настояніямъ, младшую сестру помѣстили въ пансіонъ въ Москвѣ, что онъ продолжалъ интересоваться малѣйшими подробностями жизни сестеръ [588]), и исполнялъ всѣ ихъ порученія [589]) такъ же, какъ и М-lle Герито [590]), что ему приходилось все время заботиться самому объ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ, далеко не блестящихъ,—мы будемъ въ правѣ заключить, что жизнь добросовѣстно исполнила свои

[586]) Гран. и его пер. т. II, стр. 28.
[587]) А. Станкевичъ, т. I, стр. 46.
[588]) Гран. и его пер. т. II, стр. 12, 13, 15.
[589]) Гран. и его пер. т. II, стр. 11.
[590]) Гран. и его пер. т. II, стр. 159.

обязательства: не позволить ему слишкомъ зарываться въ книгахъ, вдаваться въ теорію и держать его на уровнѣ повседневныхъ человѣческихъ интересовъ.

Въ общемъ, обстоятельства, происшедшія въ теченіе трехъ лѣтъ пребыванія Грановскаго въ университетѣ, повліяли на него такъ же, какъ и обстоятельства предшествующихъ лѣтъ: они способствовали установленію преобладанія эмоціональнаго „я“ надъ интеллектуальнымъ, хотя въ тоже время, уменьшили размѣры этого преобладанія, но не настолько однако, чтобъ помѣшать волѣ управляться, главнымъ образомъ, чувствомъ, а не умомъ. Преобладаніе это было все-таки настолько велико, что въ теченіе трехъ лѣтъ своего пребыванія въ университетѣ, Грановскій былъ искренно убѣжденъ, что не потребности ума побуждаютъ его идти впередъ, учиться и развиваться, но желаніе составить себѣ положеніе, чтобъ скорѣе быть полезнымъ своимъ. Выше мы уже отмѣтили тотъ фактъ, что университетскія занятія такъ-же, какъ и частныя, вліяли въ томъ же смыслѣ, т. е., они тоже способствовали установленію преобладанія его эмоціональнаго „я“ надъ интеллектуальнымъ. Этимъ, однако, мы не хотимъ сказать, что его интеллектуальное „я“ было поглощено эмоціональнымъ, а только то, что равновѣсіе ума, воли и чувства составляющее идеалъ психической организаціи, въ Грановскомъ было нарушено преобладаніемъ чувства надъ всѣми остальными элементами души.

Очень вѣроятно, что среда только увеличила врожденное преобладаніе. Чтобы быть точнѣе, мы скажемъ даже такъ: что соціальныя чувства, имѣвшія возможность упражняться съ дѣтства болѣе другихъ, служили камертономъ всего его духовнаго существа. Чтобы дополнить нравственный обликъ Граповскаго, замѣтимъ, что наклонность къ насмѣшкѣ и къ злословію, на что мы выше обратили вниманіе, и чѣмъ онъ отличался до поступленія въ университетъ, повидимому, уменьшалась по мѣрѣ того, какъ росли соціальныя чувства, и на столько, что дѣлалась незамѣтной для лицъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Такъ, И. С. Тургеневъ, познакомившійся съ нимъ въ послѣдній годъ его пребыванія въ университетѣ, говоритъ о немъ слѣдующее: „Я смутно помню отрывокъ изъ драмы Фаустъ, прочитанный имъ мнѣ въ одинъ темный зимній вечеръ въ большой и пустой его комнатѣ, за шаткимъ столикомъ, на которомъ вмѣсто всякаго угощенія стоялъ графинъ воды и банка варенья.— Въ отрывкѣ этомъ Фаустъ былъ представленъ (со словъ одной старинной нѣмецкой легенды), высоко поднявшимся на воздухъ вмѣстѣ съ Мефистофелемъ; обозрѣвая широко раскинувшуюся землю, рѣки, лѣса, поля, жилища людей, Фаустъ произносилъ задумчивый, полный грустнаго созерцанія монологъ, показавшійся мнѣ тогда прекраснымъ... Мефистофель безмолвствовалъ; я впрочемъ и теперь не могу себѣ представить, какія бы рѣчи вложилъ Гранов-

скій въ уста бѣсу. Иронія, особенно иронія, ѣдкая и безжалостная, была чужда его свѣтлой душѣ"... [591]). Однако, мы съ ней тамъ и сямъ еще встрѣчаемся въ его письмахъ. Что же касается его общительности, явившейся слѣдствіемъ развитыхъ соціальныхъ чувствъ, которую въ зародышѣ мы подмѣтили въ немъ еще въ дѣтскіе годы, она, конечно, развилась тоже, но нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ прежде: не столько выѣздами, вечерами и театромъ, сколько дѣловыми встрѣчами и заботами о благѣ ближнихъ. Наконецъ, относительно здоровья Грановскаго слѣдуетъ сказать, что оно, какъ мы знаемъ, плохо справлялось съ лишеніями и непріятностями: его письма полны жалобъ на плохое его состояніе, чѣмъ продолжала пользоваться наслѣдственность, все больше и больше развивавшая въ немъ спленъ и ипохондрію. Минутами на него находило такое отчаяніе, что онъ думалъ о самоубійствѣ [592]), противъ чего возмущалось его религіозное чувство. Чтобъ какъ-нибудь заставить его замолчать, онъ придумывалъ всякія оправданія и старался убѣдить себя, что антирелигіознаго въ самовольномъ прекращеніи жизни нѣтъ ничего [593]), но эти старанія не привели ни къ чему: религіозное чувство взяло верхъ и онъ остался жить.

---

[591]) П. С. Тургеневъ, полн. собр. сочин. Изд. Маркса, т. XII, стр. 344. Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 9.

[592]) Гран. и его пер. т. II, стр. 157, 160.

[593]) Гран. и его пер. т. II, стр. 157, 160.

Итакъ благородный, искренній, готовый придти на помощь къ своему ближнему, жертвовать для него своими собственными интересами, любящій; способный упорно бороться съ трудностями жизни; всегда вѣрный идеѣ долга, служащаго для него надежнымъ проводникомъ на жизненномъ пути; религіозный, примѣрный сынъ, не менѣе примѣрный братъ; идеалистъ, испытавшій горечь разочарованія, знакомый по опыту съ невзгодами житейскими; поэтъ, одаренный живымъ, немного саркастическимъ умомъ; хорошо образованный, общительный, немного свѣтскій человѣкъ, болѣзненный и склонный къ ипохондріи; способный понять и все простить, болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ,—таковъ былъ Грановскій въ 22 года. Знавшіе его, уже въ это время относились къ нему съ уваженіемъ [594]).

Qui se ressemble s'assemble. Какъ разъ это и произошло, не задолго до отъѣзда Грановскаго за границу, когда онъ встрѣтился съ Николаемъ Станкевичемъ, имѣвшимъ большое вліяніе на его нравственное и умственное развитіе. Станкевичъ во многомъ походилъ на Грановскаго: онъ былъ поэтъ [595]), обладалъ любящимъ привязчивымъ сердцемъ [596]), придавалъ большое значеніе чувству дружбы [597]),

---

[594]) П. С. Тургеневъ, ib. т. XII, стр. 344.
[595]) П. Анненковъ, т. III. „Н. Станкевичъ“, стр. 277—279, 289, 293, 326.
[596]) П. Анненковъ, ib. стр. 277, 289.
[597]) П. Анненковъ, ib. стр. 289.

проникнуть былъ религіознымъ чувствомъ; [598]) пустившимъ въ немъ глубокіе корни, чувствомъ, которое философія лишь интеллектуализировала; прямой, искренній [599]), жаждущій идеала [600]), онъ отличался отъ Грановскаго главнымъ образомъ особенною любовью къ отвлеченному мышленію [601]), побуждавшему его искать отвѣты на всѣ мучившіе его вопросы сначала у Шеллинга, а потомъ у Гегеля. Двѣ, три встрѣчи, нѣсколько сказанныхъ другъ другу фразъ оказались достаточными для того, чтобы соединить молодыхъ людей узами тѣсной дружбы [602]), разорванными черезъ четыре года преждевременною смертью апостола гегельянства въ Россіи. Не смотря на то, что онъ былъ однихъ лѣтъ со своимъ другомъ, Станкевичъ подчинилъ его своему вліянію, своею способностью къ отвлеченному мышленію. Когда Грановскій, испуганный громадностью историческаго матеріала, который ему предстояло одолѣть, усумнился въ себѣ и сообщилъ ему свои сомнѣнія, онъ получилъ отъ него слѣдующаго содержанія письмо: „Мужество, твердость, Грановскій! не бойся формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—

---

[598]) П. Анненковъ. ib. стр. 277.
[599]) П. Анненковъ, ib. стр. 294.
[600]) П. Анненковъ, ib. стр. 294.
[601]) П. Анненковъ, ib стр. 286 287, 288, 317—320, 323—324, 326—327.
[602]) П. Анненковъ, ib. стр 321.

жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіею! Занимайся тѣмъ и другимъ: эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя наслажденіе. Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ“ [603]). Нѣсколько времени спустя, Грановскій, все-таки неуспокоенный, удрученный мыслью, что поставилъ себѣ задачу, превосходящую его силы, признался ему, что его беретъ и другое сомнѣніе: не ошибся ли онъ, вообразивъ себя способнымъ сдѣлаться профессоромъ, и не произошла ли такая ошибка вслѣдствіе непозволительной съ его стороны самоувѣренности. Въ отвѣтъ на это признаніе, Станкевичъ написалъ другое письмо, въ которомъ разсказалъ своему другу, собственную свою жизнь, со всѣми ея неопредѣленными стремленіями и долгими колебаніями. Въ немъ онъ говоритъ: „Грановскій вѣришь-ли? оковы спали съ души, когда я увидѣлъ, что внѣ одной всеобъемлющей идеи—нѣтъ знанія; что жизнь есть самонаслажденіе любви, и что все другое—призракъ. Да, это мое твердое убѣжденіе. Теперь есть цѣль передо мною: я хочу полнаго единства въ мірѣ моего знанія, хочу дать себѣ отчетъ въ каждомъ явленіи, хочу видѣть связь его съ жизнію

---

[603]) П. Анненковъ, ib. стр. 321.

цѣлаго міра, его необходимость, его роль въ развитіи одной идеи. Что-бъ ни вышло, одного я этого буду искать“ [604]). Эта исповѣдь была ничто иное, какъ особенная форма совѣта, пришедшагося, какъ нельзя болѣе кстати. Если въ чемъ-нибудь Грановскій, въ особенности, нуждался, такъ это, именно, въ объединеніи своихъ знаній, и въ еще большей интеллектуализаціи своихъ чувствъ, въ подчиненіи ихъ уму и въ томъ, чтобы быть въ состояніи понимать и все простить, на столько же умомъ, на сколько онъ могъ это дѣлать сердцемъ. Никакая философская система не могла ему придти лучше на помощь, какъ система Гегеля; того Гегеля, который по удачному выраженію проф. Керда „являлся идеалистомъ, для котораго истина, была поэзіей, а религія, составляла одно съ философіею, но — идеалистомъ, въ одеждѣ безупречнаго и точнаго гражданскаго чиновника прусскаго правительства [605]), провозгласившаго, что дѣйствительное, есть разумное, что душа міра справедлива; но все это, не въ смыслѣ прославленія существующаго порядка, а въ томъ смыслѣ, что исторія есть прогрессивное проявленіе разума и что, поэтому, никакая истинная реформа невозможна, если она по существу не есть развитіе“ [606]).

---

[604]) П. Анненковъ, ib. стр. 323.
[605]) Пр. Кердъ, Гегель, ib. стр. 101.
[606]) Пр. Кердъ, ib. стр. 102.

Положеніе гегелевской философіи, о которомъ мы только что говорили, какъ бы подразумѣваетъ другое, служащее отвлеченнымъ выраженіемъ высшей степени гуманности, а именно,—то, которое гласитъ, „что понять, значитъ все простить“. И въ самомъ дѣлѣ, чтобъ допустить разумность какого-нибудь явленія, надо во-первыхъ, понять его связь съ цѣлою эволюціею, въ развитіи которой оно составляетъ лишь моментъ, а затѣмъ,—объяснить его. Чтобъ извинить, или простить, съ точки зрѣнія общепризнанныхъ нормъ, тотъ или другой человѣческій поступокъ, надо также понять зависимость его отъ среды, отъ воспитанія, отъ наслѣдственности и т. п., а затѣмъ,—тоже объяснить его, что, въ концѣ концовъ, приведетъ къ признанію относительной его разумности.

Нѣкоторыя лица, по природѣ, склонны извинять чужія заблужденія; они, какъ бы инстинктивно, чувствомъ, при минимумѣ участія ума, однимъ словомъ, своимъ эмоціональнымъ „я“ понимаютъ ихъ и прощаютъ; такія лица—гуманны сердцемъ. Но есть другая категорія лицъ, извиняющихъ проступки ближнихъ потому, что они, своимъ умомъ, при минимумѣ участія чувствъ, иначе говоря, интеллектуальнымъ „я“ постигли справедливость положеніе „понять, значитъ все простить“; такія лица—гуманны умомъ.

Грановскій, бывшій, до своей поѣздки за границу, главнымъ образомъ гуманенъ сердцемъ, благодаря философіи Гегеля, въ которой онъ нашелъ разум-

ное оправданіе тому, что подсказывало ему чувство, сдѣлался гуманенъ умомъ; а благодаря вліянію Фроловой не ударился въ крайность и не далъ въ себѣ гуманному умомъ человѣку перевѣсить надъ гуманнымъ сердцемъ, а принудилъ его слиться со вторымъ, дополнить его, но не поглотить. Точно также благодаря вліянію Станкевича, поэта обстракціи, приведшаго своего друга въ соприкосновеніе съ поэтомъ истины, въ Грановскомъ, поэтъ-историкъ не былъ поглощенъ философомъ, критикомъ и ученымъ, образованнымъ берлинскимъ университетомъ, а только дополненъ историкомъ мыслителемъ. Оба эти вліянія, Фроловой и Станкевича, въ связи съ вліяніемъ театра и музыки [607]) сгладили, еще оставшіяся неровности характера Грановскаго и способствовали образованію въ высшей степени гармоничнаго цѣлаго, въ которомъ поэтъ-историкъ незамѣтно преобладалъ надъ историкомъ мыслителемъ, эмоціональный человѣкъ надъ интеллектуальнымъ, а нравственный человѣкъ являлся во всей своей чудной ослѣпительной красотѣ, способный искренно страдать отъ того, что братъ во время не заплатилъ его долгъ портному, [608]), проникнутый идеею долга до такой степени, что могъ мучиться боязнью, не быть въ состояніи исполнить его относительно своей родины [609]).

---

[607]) А. Станкевичъ, ib. т. I. стр. 54, 55, 68—69, 85.
[608]) Гран. и его пер., стр. 65.
[609]) Гран. и его пер., стр. 71.

Да, Тимофей Николаевичъ былъ правъ, когда впослѣдствіи писалъ профессору Вердеру. „Если-бы вы знали, какъ мнѣ и теперь еще близки берлинскіе друзья и берлинская жизнь, съ какою горячею любовью я вспоминаю тѣ дни. Я столько пережилъ въ эти четыре года радостей — и столько горестей, столько потерялъ и столько пріобрѣлъ, что сталъ другимъ человѣкомъ“ [610]).

И на самомъ дѣлѣ, Грановскій возвращался изъ Берлина, уравновѣшанный, снисходительный съ совсѣмъ почти исчезнувшей привычкой насмѣхаться и иронизировать; возвращался: ученымъ, благодаря Ранке [611]), умѣющимъ владѣть критическимъ скальпелемъ, благодаря Станкевичу, и Вердеру, съ ниткою Аріадны въ рукѣ, которая могла ему помочь ориентироваться въ лабиринтѣ историческаго матеріала, воодушевленный симпатіею, „которая одна“, по мнѣнію Тена, „въ состояніи воспроизвести исчезнувшіе и чуждые нравы“ [612]), болѣе того, способный къ широкимъ симпатіямъ, открывающимъ двери исторіи [613]); съ закаленною въ житейской борьбѣ волею, но и съ еще больше пошатнувшимся здоровьемъ и съ еще болѣе развитою ипохондріею.

Въ общемъ, если до поѣздки за границу, Грановскій не успѣлъ еще сформироваться, то за границей

---

[610]) Гран. и его пер. т. II, стр. 440—441.
[611]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 53.
[612]) Taine Histoire de la littérature francaise. Paris. 1863. t. III. p. 481.
[613]) Taine. ib. t. III, p. 494.

онъ закончилъ свое умственное и нравственное развитіе, чѣмъ, однако, мы не хотимъ сказать, что онъ остановился и дальше не пошелъ: такое заявленіе шло-бы въ разрѣзъ съ фактами; а потому, говоря, что 26 лѣтній Грановскій возвратился въ Москву сформированнымъ, мы хотимъ отмѣтить то обстоятельство, что къ этому времени онъ настолько созрѣлъ, настолько умственно и нравственно опредѣлился, что смѣло могъ начать свою дѣятельность съ полною увѣренностью принести пользу своей родинѣ, и что дальнѣйшее его самосовершенствованіе выражалось въ небольшихъ измѣненіяхъ его психической организаціи [614]), исключавшихъ возможность прежнихъ быстрыхъ шаговъ впередъ. Короче, если до поѣздки въ Берлинъ онъ больше бралъ отъ среды, чѣмъ ей давалъ, то теперь, наоборотъ, онъ сталъ ей больше давать, чѣмъ брать отъ нея.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію подвига жизни Грановскаго, мы остановимся немного на трехъ фактахъ московской жизни нашего профессора: на смерти Станкевича, смерти Фроловой и его женитьбѣ.

Объ эти смерти поразили его въ глубь сердца, „никому на свѣтѣ не былъ я такъ обязанъ, его вліяніе на меня было безконечно благотворно, этого можетъ быть, кромѣ меня, никто не знаетъ. Страшно

---

[614]) А. Станкевичъ, ib. т. I, стр. 268.

подумать о его смерти“ [615]), писалъ Грановскій Невѣрову, вскорѣ послѣ того, какъ узналъ о смерти своего друга. Въ то же почти время онъ выразился о немъ, въ письмѣ къ сестрамъ, такъ: „мое сердце сжалось такъ-же, какъ и послѣ смерти мамы. Вы знаете наши отношенія. Онъ былъ для меня больше чѣмъ братъ. Десять братьевъ не могли бы замѣнить одного Станкевича. Половина моего „я“, и притомъ, самая лучшая, самая благородная сошла въ могилу. Онъ былъ нашимъ благодѣтелемъ, нашимъ учителемъ, нашимъ общимъ братомъ“ [616]). Три года позже, вотъ, что мы находимъ въ его письмахъ. „Будетъ время, когда Станкевичу воздвигнется другой памятникъ — изъ нашихъ дѣлъ, нашей жизни, проникнутой памятью его словъ и помысловъ. Всѣ мы обязаны ему полнотою нашей жизни, я — болѣе всѣхъ. Если мнѣ суждено совершить что-нибудь въ жизни — то это будетъ дѣломъ Станкевича, который вызвалъ меня изъ ничтожества... Кто зналъ близко Станкевича, для тѣхъ онъ не умеръ. Я во всемъ чувствую его присутствіе: великое поэтическое произведеніе, теплый лунный вечеръ, чистая минута душевной жизни — вездѣ является онъ и объясняетъ мнѣ смыслъ всего. Иногда мнѣ, право, слышится его голосъ“ [617]).

Также тяжко отозвалась на его нѣжной и благо-

---

[615]) Гран. и его пер. ib. т. II, стр. 404.
[616]) Гран. и его пер. ib., стр. 101.
[617]) А. Станкевичъ, ib., стр. 172—173.

дарной душѣ смерть Елизаветы Павловны Фроловой. „Смерть Николая и Фроловой, вотъ, что меня безпокоитъ. Я ихъ часто вижу во снѣ и каждый разъ, какъ это случается я чувствую себя хуже“— жаловался онъ сестрамъ [618]).

Женитьба явилась лѣкарствомъ противъ нравственныхъ потрясеній, не проходившихъ даромъ и для его слабаго здоровья. Сдѣлавшись женихомъ, Грановскій воспрянулъ духомъ, и, какъ-бы прозрѣвая будущее, въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ, предсказалъ ей то, что потомъ случилось въ дѣйствительности. „Не являетесь-ли вы для меня тѣмъ, чѣмъ были для меня мать, сестры, Станкевичъ наконецъ, не находитесь-ли вы тутъ для того, чтобы замѣнить мнѣ все, что я любилъ, что я еще люблю въ этомъ мірѣ? Всѣхъ ихъ нахожу я въ васъ“ [619]). Но замѣняя дорогихъ покойниковъ и милыхъ отсутствующихъ, его невѣста сдѣлала нѣчто большее: она возвратила его къ религіи; „благодаря тебѣ я возвращаюсь къ религіозному чувству, которое воспитала во мнѣ мать, но которое заглушило грустно проведенная молодость“ [620]). Сдѣлавшись-же женой, она поддерживала его въ трудныя минуты жизни и, когда безпощадная наслѣдственность завладѣла его ослабшимъ организмомъ и, въ

---

[618]) Гран. и его пер. іb. т. II, стр. 107—108.
[619]) Гран. и его пер. т. II, стр. 218.
[620]) Гран. и его пер. т. II, стр. 231. А. Станкевичъ, іb. т. I, стр. 269—270.

видѣ страсти къ карточной игрѣ, проснулась съ новою силою,—она поняла и простила. „Счастье наше было такъ велико и свято," писала Грановская, послѣ смерти мужа, „что говорить о немъ казалось какимъ-то святотатствомъ. Самъ Тимоша, при всей экспансивности своей, не часто говорилъ о немъ съ близкими и положительно никогда съ людьми, ложно или вовсе не понимавшихъ нашихъ отношеній. Другая причина непониманія лежала въ томъ, что и лучшіе люди не могли отрѣшиться отъ привычки прикладывать общую мѣрку къ человѣку, какъ Тимоша. Они видѣли одну внѣшнюю сторону нашей жизни. Заставая меня часто одну, больную, иногда въ хандрѣ, они очевидно все относили къ семейнымъ неудовольствіямъ, обвиняя одного Тимошу. Мнѣ-же ставили въ заслугу терпимость къ Тимошѣ, будто онъ нуждался въ снисхожденіи отъ меня!— меня называли отличной женой, кроткой и терпѣливой (странно, что даже нѣкоторые изъ близкихъ могли такъ ошибаться)?. При жизни его и моей я не старалась разувѣрять никого, объясненія казались мнѣ не нужными и унизительными для него и для меня, онъ также мало заботился о подобныхъ толкахъ и часто отъ души смѣялся имъ.

То, что давалъ онъ мнѣ, никто не могъ видѣть. Какъ высоко, какъ идеально понималъ онъ бракъ какъ никогда, до конца своей жизни онъ ни разу не отступилъ на дѣлѣ отъ этихъ убѣжденій, этого почти никто не зналъ [621]).

[621]) Грап. и его пер., т. II, стр. 217—218.

Не правда-ли, прочитавъ эти строки, какъ-то невольно напрашивается замѣчаніе, что жена была достойна мужа, который, повторяемъ, въ теченіе своего пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Москвѣ, мало измѣнился и оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по возвращеніи изъ Берлина: человѣкомъ, ученымъ и профессоромъ „чистымъ, какъ лучъ солнца; баярдомъ мысли, рыцаремъ безъ страха и упрека“ [622]), про котораго, кромѣ того, можно было сказать то, что, словами великаго трагика, сказалъ про Грановскаго знавшій его Б. Н. Чичеринъ:

He was a man, take him for all in all,
Jou chall not look upon his like again. [623])

Кто-же, какъ не такой человѣкъ, способенъ былъ завладѣть сердцемъ и умомъ молодежи, внушить къ себѣ и къ своимъ убѣжденіямъ довѣріе, угадать ея недоумѣніе относительно существованія двухъ прогрессовъ, объяснить ей въ чемъ состоитъ настоящій прогрессъ, а для этого вѣрнымъ чувствомъ дѣйствительности угадать сущность совершавшихся въ русскомъ обществѣ соціальныхъ процессовъ? И чье объясненіе, какъ не Тимофея Николаевича, молодежь должна была выслушать съ благоговѣніемъ и съ глубокимъ вниманіемъ?

---

[622]) Никитенко, ib. т. II, стр. 21.

[623]) Б. Чичерин. Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Москва 1897 г. Посвященіе памяти Т. Н. Грановскаго. „Это былъ человѣкъ, — съ какой стороны его не возьми, — подобнаго ему другой разъ не увидишь“.

Глава IV.

Подвигъ жизни.

Тимофей Николаевичъ извѣстенъ какъ историкъ, какъ общественный дѣятель и какъ профессоръ. Во всѣхъ этихъ трехъ сферахъ дѣятельности, онъ оставилъ замѣтный слѣдъ и составилъ себѣ почетное имя.

Подробно разбирать Грановскаго, какъ историка, не входитъ въ нашу задачу, да и сверхъ того, было бы неблагодарнымъ трудомъ: послѣ сдѣланнаго въ этомъ направленіи проф. Виноградовымъ [624]), а въ особенности проф. Карѣевымъ [625]), врядъ-ли можно сказать что-нибудь новое. Для насъ интереснѣе подвести итоги этой стороны его дѣятельности и указать, какъ отразился въ ней человѣкъ.

„Грановскій былъ первымъ профессоромъ исторіи, который поставилъ на своемъ знамени, идею науки. Онъ первый отрѣшился отъ взгляда на этотъ предметъ, какъ на механическое сужденіе частныхъ

---

[624]) Пр. Виноградовъ. Т. Н. Грановскій. „Русск. мысль“, 1893 г. № 4, стр. 44—66.

[625]) Н. Карѣевъ. Историческое міровоззрѣніе Грановскаго. Годичный актъ императорскаго с.-петербургскаго университета, 8 февр. 1896 г. С.-Петерб. 1896 г. стр. 1—72.

исторій, отдѣльныхъ странъ и народовъ, для того, чтобы возвыситься до всемірно-исторической точки зрѣнія, до представленія исторіи человѣчества, въ нѣдрахъ коего совершается единый по своему существу и по своей цѣли процессъ духовнаго и общественнаго развитія“ [626]).

Назвать его историкомъ-философомъ было бы ошибочно. Профессоръ Чичеринъ въ статьѣ, написанной по поводу уже упомянутой книги Вѣтринскаго, возставая противъ автора, за то, что онъ мало придалъ значенія философскому образованію Грановскаго, въ то-же время самъ говоритъ слѣдующее: „Грановскій не былъ философомъ, его живой натурѣ чужды были всякія систематическія построенія. Но серьезное изученіе философіи дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядовъ, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго пониманія исторіи“ [627]). Того-же мнѣнія профессоръ Виноградовъ: „главное, по натурѣ, и по подготовкѣ, Грановскій не могъ принести жизненности конкретныхъ фактовъ, въ жертву отвлеченному философскому плану“ [628]), говоритъ онъ. Также думаетъ и профессоръ Карѣевъ, основывающійся въ своемъ сужденіи на характеристикѣ, сдѣланной Герценомъ. „Грановскій, сказать

[626]) Н. Карѣевъ, ib. стр 2.

[627]) Пр. Б. Чичеринъ. Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго. Вопросы философіи и психологіи 1897 г. кн. № 36. (1) стр. 3.

[628]) Пр. Виноградовъ. ib. стр. 52.

правду, не имѣлъ ни любви, ни таланта, къ отвлеченному мышленію, но онъ никогда не былъ совершенно чуждъ теоретическихъ интересовъ, особенно по ихъ связи съ практическими вопросами жизни“ [629]), пишетъ проф. Карѣевъ. А вотъ что по этому поводу высказываетъ самъ Герценъ: „Грановскій, сильно сочувствуя тогдашнему направленію, не имѣлъ ни любви ни таланта къ отвлеченному мышленію. Онъ очень вѣрно понялъ свое призваніе, избравъ главнымъ предметомъ занятій, исторію. Изъ него никогда-бы не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безпристрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшиться отъ всего для мысли, или отрѣшиться отъ себя, для наблюденій, онъ не могъ; человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. И развѣ исторія не та-же мысль и не та-же природа, выраженная инымъ проявленіемъ? Грановскій думалъ исторіею, учился исторіею и исторіею дѣлалъ потомъ пропаганду“ [630]).

Итакъ, Грановскій не былъ философомъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, въ особенности, прочитавъ набросокъ историко-философскаго введенія [631]), какъ думаетъ проф. Карѣевъ, въ первый университетскій

---

[629]) Н. Карѣевъ. ib. стр. 5.
[630]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 70—71.
[631]) Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра, 1895 г. С.-Петерб. стр. 308—322.

курсъ и актовую рѣчь его, читанную въ 1852 г. [632]), о современномъ состояніи и значеніи всемірной исторіи. Но изъ того же чтенія можно убѣдиться, что, не будучи философомъ, онъ зато былъ историкомъ-мыслителемъ. Такимъ образомъ, серьезные запросы его ума,—впервые обнаружившіеся въ тотъ день, когда онъ, въ Погорѣльцахъ, по своему собственному желанію, взялъ книгу геометріи и изучилъ ее, принудившіе его покинуть службу и поступить въ университетъ, вызвавшіе борьбу съ чувствомъ любви, а поддержанные Станкевичемъ и Вердеромъ приведшіе его къ изученію философіи Гегеля—въ концѣ концовъ, помогли ему сдѣлаться историкомъ-мыслителемъ, интересовавшимся вопросами философіи исторіи и занимавшимся ими не безъ успѣха. Отношенія философіи и исторіи [633]); отношеніе исторіи къ наукамъ соціальнымъ и юридическимъ [634]); значенія для изученія исторіи: психологіи вообще, и психологіи народовъ въ частности [635]), лингвистики [636]), филологіи [637]), географіи [638]), статистики [639]), этнографіи [640]), антропологіи [641]) и

---

[632]) Актовая рѣчь читателя въ 1852 г. О современномъ значеніи исторіи. Полн. собр. соч. изд. 2 стр. 25—54.
[633]) Н. Карѣевъ, ib., стр. 12.
[634]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 16—17.
[635]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 17.
[636]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 17—18.
[637]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 17—18.
[638]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 18, 21—23.
[639]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 18.
[640]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 20.
[641]) Н. Карѣевъ, ib. стр, 37.

въ особенности естественныхъ наукъ [642]); значенія человѣческихъ расъ для исторіи народовъ [643]); законовъ исторій [644]); роли личности въ исторіи [645]), сущности прогресса [646]), всего этого касался мыслитель, и всѣ эти вопросы старался онъ по мѣрѣ силъ и возможности рѣшить самостоятельно. Но если бы пришлось, основываясь на высказанныхъ имъ взглядахъ, построить стройное, законченное въ общемъ и частномъ, историческое міросозерцаніе, то, врядъ-ли, такая задача оказалась бы исполнимой, что еще разъ доказываетъ, что будучи мыслителемъ, онъ не былъ философомъ, но опять-таки не значитъ, чтобъ у него не было вовсе историческаго міросозерцанія; оно было, но, какъ-бы сказать, — скорѣе, въ видѣ ряда убѣжденій, связанныхъ одной общею идею, чѣмъ въ видѣ строго выдержанной, философски обоснованной исторической теоріи. Идея, позволившая Грановскому подчинить себѣ все разнообразіе историческаго матеріала, была заимствована имъ у Гегеля [647]) и заключалась въ слѣдующемъ: „въ исторіи человѣческой, каждый народъ, каждая эпоха, представляетъ собою извѣстныя идеи, какъ отдѣльные моменты въ единомъ прогрессив-

---

642) П. Карѣевъ, ib. стр. 12—13, 18.
643) П. Карѣевъ, ib. стр. 19.
644) П. Карѣевъ, ib. стр. 30—33, 42.
645) П. Карѣевъ, ib. стр. 34—43.
646) П. Карѣевъ, ib. стр. 43—45.
647) П. Карѣевъ, ib. стр. 12.

номъ развитіи культуры“ [648]). Цѣль человѣчества на землѣ, морально прогрессировать, думаетъ Грановскій, цѣль культуры сдѣлать человѣка болѣе нравственнымъ, иначе говоря, конечная цѣль человѣчества на землѣ заключается въ осуществленіи нравственнаго закона. Къ этой цѣли оно стремится неудержимо [649]). Отдѣльныя лица, въ его глазахъ, имѣли настолько цѣну, насколько способствовали, или препятствовали осуществленію закона. По его мнѣнію, чистота намѣреній и усердіе исполненія, вотъ что дѣлаетъ отвѣтственнымъ людей, а не далекія послѣдствія совершеннаго ими труда [650]).

Но для того, чтобъ умѣть оцѣнить трудъ историческихъ дѣятелей, такъ, какъ онъ это понимаетъ, надо было умѣть все понять, и все простить, т. е.— быть тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ: гуманнымъ до мозга костей. Въ сущности, только такой человѣкъ и могъ додуматься до такого воззрѣнія. Мы видѣли, какъ и почему выработалась въ немъ широкая гуманность, но онъ, сознавая ее въ себѣ, объяснялъ ее нѣсколько иначе. „Ты не правъ, приписывая мнѣ пошлость, въ родѣ: не троньте меня, а я васъ не трону“, писалъ онъ однажды. „Но во мнѣ дѣйствительная, глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, не способной уважать особенность взгляда, которая, у всякаго, сколько-ни-

[648]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 12.
[649]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 42.
[650]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 43.

будь умнаго, мыслящаго человѣка, есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни. Я не хвастаюсь моимъ скептицизмомъ, а говорю о немъ, какъ о фактѣ; знаю, что это нѣчто болѣзненное, можетъ быть, знакъ безсилія, но благодаренъ ему, за то, что онъ воспиталъ во мнѣ истинную, гуманную терпимость“ [651]). Въ этомъ же письмѣ онъ приписываетъ изученію исторіи присутствіе въ себѣ настоящей гуманной терпимости и признается, что не имѣетъ больше желанія насмѣхаться. Но какъ бы Грановскій ни объяснялъ развитіе въ себѣ гуманности, важно то, что она отразилась въ немъ, какъ историкѣ. Важно для насъ знать и другое обстоятельство, а именно то, что, онъ отличался объективностью и безпристрастіемъ, которыя въ немъ явились слѣдствіемъ не индифферентизма, какъ это часто бываетъ, а гуманности, побуждавшей его,—для того, чтобы понять, а потомъ простить,— вникать во всѣ подробности, взвѣсить всѣ обстоятельства, оцѣнить всѣ причины и только тогда произносить приговоры, благодаря такой тщательности изученія, отличавшіеся всегда справедливостью и снисходительностью, но, надо признаться, большею частью, нѣсколько прикрашенные поэтической фантазіею [652]).

Но не одна гуманность побуждала Грановскаго

---

[651]) Гран. и его пер. т. II, стр. 449.
[652]) Ч. Вѣтринскій, ib. стр. 85—86.

такъ тщательно относиться къ историческому изученію, а кромѣ ея и чувство долга, заставлявшее его добросовѣстно исполнять взятую на себя задачу. Оно же побудило его особенно интересоваться переходными эпохами, изучая которыя, онъ надѣялся услышать послѣднее слово всякаго отходившаго, начальную мысль, зарождавшагося порядка вещей, „мнѣ казалось, что только здѣсь“ говорилъ онъ, „возможно опытному уху подслушать таинственный ростъ исторіи, поймать ее на творческомъ дѣлѣ“ [653]). Въ заключеніе мы должны сказать, что мыслитель придавалъ большое значеніе нравственному вліянію исторіи: „современный намъ историкъ“, говоритъ онъ, „еще не можетъ отказаться отъ законной потребности, нравственно вліять на своихъ слушателей“ [654]).

Такимъ образомъ, какъ мы только что видѣли, въ историкѣ-мыслителѣ отразился хорошо намъ знакомый человѣкъ: фанатикъ долга, снисходительный къ другимъ, способный понять и все простить, поэтъ и сверхъ всего высоко-нравственно-настроенный идеалистъ, созданный природою, бесѣдами съ матерью, Станкевичемъ, Фроловой, трудными обстоятельствами жизни и философіею Гегеля.

Но если Грановскаго нельзя было назвать философомъ, его также нельзя назвать историкомъ-кри-

[653]) Н. Карѣевъ, стр. 37. А. Станкевичъ, ib. стр. 246.
[654]) Н. Карѣевъ. стр. 60.

тикомъ. Критика не была его сферой, чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ его магистерская диссертація, далеко не принадлежащая къ лучшимъ его работамъ [655]). Но говоря это, мы отнюдь не хотимъ сказать, что онъ не понималъ значенія критики, напротивъ, въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій находятся восторженные похвалы критическому методу Нибура [656]), методу, съ которымъ онъ впервые познакомился, какъ слѣдуетъ, въ Берлинѣ на лекціяхъ Ранке. Мы хотимъ сказать совсѣмъ другое: что его сердце не лежало къ подобнаго рода работамъ; поэтъ и мыслитель, сидѣвшіе въ немъ, влекли его въ другую сторону, къ синтезу, къ историческому построенію [657]). „Весьма немногія событія отмѣчены," пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій Грановскій, „характеромъ совершенно новыхъ небывалыхъ явленій, для большей части существуютъ поучительныя аналогіи. Въ способности схватывать эти анологіи, не останавливаясь на одномъ формальномъ сходствѣ, въ умѣніи узнавать подъ измѣнчивою оболочкою текущихъ происшествій сглаженныя черты прошедшаго заключается, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живого историческаго чувства, которое въ свою очередь есть высшій плодъ науки" [658]). Вотъ какъ Грановскій понималъ

[655]) Н. Карѣевъ, ib. стр 29.
[656]) Н. Карѣевъ, ib. стр. 28.
[657]) Langlois et Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris 1898 p. 89—116 et surtout p. 97.
[658]) Полн. собр. сочин. Гран. изд. 2. т. II, стр. 242—243.

свою задачу историка. Трудно было лучше опредѣлить свой собственный талантъ, лучше поставить, сообразуясь со своими способностями, цѣль, лучше отвѣтить на потребности современниковъ, лучше, наконецъ, начать работу тамъ, гдѣ ее приходилось, въ полномъ смыслѣ этого слова, начинать [659]).

Мыслитель, поэтъ по природѣ, посвященный, какъ мы сказали выше, поэтомъ-абстракціи въ тайны философіи поэта-истины, обстоятельствами жизни въ ея разочарованія, горести и тягости, благодаря матери, развившій въ себѣ соціальныя чувства, которыя, по мѣрѣ того, какъ они интеллектуализировались, постепенно сливались въ одно общее чувство гуманности, Грановскій былъ созданъ для историческаго синтеза. Всѣ его произведенія, до самыхъ незначительныхъ, носятъ отпечатокъ этой господствующей его способности, всѣ они суть ничто иное, какъ историческіе синтезы, написанные прекраснымъ, простымъ, благороднымъ, сдержаннымъ и въ тоже время поэтичнымъ языкомъ. Тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, вотъ три момента діалектическаго процесса, которымъ Гегель объясняетъ ходъ исторіи. Грановскій - историкъ былъ воплощеніемъ третьяго момента.

Общественная дѣятельность Грановскаго прояви-

---

[659]) В. Иконниковъ. „Русск. Утв.“ „Вѣстн. Евр.“ № 11, стр. 84, 85. С. Шевыревъ. Исторія Императорскаго московскаго университета, стр. 298, 322—323, 334—335, 340, 348, 448, 545, 559. Записки Д. Н. Свербеева, ib. т. I, стр. 91—92.

лась троякимъ образомъ: въ видѣ его участія, въ качествѣ члена кружка западниковъ, въ спорахъ ихъ съ славянофилами, въ видѣ его публичныхъ лекцій и въ видѣ его университетскихъ лекцій. О первыхъ двухъ родахъ его общественной дѣятельности, мы поговоримъ сейчасъ, о послѣднемъ скажемъ тогда, когда коснемся профессора.

Грановскій попалъ въ число западниковъ, нельзя сказать чтобъ случайно, но какъ то незамѣтно, само собой. Выше мы уже упоминали, что западниковъ, какъ особую группу, вызвали къ жизни славянофилы, первые бросившіе перчатку, поднятую людьми, возмущенными ихъ крайностями и дружбою со сторонниками оффиціальной народности, заподозрѣнными въ угодливости правительству со своекорыстными цѣлями. Когда группа, стоявшая за продолженіе, хотя и разумнаго, но все-таки подражанія Европы, обозначилась, Грановскій, — питавшій органическое отвращеніе ко всякимъ крайностямъ; съ дѣтства имѣвшій дѣло съ иностранцами нѣсколько иного типа, чѣмъ тѣ, съ которыми приходило въ соприкосновеніе большинство русскихъ; обязанный своимъ научнымъ и философскимъ образованіемъ Германіи; хорошо знакомый съ исторіею западной цивилизаціи; провозгласившій необходимость нравственнаго самоусовершенствованія и знавшій, какъ далеко отстоитъ Россія отъ его идеала, — конечно, долженъ былъ присоединиться къ тѣмъ, кто преклонялся передъ Европой. Руководимый вѣрнымъ исто-

рическимъ чутьемъ, онъ угадалъ, что для русскаго общества не насталъ еще моментъ прекращенія подражательнаго процесса, боровшагося съ уже ясно обозначившимся и шумно, можетъ быть слишкомъ шумно, заявлявшимъ о своемъ существованіи творческимъ процессомъ. Грановскій своимъ обаяніемъ, своимъ авторитетомъ поддержалъ развитіе подражательнаго процесса тогда, когда такой же, какъ и онъ, рыцарь, но царственный, угадавъ простымъ русскимъ сердцемъ существованіе творческаго процесса, рѣшился помочь его развитію, задержавъ ходъ процесса, поддержаннаго московскимъ профессоромъ. Но ставъ въ ряды сторонниковъ продолженія подражанія, Грановскій остался вѣренъ себѣ: онъ игралъ роль примирителя, старался отдать справедливость противникамъ, понять ихъ, что не мѣшало ему однако, въ особенности не задолго до смерти, иногда выходить изъ терпѣнія и раздражаться филиппикой противъ славянофиловъ [660]). Въ общемъ, и среди западниковъ Грановскій являлся воплощеніемъ третьяго момента діалектическаго процесса— синтеза, но дѣлалъ онъ его не такъ рѣшительно, какъ въ качествѣ ученаго историка и, если хотите, болѣе пристрастно въ пользу западническихъ идей..

Въ первый годъ своего профессорства, въ письмѣ къ Фролову, Тимофей Николаевичъ писалъ: „въ университетѣ у насъ есть движеніе впередъ, жизнь, но

660) Гран. и его пер. іb. т. II, ст. 456—457.

въ этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наибольше надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всѣму, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ положительныхъ интересовъ. Ихъ губитъ матеріализмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ почему университетская жизнь мнѣ кажется искусственною, оторванною отъ остальной русской быти“ [661]). Помочь этой бѣдѣ и задумалъ Грановскій, а для этого онъ выступилъ со своими, надѣлавшими не мало шуму, лекціями. Элегантный, красивый, немного свѣтскій человѣкъ, популярный среди студентовъ, не мало говорившихъ о немъ своимъ роднымъ и близкимъ, онъ привлекъ много любопытныхъ, явившихся, вѣроятно, послушать его отъ нечего дѣлать. Когда-же этотъ человѣкъ, котораго они считали своимъ, принялся научно излагать историческія событія, знакомыя имъ изъ учебниковъ, но, большею частью, основательно забытыя, когда историческія лица предстали живыми передъ ними, когда онъ пригласилъ ихъ слѣдить за медленно развивавшимся процессомъ осуществленія нравственнаго закона, когда онъ ихъ, свѣтскихъ или занятыхъ матеріальными интересами людей, косвенно сталъ приглашать совершенствоваться, трудиться, когда онъ заговорилъ о

---

[661]) Гран. и его пер. ib. т. II стр. 415.

цивилизаторской роли Россіи на Востокѣ и все это, повторяемъ, въ научной и поэтичной формѣ,—свѣтскій и элегантный человѣкъ исчезъ и на его мѣсто выступилъ историкъ-мыслитель, сквозь котораго такъ и проглядывалъ поэтъ и высоко-нравственный человѣкъ. Его неотразимому вліянію они подчинялись всецѣло, а также и вліянію проповѣдоваемыхъ имъ идей. Онъ пробудилъ въ нихъ дремавшія чувства, возбудилъ неопродѣленныя стремленія къ чему то хорошему, убѣдилъ въ жизненномъ значеніи науки, въ необходимости заниматься ею серьезно, въ возможности, благодаря ей, уяснять себѣ многое и испытывать высокія наслажденія. Однимъ словомъ, его слушатели уходили съ его лекціи нравственно лучше. Въ виду же того, что чтенія его продолжались два года подъ рядъ, вліяніе, ими оказанное, успѣло окрѣпнуть и пріобрѣсть прочность. Прослѣдить, насколько оно было прочно, нѣтъ никакой возможности, такъ-же какъ и установить, какъ оно дѣйствовало и на кого подѣйствовало. Неуловимое оно было тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Грановскій безсознательно поступалъ, какъ искусный гипнотизеръ: онъ привлекалъ своихъ слушателей сначала наружностью, затѣмъ очаровывалъ ихъ формою изложенія и уже тогда, завладѣвъ ихъ вниманіемъ, фиксировавъ его на своей личности, внушалъ имъ нравственныя побужденія и главную свою мысль о необходимости нравственнаго самоусовершенствованія и этимъ совершенствовалъ ихъ. Въ обликѣ про-

фессора исторіи, — и тутъ, опять, являвшагося воплощеніемъ синтеза,—передъ ними выступалъ профессоръ этики, отвѣчавшій своими лекціями сокровеннымъ потребностямъ русской души, жаждущей идеала, мучительно ищущей рѣшенія нравственныхъ вопросовъ [662]), и видящей въ наукѣ вѣрное для этого подспорье.

Въ еще большихъ размѣрахъ Грановскій оказалъ вліяніе на студентовъ. Кое-что объ этомъ мы знаемъ изъ его собственнаго письма, приведеннаго выше. Послушаемъ теперь нашего извѣстнаго историка С. М. Соловьева, присутствовавшаго въ качествѣ слушателя при первыхъ его шагахъ. „Когда перешли на второй курсъ, то пріѣхалъ изъ-за границы Грановскій, начавшій читать среднюю и новую исторію. Грановскій, какъ и Крюковъ, не былъ самостоятеленъ, былъ поклонникомъ того же Гегеля, но былъ художникъ первоклассный въ историческомъ изложеніи. Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго была такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью. Крюковъ имѣлъ чисто великороссійскую физіономію: круглое полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтло-русые волосы и свѣтло-каріе глаза. Талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкою рѣчи, къ нему какъ нельзя бо-

---

[662]) Вспомните попытки учительства Гоголя, учительство Достоевскаго и современное намъ учительство гр. Л. Н. Толстого.

лѣе шло прилагательное elegantissimus, какъ мы студенты, его величали. Но при этой элегантности, щегольствѣ, въ немъ самомъ, въ его рѣчи, въ чтеніяхъ, было что-то холодное: его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую, южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ, но и на мужчинъ. Своею наружностью, онъ всего лучше доказывалъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящіе глаза.

Онъ не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: говорилъ онъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшніе недостатки исчезали передъ внутреннимъ достоинствомъ рѣчи, передъ внутреннею силой и теплотой, которая давала жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывала вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, какое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиною, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами. И въ общественной жизни между этими людьми замѣчалось то-же различіе, оба были благороднѣйшіе люди, превосход-

ные товарищи. Но Крюковъ могъ внушать къ себѣ только большое уваженіе, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее. Въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но что всего важнѣе людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскаго, былъ человѣкъ дурной“ [663]).

Теперь послушаемъ другого историка, профессора Бестужева-Рюмина, бывшаго студентомъ въ дни расцвѣта таланта Грановскаго: „Грановскій даровитѣй меня“, вполнѣ искренно говорилъ Кудрявцевъ“, пишетъ Бестужевъ-Рюминъ, „такая оцѣнка совершенно соотвѣтствовала дѣйствительности: точно Грановскій былъ даровитѣй, точно Кудрявцевъ былъ ученѣй. Различіе характеровъ соотвѣтствовало различію талантовъ. Открытый, веселый характеръ Грановскаго такъ-же мало похожъ былъ на задумчивый, сосредоточенный характеръ Кудрявцева, какъ ясное, образное, антично-изящное изложеніе Грановскаго, поражающее умѣніемъ при сжатости сказать все, что нужно для полноты образа и ничего не оставляющее въ туманѣ, не похоже было на обширное, полное самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній изложеніе Кудрявцева. Если на лекціяхъ Гра-

[663]) Воспоминанія о студенческой жизни. ib. стр. 130—132.

новскаго увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ. Въ чтеніяхъ ихъ была замѣтна большая разница: курсъ Грановскаго былъ всегда законченнымъ, ровнымъ во всѣхъ частяхъ. У Кудрявцева были любимыя лица и любимыя эпохи, на которыхъ онъ останавливался съ большею подробностью. Въ Грановскомъ особенно было цѣнно стараніе воспитать въ своихъ слушателяхъ сознаніе вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; стараніе пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются труднымъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія. Не съ насмѣшкой сожалѣнія относился онъ къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ и въ его отношеніяхъ къ настоящему. Но оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать на нравственное чувство и за это имена ихъ будутъ навѣки памятны“ [661]). Черезъ десять лѣтъ по выходѣ изъ университета, когда уже Грановскаго не было на свѣтѣ, Бестужевъ писалъ: „Московскій университетъ долго считалъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, вся жизнь которыхъ была проникнута сознаніемъ высокаго долга про-

[661]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. ib. стр. XV—XVI.

фессора, все помышленіе которыхъ направлено было на исполненіе этого долга. Сильные своимъ сознаніемъ, чуждые и личнаго самолюбія, и личнаго раздраженія, люди эти внушали къ себѣ не только любовь, но какое-то фанатическое обожаніе, почти непонятное для тѣхъ, кто зналъ только ихъ литературную дѣятельность. Въ мрачныя эпохи, которыя не разъ случалось переживать нашему старѣйшему университету, въ нихъ, въ этихъ людяхъ, студенты находили и помощь, и опору; могучее слово ихъ вносило успокоеніе въ колеблющіеся умы, примѣръ ихъ побуждалъ къ дѣятельности въ то время, когда у всѣхъ остальныхъ опускались руки. Вотъ за что мы, ученики Московскаго университета, любили этихъ немногихъ изъ нашихъ профессоровъ, и до сихъ поръ, хотя уже давно они умерли, не заросла дорога къ ихъ могиламъ, и долго ихъ именами, ихъ нравственнымъ вліяніемъ, поддерживалось довѣріе къ ихъ бывшимъ товарищамъ, къ ихъ любимымъ ученикамъ“ [665]).

А вотъ, что говоритъ свидѣтель послѣднихъ его шаговъ на выбранномъ поприщѣ. „Первую лекцію читалъ Т. Н. Грановскій. Еще въ гимназіи мы привыкли благоговѣть передъ этимъ именемъ, читали и восхищались его диссертаціею. „Аббатъ Сугерій,“ предвкушая минуту, когда услышимъ его живое слово. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ аудиторія ждала появленія профессора. Уже сама по себѣ она

---

[665]) Е. Шмурло. ib. стр. 41.

производила импозантное впечатлѣніе: громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшившими занять ближайшія мѣста; на каѳедрѣ по обѣимъ боковымъ колонкамъ стояли два студента въ выжидающихъ позахъ, съ тетрадками и готовымъ карандашомъ въ рукахъ; всѣ ступенки, окружавшія каѳедру были заняты; толпа виднѣлась сзади каѳедры и въ промежуткахъ между скамьями и на подоконникахъ широкихъ рамъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши, видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему то необычному, праздничному, интересному. Но вотъ все стихло, угомонилось; въ мертвой тишинѣ откуда-то издали послышались тяжелые шаги и вслѣдъ затѣмъ Тимофей Николаевичъ своею грузною походкою взошелъ на каѳедру. Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій; передъ нами сидѣлъ пожилой господинъ съ круглымъ брюшкомъ, огромною лысиной, красный и толстый, сидѣлъ неподвижно, молчалъ и отдувался (Т. Н. страдалъ одышкою). Началъ онъ лекцію тихо шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая; вся фигура выражала не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ, (Т. Н. читалъ безъ конспекта), произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіею, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи, стали понем-

ногу развертываться одна за другой картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты; цѣлыя фаланги повѣствуемой эпохи живыми вставали передъ ней; чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ ней давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, какъ то незамѣтно, сами собой вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра. Рядомъ съ мастерски очерченными историческими фактами слушатели воспринимали и тѣ руководящіе принципы, тѣ гражданскія чувства, которыя, вложенныя въ молодую душу, вели и охраняли ее потомъ на предстоявшемъ жизненномъ пути до старости и даже у этой старости отнимали присущіе недуги индиферентизма, черствости и ретроградства. Намъ, вчерашнимъ гимназистамъ, сразу стало понятнымъ, значеніе университетскаго преподаванія, наше сердце уже навсегда было отдано ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ зародилась возможность критическаго, сравнительнаго отношенія къ другимъ лекторамъ, вырабатывалась самостоятельность мысли, складывались убѣжденія и взгляды. Легко себѣ представить наше горе, весь нашъ ужасъ, когда послѣ нѣсколькихъ такихъ лекцій пронеслась грозная вѣсть, что Т. Н. внезапно скончался, и вскорѣ затѣмъ мы, вмѣстѣ

съ несмѣтною толпою, уже провожали тѣло дорогого учителя на Пятницкое кладбище! Эта преждевременная, неожиданная смерть сообщила особенный характеръ тому впечатлѣнію, какое успѣло на счастье нашему выпуску образоваться отъ коротенькаго ряда прослушанныхъ лекцій, оно стало для насъ, какъ-бы завѣщаніемъ „свято и нерушимо“ [666]) хранимымъ“.

Приведенные отрывки почти не требуютъ никакихъ комментарій и даютъ полное представленіе о Грановскомъ, какъ профессорѣ. Ученый мыслитель, поэтъ, безукоризненно нравственный человѣкъ проявился въ профессорѣ такъ ярко, но въ то же время такъ мягко, что своимъ блескомъ не ослѣпилъ слушавшую его молодежь, а притянулъ къ себѣ ея взоры. Изумленная, очарованная, она сразу поняла, что имѣетъ передъ собою надежнаго руководителя. И не ошиблась. Пятнадцать лѣтъ подъ рядъ профессоръ подъ разными формами повторялъ одно и тоже: прогрессъ заключается въ нравственномъ самосовершенствованіи, совершенствуйтесь сами и этимъ вы будете способствовать совершенствованію своего народа и даже всего человѣчества, которое неудержимо стремится къ осуществленію нравственнаго закона. Но повторялъ это профессоръ такъ, какъ до него никто этого не дѣлалъ и, сверхъ того тогда, когда такое повтореніе было необходимо.

---

666) Воспом. о студенч. жизни. ib. стр. 26—29.

И дѣйствительно, кто, раньше Грановскаго, положивъ въ основу своей профессорской дѣятельности вышеприведенный этическій, скажемъ больше, христіанскій принципъ, по мѣрѣ силъ и возможности обосновавъ его научно: исторически и философски, сумѣлъ, затѣмъ, неустанно внушать его, въ теченіе многихъ лѣтъ, собранной вокругъ его каѳедры молодежи и притомъ внушать въ высоко художественной формѣ?

Вѣрно и то, что, если въ чемъ особенно нуждалась современная Грановскому молодежь, сбитая съ толку страстными спорами славянофиловъ и западниковъ, такъ это именно въ уясненіи сущности прогресса.

Наконецъ, вѣрно и то, что только такой человѣкъ, какъ Тимофей Николаевичъ, въ которомъ эмоціальное „я“ немного преобладало надъ интеллектуальнымъ, у котораго слово не шло въ разрѣзъ съ дѣломъ и котораго вся жизнь служила лучшей иллюстраціей къ его профессорской проповѣди, могъ увлечь молодежь и внушить ей, чуткой ко всему хорошему, безграничное довѣріе къ своимъ мыслямъ.

Такимъ образомъ, когда въ верхнихъ слояхъ русскаго общества борьба двухъ процессовъ, подражательнаго и творческаго, усилилась, а вслѣдствіе этого усилилось смятеніе умовъ вообще и умовъ молодежи въ особенности, на каѳедру всеобщей исторіи московскаго университета неувѣренною поступью поднялся, для совершенія своего жизненнаго

подвига, Тимофей Николаевичъ Грановскій. Красивый, задумчивый и хотя молодой, но уже больной, заговорилъ онъ тихимъ невнятнымъ голосомъ, но вотъ его голосъ окрѣпъ и онъ въ прекрасныхъ лекціяхъ,—во время которыхъ, казалось, въ аудиторіи, гдѣ то вдали, виднѣлся призракъ его матери и витал духъ Христа,—ясно выразилъ свое убѣжденіе, что прогрессъ заключается въ нравственномъ совершенствованіи. Молодежь, услыхавъ это, встрепенулась, пріободрилась и понемногу стала успокаиваться. Она получила отвѣтъ на интересовавшій ея вопросъ въ чемъ состоитъ прогрессъ: въ прекращеніи подражанія или въ продолженіи его? Ей указали цѣль жизни. Оставалось слѣдовать совѣту дорогого учителя. Ему она послѣдовала и тѣмъ подготовила себя къ дѣятельности 60-хъ годовъ.

Совершился подвигъ жизни профессора Тимофея Николаевича Грановскаго. Въ трудный историческій моментъ жизни русскаго общества онъ, живое олицетвореніе синтеза, благополучно провелъ юношество между Сциллою и Харибдою.

Но этого мало: сказавъ немного,—и пожалуй нѣчто далеко не новое—но такъ выразительно, такъ убѣдительно, такъ хорошо и такъ своеобразно, Грановскій въ то же время своимъ собственнымъ примѣромъ лишній разъ подтвердилъ, что истинно нравственное всѣми единогласно признается за таковое, что имъ любуются, увлекаются, а слѣдовательно чувствуютъ въ немъ какую то безотчетную

потребность и когда оно воплощается въ комъ-нибудь,—радуются, какъ подтвержденію того, что оно не есть призракъ, а, иногда, бываетъ и дѣйствительностью. Такіе люди, какъ Грановскій, имѣютъ значеніе не только для того или другого историческаго момента и для того или другого народа, но и для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ: они принуждаютъ вѣрить въ конечное торжество добра надъ зломъ и въ хорошія стороны человѣческой природы.

Но вѣдь Грановскій ночи просиживалъ за азартною карточною игрой? Да, онъ просиживалъ: онъ не избѣгъ вліянія наслѣдственности.

Но вѣдь тотъ же Грановскій былъ лѣнивъ, не любилъ писать и только отговаривался строгостями цензуры? Нѣтъ, Тимофей Николаевичъ не отговаривался, а надо только удивляться, какъ могъ онъ сдѣлать такъ много, онъ, заболѣвшій глазами и грудью отъ первыхъ попытокъ усидчивой работы и продолжавшій болѣть, и не шуточно, всю свою жизнь.

Какое же, въ концѣ концовъ, завѣщалъ профессоръ наслѣдство? Фактическое подтвержденіе значенія нравственнаго въ соціальной жизни вообще и, въ особенности тогда, когда оно соединено съ научнымъ и художественнымъ.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго.

1. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. Москва, 1856 г., изд. I, т. I и II.
2. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. Москва, 1866 г., изд. II, т. I и II.
3. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. Москва, 1892 г., изд. III, т. I и II.
4. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. Москва, 1900 г., изд. IV, т. I.
5. Записки всеобщей исторіи. Отрывокъ изъ университетскаго курса Грановскаго. Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра. С.-Петер., 1895 г.
6. *Т. Н. Грановскій* и его переписка. Москва, 1897 г., т. II переписки *Т. Н. Грановскаго*.

Главнѣйшія данныя о Т. Н. Грановскомъ.

1. *А. Станкевичъ*. Тимофей Николаевичъ Грановскій (біографическій очеркъ). Москва, 1869 г.
2. Ib. *А. Станкевичъ*, (біографическій очеркъ), изд. второе, Т. Н. Грановскій и его переписка, т. I. Москва, 1897 г.
3. *К. Д. Кавелинъ*. Т. Н. Грановскій. Собраніе сочиненій, т. III. С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 1075—1080.
4. Пр. *В. Григорьевъ*. Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Русская бесѣда, 1856 г., кн. III, стр. 17—46, кн. IV, стр. 1–59.
5. Пр. *Кудрявцевъ*. Дѣтство и юность Грановскаго, Русск. Вѣстн., 1858 г., т. XVIII, стр. 1—50.
6. *П. Кудрявцевъ*. Сочиненія П. Н. Кудрявцева. Москва, 1887 г., т. II.

7. *В. В. Селивановъ.* Тимофей Николаевичъ Грановскій. Русск. стар., 1877 г. № 10, стр. 205—220.

8. *Я. Невѣровъ.* Тимофей Николаевичъ Грановскій, профессоръ московскаго университета. Русск. стар., 1880 г. № 4, стр. 731—764.

9. *А. Герценъ.* „Былое и думы". Нѣсколько изданій.

10. *С. М. Соловьевъ.* Рѣчь на актѣ 1856. Журн. минист. нар. просвѣщ., 1856 г., т. LXXIX, отд. VII стр. 57—60.

11. *С. М. Соловьевъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева. Русск. Вѣст., 1896 г., № 2, стр. 17—19.

12. *Т. П. Пассекъ.* Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Русск. стар., 1877 г. № 7, стр. 447—459.

13. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики. С.-Пет. 1882 г.

14. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* С. В. Ешевскій. Сочиненія по русск. исторіи. Москва, 1900 г.

15. *П. Н. Обнинскій.* Воспоминанія юриста. Русск. арх., 1892 г. № 1, стр. 97—118.

16. *А. Афанасьевъ.* Московскій университетъ (1843—1849). Русск. стар., 1886 г. № 8, стр. 379—382.

17. *И. С. Тургеневъ.* Два слова о Грановскомъ. Полное собраніе сочиненій, изд. А. Маркса, С.-Петерб. 1898 г. т. VII стр. 343—345.

18. *Н. Карѣевъ.* Историческое міросозерцаніе Грановскаго. Годичный актъ С.-Петербургскаго университета 8 Февраля 1896 г. С.-Петерб., 1896 г.

19. *П. Виноградовъ.* Т. Н. Грановскій. Русск. мысль 1893 г. № 4, стр. 44—66.

20. *Ч. Вѣтринскій.* Т. Н. Грановскій и его время. Москва, 1897 г.

21. *Б. Чичеринъ.* Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго. Вопросы философіи и психологіи, 1897 г., кн. 36 (I).

22. *Ч. Вѣтринскій.* Въ сороковыхъ годахъ. Москва 1899 г. Память Т. Н. Грановскаго, стр. 62—95.

23. *В. Мякотинъ.* Профессоръ сороковыхъ годовъ. Т. Н. Грановскій. Русское богатство, 1896 г. № 6, стр. 66—94, № 7, стр. 33—57.

24. *Скабичевскій.* Полное собраніе сочиненій. С.-Петербургъ, т. I. „Три человѣка сороковыхъ годовъ", стр. 723—743.

25. Вѣстникъ Европы 1869 г. № 5 стр. 425—440.

26. *М. Чернышевскій.* Замѣтки о современной литературѣ (1856—1862 г.). С.-Петерб. 1894 г.
27. *А. В. Никитенко.* Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенки. С.-Пет. 1893 г., 3 тома.
28. *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Петерб. т. I, 1888 г.—т. 12, 1898 г.
29. *Г. Джаншіевъ.* Эпоха великихъ реформъ. Москва. Нѣсколько изданій.
30. Воспоминанія о студенческой жизни. Москва, 1899 г.
31. *М. Катковъ.* Московскія Вѣдомости, 1855 г. № 120.
32. *В. Якушкинъ.* Русскія Вѣдомости, 1895 г. № 273.
33. *А. Станкевичъ.* Русскія Вѣдомости, 1896 г. №. 104.
34. Молва, 1857 г. № 1.
35. Русскія Вѣдомости, 6 Октября 1895 г.

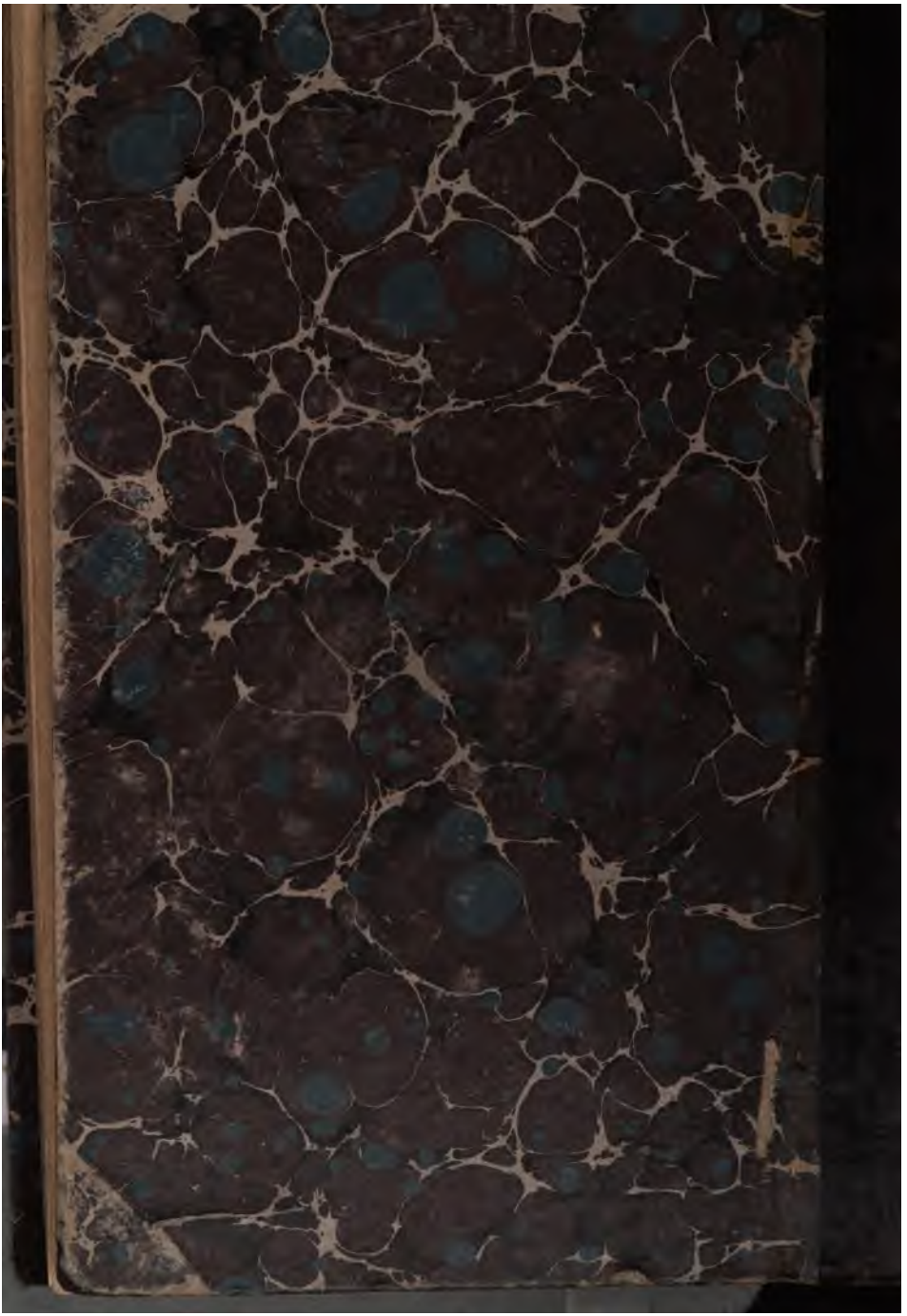
Замѣченныя ошибки и опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
VII	12 сверху	hystorique	historique
8	10 сверху	бщества	общества
9	6 снизу	mettanten	mettant en
9	9 снизу	organization	organisation
14	3 сверху	они	онѣ
19	Примѣчаніе: 6 строка снизу	теченіи	теченіе
27	9 снизу	де-Мейстера	де-Местра
28	7 сверху	де-Мейстеръ	де-Местръ
35	13 и 14 сверху	раскусывать	распознавать
43	6 снизу	чинушъ	низшихъ чиновниковъ
45	Примѣчаніе: 4 и 5 стр. снизу	Въ теченіи 1886 г.	Въ теченіе 1886, 1887, 1888 гг.
72	Примѣчаніе: 3 строка сверху	Русск. стар.	Русск. арх.
108	9 и 10 сверху	кончилъ онъ	кончилъ её
129	2 и 6 сверху	Гумбольдъ	Гумбольдтъ
156	1 и 2 сверху	Это было, какъ бы его исторпческое profession de foi.	Это была, какъ бы его историческая profession de foi.
186	14 сверху	біографія	біографъ
213	12 снизу	Jou	You
214	1 снизу	сужденіе	соединеніе
217	5 снизу	отношеніе	отношенія
226	10 сверху	быти	быта
227	7 сверху	проповѣдоваемыхъ Гдѣ встрѣчается: Гран. и его тр.	проповѣдываемыхъ Гран. и его пер.

Ленинградский Институт
1.9026

D 15 .G67 L4
T. N. Granovskii
Stanford University Libraries
3 6105 041 345 013

D
15
G67L4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.